

На правах рукописи

Гавеля Владимир Леонтьевич

Ц е л ь п о л а г а н и е
в структуре социальной деятельности
человека

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ	
ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ	6
§1. Трактовка целеполагания в различных философских системах	6
§2. Функции целеполагания	29
§3. Целеполагание как функция свободы	56
ГЛАВА II. ЦЕННОСТНАЯ ФУНКЦИЯ	
ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ	70
§1. Мотивации целеполагания	70
§2. Корреляция целей с культурными универсалиями	99
§3. Коррекция целей в социуме	120
ГЛАВА III. ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ И	
ЦЕЛЕОСУЩЕСТВЛЕНИЯ	142
§1. Место целей в прогнозировании социальной деятельности	142
§ 2. Целеосуществление в структуре социальной деятельности человека	187
§3 Формы коррекции целей в процессе их реализации в социальной среде	205
§4. Взаимосвязь целеполагания и планирования в социальной деятельности	230
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	254
ЛИТЕРАТУРА	271

Введение

Изучение и понимание субъективного и объективного в философии невозможно без анализа категорий "цель", "целеполагание", "целесообразность" и тех деятельностных феноменов, которые послужили основой для их становления и формирования. В качестве субъекта деятельности в философии могут быть представлены не только отдельные целеполагающие индивиды, но и группы, слои, классы, государство. Это говорит о том, что социальность предполагает постановку и реализацию целей на всех уровнях человеческих социальных организаций. Целеполагание является содержанием почти всех форм деятельности за исключением неосознанного функционирования. Можно сказать, что попытки строить социальные отношения без свободного целеполагания, отвлекаясь от реального бытия человека, приводит к неразрешимым противоречиям, отделяющим теорию от жизни. Люди растворяются в обезличенном целом, нивелируются их энергия преобразования социальных форм, а социальное приобретает феномен квазиприродной силы, определяющей человеческое бытие.

Целеполагание является духовным предвосхищением всей практической деятельности человека, и поэтому оно обладает сложной структурой и выполняет не одну, а некоторое множество функций по отношению к этой деятельности.

Несомненно, актуальным является выявление структуры целеполагания, градация мотивов выбора цели, опорных ценностей целеполагания, а также степени его свободы. До сих пор, однако, не существует описания системы целеполагания как целого, как специфического уровня человеческой деятельности, не рассматривается ценностная функция целеполагания, а также характер целеосуществления в непрерывно меняющейся структуре социальной деятельности человека. В цели результат полагается идеально и, переходя в сферу опредмечивания, непрерывно корректируется в процессе деятельности, в процессе соединения со средствами. Целеосуществление является вместе с тем

социально мотивированным процессом, поэтому постоянно идет процесс корреляции целей со сложившимися в обществе культурными универсалиями.

В этом смысле понятие цели и анализ целеполагания могут стать центральными только в философии, которая рассматривает в качестве своего основного объекта сознательную деятельность социального человека и его общественно-историческую практику.

В большинстве случаев вне философии проблема целеполагания описывается по схеме целедостижения, и вся проблема отодвигается или на уровень мнимой очевидности, или на не рассматриваемый уровень ее принадлежности к предмету других наук. В теории принятия решений, например, цели рассматриваются как задания, как нечто данное, как директивное указание от вышестоящих органов. Здесь выбор целей отождествляется с определением критериев оценки альтернатив. Логико-управленческий подход в большинстве своем строится на отождествлении основных механизмов постановки целей с логикой их достижения. Предполагается, что механизм выбора целей аналогичен выбору средств в зависимости от возможностей, наличия и характера средств достижимости. Даже когда выбор поднимается на новый уровень рациональный (последовательно, непротиворечиво), инструментальный (по содержательному внешнему критерию) или же согласно иерархии предпочтений или «дереву целей», - то и в этих случаях вопрос о предпосылках возникновения этих критериев выносится за рамки анализа.

В цели содержится в снятом виде активная природа субъекта деятельности, она выступает как целеустремленность. Целеустремленность - это субъективное осознание людьми цели своей деятельности, знание средств и методов ее достижения. Здесь многообразие функциональных целей наталкивается на оценочный аспект целеполагания, выстроенный по актуальности и значимости целей, когда осознается приоритет перспективных целей, реализация которых составляет стратегию целеполагания.

Целеполагание есть решимость преодоления препятствий, которые могут встать на пути реализации цели. Здесь речь идет о мотивированном и немотивированном подходе. В первом случае целеустремленность опирается на знания, выбор методов, социальные критерии, культурные универсалии и т.д. Во втором случае знание может не играть решающей роли, и тогда целеустремленность идет путем проб и ошибок. Поэтому субъект деятельности готов отвечать за цели, но ни в коей мере не за результаты.

При этом воспроизводится противоречие между тем, что есть, и тем, что необходимо человеку. С одной стороны - это внутренний побудительный стимул целеполагания, с другой - побуждение к активности в реализации целей. Целеполагание - это движение от единичности конкретного выбора через его уникальность к общей, повторяемой, «стандартной» механике, которая все же не делает людей одинаковыми. Это создает ситуацию сопряженности целеполагания с прогнозом. Прогнозирование связано с целеполаганием своим генезисом в качестве формы экстраполяции настоящего на локальные участки времени в будущем.

Не менее существенна необходимость соотнесения целеполагания с планированием и программированием, что дает возможность обнаружить их субстратное сходство. Эти и другие проблемы являются объектом рассмотрения в данной монографии.

Глава I. Многофункциональность целеполагания

§1. Трактовка целеполагания в различных философских системах

Понятие цели, равно как и понятие идеи и реальности, знания и бытия, свободы и необходимости, в истории философии всегда были источником горячих дискуссий. Начало этих дискуссий восходит к борьбе между мифологическим и научным сознанием, между верой и знанием, между материализмом и идеализмом. С наибольшей полнотой столкновения вокруг понятия цели проявились противоположности двух философских концепций бытия: причинности и телеологии.

Уже в древнегреческой философии обе эти концепции складываются в общих чертах, хотя еще и не достигают своей современной остроты. Идея причинности, сформулированная в первоначальном виде атомистами, была направлена против унижающих человека представлений о его бессилии перед внешними силами, роком, судьбой. В этом религиозно-мифологическом представлении еще не различались ни необходимость, ни случайность, ни цель, ни причина. Особую роль играло представление о роке, перед которым меркло представление о целесообразном характере деятельности человека. Рок беспредельно господствовал в представлениях греков о судьбе человека. Именно он и есть тот ничем не ограниченный самопроизвол бытия, перед исключительностью которого все одинаково бессильно.

Атомисты выдвинули идею причинной связи, представили бытие как цепь причин, а собственно причинность, как закономерно-необходимый естественный порядок, некий ритм бытия, как закон, познать который вполне возможно. Существенно здесь то, что в наивности представлений о роке и судьбе, необходимость и случайность, цель и причина по сути выступали как еще не различенные определения единой основы бытия.

Цель - одна из первых категорий, начавших формироваться в сознании по мере его генезиса. Осознание возможности реализовать свои цели в то же время означает первую ступень свободы человека по отношению к природе. В своем

раннем развитии категория “цель” не отделяется четко от находящихся в процессе становления категорий причинности и необходимости. Постепенно представление о цели и целесообразности вбирает в себя телеология - религиозно-философское учение.

Для телеологии целевой причиной гармонии вселенной является бог. Основой физико-телеологического доказательства существования бога служило представление о целеполагающем начале природы, которое существует вне мира и представляет собой высшую причину и конечную цель мирового процесса.

Ранние материалистические воззрения противопоставлены антропоморфизму мифологии, но не идеалистическим телеологическим философским учениям, возникшим позже. Целесообразность выражается более общими представлениями о гармонии, взаимосоответствии, упорядоченности явлений природы. Дальнейшее развитие категории “цель” более всего связано с идеализмом. В философской системе Платона цель трактуется в качестве упорядочивающего начала, которое соединяет части в одно целое. Платоновская мировая цель, совпадающая с идеалом добра, возвышенного, прекрасного, есть мистифицированное выражение всеобщей закономерной связи.

Аристотель впервые специально анализирует категорию “цель” как организующий принцип, основу специфики реальной вещи, сохранения ее определенности. Он интересуется не самими предметами природы, а структурой соотношений, формами силлогизма, рассматривает общее соответствие следствий причинам как подтверждение идеи господства целевой причины над действующей. Он же предложил и первую классификацию причин, в основу которой положил свое учение о форме, которая у него является принципом и направляющим началом любого предмета. Форма у Аристотеля выступает в роли внутренней цели каждого объективного процесса. Это приводит его к убеждению, что в природе существуют причины “ради чего”. Он писал: “В растениях полезные им части возникают ввиду

определенной цели, например, листья - ради защиты плода. Так что если по природе ради чего-нибудь ласточка делает гнездо, а паук - паутину, и растения производят листья ради плодов, а корни растут не вверх, а вниз ради питания, то очевидно, что имеется подобная причина в других телах, возникающих и существующих в природе. А так как природа двояка: с одной стороны, как материя, с другой - как форма, она же цель, а ради цели существует все остальное, то она и будет причиной “ради чего”.¹

Идея причинности самым существенным образом повлияла на последующее развитие знания и как таковая оказалась одним из величайших достижений человеческого гения. Нет никакой вины атомистов в том, что уже в Новое время понятие причинности стало синонимом необходимости, отрицающей саму возможность случайности. Более того, причинность стала чем-то несовместимым со свободой и целью и, таким образом, обнаружила свою недостаточность, несовершенство и односторонность.

На ближайшие истоки этой недостаточности обратил внимание уже Аристотель. Он совершенно резонно заметил, что атомисты, сосредоточившись на материальных и движущих причинах, не учитывают не менее важные причины «другого рода». Это и входящий в состав вещи материал, а также форма и образец «...иначе говоря - понятие сути бытия и (более общие) ради этого понятия...» Аристотель обращает внимание на то, что человек, давший совет, тоже есть причина того, что делается, и то, что изменяет, - причина того, что изменяется.

«Кроме того, о причине говорится в смысле цели, а цель - это то, ради чего, например, цель гулянья - здоровье. В самом деле, почему (человек) гуляет, говорим мы? Чтобы быть здоровым. И сказавши так, мы считаем, что указали причину. При этом (цель будет одинаковым образом причиной) для всего, что благодаря произведенному человеком действию проявляется в промежутке перед достижением цели, - как, например, здоровью предшествует похудение или очищение (организма), или лекарства, или (врачебные) инструменты: все

¹ Аристотель. Физика. М.: 1937, с. 45.

перечисленное существует ради цели, а отличается друг от друга тем, что в одном случае - это орудие, а в другом действие»¹. В едином учении о причинности Аристотель вслед за понятиями о материальной и движущей причинах рассмотрел такие причины, как сущность, форму и цель. Для него, как и для атомистов, познание вещи есть прежде всего познание причины этой вещи.

Важно отметить, что целевая причина в аристотелевском учении не противоречит причинам других родов, не исключает их, как и те в свою очередь не исключают цели и не противоречат ей. От Аристотеля к нам пришло утверждение, что произведения человеческой деятельности необходимо имеют фиксированную цель. Аристотель согласился с выводами Сократа и Платона об ограниченности и конечности всякой цели человеческой деятельности. Любая частная цель частной же деятельности необходимо соотносится с более общей целью. Имея подчиненный смысл, сами по себе такие цели, являясь субъективными, находят свое обоснование только в соотношении с более общими целями, которые в конечном счете должны быть определены как всеобщие, постоянные, бесконечные по содержанию, например, в соотношении с благом вообще. Аристотель, таким образом, вслед за Сократом и Платоном наметил, выделил два существенным образом различных понятия цели: актуальную цель - цель деятельности человека и цель - стремление - бесконечную по своему содержанию - потенциальную цель.

Из изложенного видно, что Аристотелевское учение не является выражением телеологического мировоззрения, тем не менее оно оказалось одним из теоретических источников телеологии, развитой позднее в рамках средневекового христианского богословия. Именно в нем понятие цели приобрело смысл универсальной причины при этом наиболее общая из этих целей, понимаемая как бесконечная по содержанию «окончательная цель бытия», определяется телеологией как окончательная причина сущего, как

¹ Аристотель. Метафизика. М., 1934, с. 79.

логическая *causa finalis* или онтологическая *causa prima*. В качестве такой причины и фигурирует слово божье («в начале было слово»), бог - творец.

Следует заметить, что впервые сформулированное Аристотелем понятие энтелехии имело последовательно диалектический характер прежде всего как дефиниция, выражающая особенности немеханических форм причинности. Все последователи Аристотеля, включая и телеологов, не обратили внимания на самое главное, что целесообразность природы существенным образом отлична от целесообразности человеческой деятельности. Это отличие заключается прежде всего в том, что для природных объектов цель как «то, ради чего», как разумное полагание, не может быть доказана логически, что в отличие от целесообразной человеческой деятельности «механизм» природы без идеи творца не дает достаточных оснований для целевой интерпретации. Отсюда следует, что причинность в природе не может быть определена по аналогии с мотивациями и логикой человеческой деятельности. На эту особенность обратил внимание И. Кант, который, как и Г. Лейбниц, весьма своеобразно пытался преодолеть крайности механистического принципа причинности и принципов целесообразности, исповедуемых телеологами.

Различие между причинностью в природе и телеологическим способом миропонимания Кант видит как различие разных способностей человека: его «способность желания» и «способность познания». «В способности желания» человек демонстрирует свои потенции деятельности, исходя из «понятий свободы», которые покоятся на законодательстве разума и *a priori* заключают в себе основу всех чувственно-безусловных практических предписаний¹. Во втором случае, рассуждает Кант, человек исходит из «понятий природы», «которые покоятся на законодательстве рассудка и заключают в себе основу всякого теоретического познания *a priori*»². Эти понятия, как полагает Кант, принадлежат двум различным мирам: миру чувственных вещей и сверхчувственному миру.

¹ Кант И. Критика способности суждения. Спб., 1898, с. 36.

² Кант И. Критика способности суждения. Спб., 1898, с. 36.

Что же представляет собой целесообразность согласно И. Канту? Он пишет :«...целесообразным называется объект, или душевное состояние, или поступок, хотя их возможность и не необходимо предполагает представление цели, только потому, что мы можем понять и объяснить их возможность, поскольку мы признаем в их основе причинность по целям, т.е. волю, которая располагает их в данном порядке по представлению известного правила. Целесообразность, следовательно, может быть целью, поскольку причины этой формы мы полагаем не в воле, но поскольку объяснение ее возможности мы можем сделать для себя понятным только в том случае, если мы выводим ее из воли. но мы не всегда вынуждены усматривать через разум то, что мы наблюдаем (по его возможности). Следовательно, мы можем по крайней мере наблюдать целесообразное по форме, а не полагая для нее в основу цели (как материи *nexus finalis*), можем замечать ее в предметах, хотя впрочем, только путем рефлексии»¹

Отсюда видно, что Кант четко отмечает антропоморфный характер существующих представлений о целесообразности природы. Он пишет, что «целесообразность природы есть, следовательно, особое понятие *a priori*, которое имеет свое происхождение исключительно в рефлектирующей способности суждения. Продуктам природы нельзя приписывать нечто, как отношение природы в них к каким-то целям, но этим понятием пользуются только для того, чтобы рассуждать о них по отношению к соединению в природе явлений, которое дано по эмпирическим законам. Но это понятие совершенно отличается от практической целесообразности (человеческого искусства или нравственности) хотя и мыслится по аналогии с ним».²

При помощи обращения к цели можно описать закономерности живого организма по отношению к другим продуктам природы, не являющимися живыми, то здесь, как недвусмысленно отмечает Кант, понятие цели применяется в совершенно особом смысле и только из-за привычности для нас

¹ Там же. с.64-65.

² Там же с. 17-18.

аналогии с целесообразностью человеческой деятельности. Если мы исходим из такого понимания сущности цели, то принцип природной целесообразности, взятой в определенно условном смысле, уместен в объяснении характера функционирования природы. Он не только не противоречит причинности природы, но, наоборот, открывает более продуктивные возможности исследования природной причинности, включая в научные познания характерные для органических форм бытия немеханические отношения.

Следовательно, целесообразность, которая не есть целесообразность разумной человеческой деятельности, должна быть понята как антроморфное представление, как писал Кант, как формальная и рассудочная целесообразность. Она есть целесообразность без цели, так как не включает ее в свое содержание необходимо. По его мысли, такая целесообразность может быть понята и как внешняя целесообразность (полезность), и как внутренняя целесообразность (особого рода внутренняя гармония или совершенство предмета). И если целесообразность в первом смысле вообще не включает в свое содержание цели, то в основе целесообразности во втором смысле лежат, как видно, не целевые, а какие-то иные отношения.

Общими чертами рассмотрения категории цели в учениях христианских богословов Августина, Альберта Больштедского, Фомы Аквинского являются: антропоцентризм, абсолютная несводимость сложного к простому, креационизм, нравственным и этическим ценностям придается характер всеобщих отношений действительности (аксиологизм).

Можно сказать, что смещение смысла идеалистической телеологии лежит не в признании естественных целевых зависимостей, а в придании природе сознательных целей и в приложении понятия целесообразности ко всей природе.

Естественно, что трактовка целей и целесообразности исключала понимание человеческой деятельности как реализации поставленных самим человеком задач, исключала рассмотрение реализации человеческих целей в

качестве пути, ведущего к творчеству и достижению свободы, исключала понимание целеполагания как результата multifunctionality человека.

Материалистическая философия в XVII и XVIII вв. (от Б. Спинозы до французских просветителей) пыталась объяснить мир из законов его собственного развития (например, спинозовское *causa sui*), руководствуясь принципом материалистического детерминизма. Так, Ф. Бэкон утверждал, что истинная наука основывается на познании причин, а цели и конечные причины - это бесплодные девственницы, посвященные богу. Он изгнал учение об извечном боге из области физики. Ф. Бэкон решительно отказался от телеологической ограниченности в понимании природы. Б. Спиноза, возражая телеологам, писал: “Природа не предназначает для себя никаких целей... все конечные причины составляют только человеческие вымыслы”¹.

Критикуя телеологию, философы-материалисты указывали на ее тесную связь с теологией. Идея целесообразности мироздания, по мнению Гольбаха, ведет к признанию необходимости существа, управляющего природой и наделенного физическими органами наподобие человеческих.

Свою критику телеологизма философы-материалисты подкрепляли также ссылкой на относительный характер целесообразности в природе и общественных явлениях. “Какая, спрашивается, - писал П. Гольбах, - польза для человечества в засухах, голодовках, эпидемиях, битвах, губящих миллионы людей и непрерывно опустошающих землю!”².

Критика телеологии у французских материалистов была связана с имевшимися в их учении элементами теории развития. “Материи пришлось пройти через бесчисленное количество всяких комбинаций, прежде чем она достигла той единственной, из которой могло выйти совершенное животное.”¹ Но будучи метафизиками и механистами, философы-материалисты XVII и XVIII вв., противопоставив детерминизм (механический) - целесообразности,

¹ . Спиноза Б. Изб. произв., т. 1, М.: 1957, с. 397.

² Гольбах П.. Система природы. М.: 1940., с. 331.

трактовали эту противоположность как полную несовместимость, при которой одно совершенно исключает другое. Поэтому они не могли объяснить, каким образом возникает органическая целесообразность. Механический детерминизм, отождествляя причинность и необходимость, отрицал случайность. Из-за этого в рамках механической методологии невозможно было объяснить явление целесообразности, в основе которого лежит единство необходимости и случайности.

Сложнее обстоит дело с понятием цели в себе, цели - причины. Это понятие довольно тщательно было рассмотрено Лейбницем, который в отличие от «вульгарной телеологии» Христиана Вольфа с его идеей «внешней целесообразности» развивал идеи имманентной телеологии. Эти идеи отражали стремление Лейбница преодолеть ограниченность механических учений, учений о причинности и умозрительность вульгарной телеологии. Лейбниц первую и вторую проблемы понимал более глубоко и хотел объединить их в едином законе достаточного основания. По его мысли, этот закон должен включать в свое содержание как механические причинные отношения, так и немеханические целевые и т.д. отношения в месте с логическими связями основания и следствия. Ближе всего к решению вопроса о целесообразности в природе подошла идеалистическая диалектика. Гегель считал целесообразность внутренней функцией сущего, проявляющейся в гармонии вселенной.

Взгляды Канта на категорию “цель” представляют собой образец метафизического противопоставления причинности и целесообразности. Дело в том, что причинность Кант считал априорной формой рассудка, а не объективно существующей закономерностью мира. Для него причинность - это один из способов рассмотрения явления. Каждое явление может одновременно рассматриваться как следствие предшествовавшей ему причины и как средство, предназначенное служить определенной цели.

Кант писал: “Если хотят объяснить, что такое цель по ее трансцендентальным определениям (не предполагая чего-либо эмпирического,

¹. Ламетри Ж. Избр. соч., ГИЗ. Л., 1925, с.257.

каково чувство удовольствия), то цель есть предмет понятия, поскольку на это понятие смотрят как на причину предмета (реальную основу его возможности); и причинность понятия по отношению к объекту есть целесообразность (*causa finalis*). Следовательно, там, где мыслят не только предмет (форму или существование его), но и предмет как действие, возможное только через понятие о нем, там мыслят и цель. Представление о действии здесь основа определения причины и предшествует последней”.¹

Кант был уверен, что каузальная точка зрения гораздо уже, нежели теологическая, поскольку бессильна объяснить целесообразность растений и животных. Человеческую волю как “вещь в себе” Кант ставит в исключительное положение, она якобы обладает абсолютной свободой в смысле возможности действовать без всяких причин и даже вопреки им, но в соответствии с высшими нравственными целями и идеалами. Цели и идеалы коренятся в глубине человеческой души и независимы от человеческих отношений и социально-исторических условий.

Все же в кантовском рассмотрении данного вопроса есть и ценные моменты, например, отражение связи целесообразности с диалектикой части и целого, причины и следствия, случайности и необходимости, а также общая антитеологическая направленность. Важно заметить, что Кант рассматривает целеполагающую деятельность не только с точки зрения деятельности, реализующей цель, но и с точки зрения цели, которую следовало бы реализовать, с точки зрения должного. Как и Сократа, Платона и Аристотеля, его интересуют цели, имеющие всеобщее содержание, и, прежде всего, такая цель, как “всеобщее благо”. Но эта всеобщая цель, к которой все стремятся, понимая ее различно, остается недостижимой. Это этический идеал, с которым каждый должен согласовать свои частные цели и действия.

В систематической форме диалектическое движение цели впервые исследовал Гегель. Он отказался от попыток телеологии, истолковывающей первенство цели как идеального начала по отношению к средству, и говорит о

¹ Кант И. Критика способности суждения. СПб, 1898, с. 64.

первенстве средства по отношению к цели. И все же рациональный характер этого утверждения снижается убеждением Гегеля, что средство является способом существования понятия. Это, естественно, ведет к утрате различия между природой средства и природой цели, приводит к отрицанию относительной самостоятельности средства.

Гегель согласился с Кантом по поводу того, что, будучи взятой как средство аналогии, цель не противоречит природной причинности. Позднее Гегель писал, что размышлять о природе и ее продуктах лучше всего по принципу «механизма» самой природы, а не по принципу конечной цели, не ставя никаких препятствий тому, чтобы в каких-то условиях исследовать природные формы и по принципу цели. Естествознание в своем дальнейшем развитии показало, что принцип цели, понятый в таком условном смысле, не противоречит принципу детерминизма, а даже является существенным дополнением его.

По-новому Гегель рассматривает отношения причинности и целесообразности. Признавая обратное воздействие следствия на причину, он приходит к выводу о цикличном характере причинно-следственных отношений, выражает при помощи понятия “внутренняя цель” организацию причинных отношений. Обращаясь в телеологии к диалектике общественного развития и труда, Гегель приходит к признанию значения производственной деятельности для развития форм понятия и цели.

С Гегелем заканчивается рациональный момент в развитии телеологии. Дальнейшее движение должно было привести к материализму и к отказу от доведка телеологии или же к отрицанию и отказу от теоретического уровня, достигнутого Гегелем в понимании цели, к возврату к чистой телеологии по типу христианских богословов. Последующие попытки использовать телеологию для объяснения биологических явлений (витализм, преформизм, неофинализм) не привели к новым идеям. В европейской философии XIX и начала XX веков не содержится каких-либо новых положений, углубляющих

понимание категории “цель”. Более того, А. Шопенгауэр предпринял попытку развивать телеологию без этой категории.

Существовала в этот период и другая крайность. Так, Э. Гартман, критикуя телеологию Канта, возвел цель в ранг центральной категории философии. В борьбе против телеологии русские революционные демократы пришли к значительным материалистическим выводам даже в отношении целей человечества, к исследованию роли общественной производственной деятельности. Особого внимания заслуживает рассмотрение А. Герценом целеполагания в природе. Герцен совершенно правильно считал, что природа сама себе причина и цель. Цель живого существа выражает его саморегуляцию, способность самосохранения и самовоспроизведения в меняющихся условиях окружающей среды.¹ Материализм всегда критиковал телеологию, но даже исторически наиболее совершенный материализм XIX века не смог выдвинуть против нее научно достоверных контраргументов.

Поскольку механическое объяснение явлений природы в XVIII в. зашло в тупик, этим не преминули воспользоваться телеологи. Они превратили биологию в “оплот” телеологии, заявляя, что явления органической жизни - это сверхъестественная тайна, которая доступна только религиозной вере, но не научному знанию.

В сфере строения и функционирования органических систем телеология претендовала если не на универсальное знание, то во всяком случае на роль необходимого “дополнения” к якобы недостаточному казуальному анализу. Но именно в биологии телеологии был нанесен сокрушительный удар. Началом разрушения монополии телеологии послужили труд Ч. Дарвина “Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранения благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь”. Сразу же после прочтения этой работы Ф. Энгельс пишет К. Марксу: “Телеология в одном из своих аспектов не была еще разрушена, а теперь это сделано. Кроме того, до сих пор никогда еще

¹ См. Герцен А.И.. Письма об изучении природы. М.: 1959, соч. т. III.

не было столь грандиозной попытки доказать историческое развитие в природе...»¹

Маркс еще более расширяет характеристику дарвинизма, называя его естественнонаучной основой материалистической диалектики.² Ч. Дарвин был первым, кто вскрыл естественные причины развития живой природы и объяснил появление бесконечного разнообразия и вместе с тем единства органических форм, впервые дал научное истолкование явления органической целесообразности. Более того, Ф. Энгельс считал, что Ч. Дарвин дает ключ к пониманию предыстории сознания, без которой «существование мыслящего человеческого мозга остается чудом».³

Кризис телеологии и беспомощность механического материализма приводят к тому, что развитие материалистического содержания категории «цель» в середине XIX века вливается в категориальный аппарат марксизма.⁴ Совершенно очевидно, что категория «цель» в настоящее время весьма часто используется для понимания общественных явлений и феноменов суммирования индивидуальных целей в общественных.

В системе категорий философии цель является категорией диалектической логики, поскольку отражает стороны связей субъекта и объекта. Всю же свою глубину категория «цель» может проявить только в единстве с другими категориями: необходимость, возможность, действительность, свобода и т.д.

В категории цели есть богатые возможности для развития, например, «внутренняя цель» в немецкой классической философии выражает направленный характер организации живых существ без помощи представлений о надприродном факторе, как протест против дуализма действующих и целевых конечных причин. Противоположность между ними

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 424.

² Там же. Соч., т. 20, с. 512.

³ Там же.

⁴ Это с достаточной полнотой исследовано в книге Макарова М.Г. Категория «цель» в домарксистской философии. Л., 1974, а также в коллективной монографии Исторический материализм, как методология познания и преобразования общественной жизни. М.: Наука, 1987.

узкая, существует лишь при весьма органическом понимании причинности. При более широком понимании отношение, выражающееся понятием “конечная причина”, занимает место момента более развитой причинной связи.¹

Исследуя развитие и саморегуляцию капиталистической экономики, К. Маркс впервые применил понятие цели для обозначения объективной направленности этой регуляции. Таким образом, здесь впервые обозначена применимость категории “цель” для обозначения определенных отношений реальной объективной действительности, понимавшихся К. Марксом как особый вид причинных отношений. Вместе с тем, в основном, марксизм преодолел метафизическую односторонность понимания цели, охарактеризовал цель как творческую форму отражения бытия, обусловленную материальными и практическими потребностями человека и связанную с достижением состояния творческого разнообразия.

Одной из форм творческого преобразования бытия сознанием является цель, формирующаяся на основании реальных материальных условий.. Так при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. Это положение является фундаментальным в оценке материальных возможностей целеполагания.

Любой волевой акт, направленный на достижение той или иной цели, будучи по своей природе явлением субъективным, определяется объективной действительностью, поскольку он возникает как закономерное следствие уже достигнутого уровня развития материальной жизни общества и его свободы.

Возникнув под воздействием определенных условий, волевой акт по необходимости всегда реализуется в той или иной материально ощутимой форме, которая в итоге представляет собой результат потребности развития материальной жизни общества. С другой стороны, всякое волеизъявление индивида непосредственно определяется осознанной целью, творческой целью,

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 569.

которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю.

Следовательно, человек координирует свое целеполагание с познанной природой и общественной необходимостью и в реализации целей использует объективные возможности развивающегося мира. Цель является, таким образом, исходным пунктом и двигательной силой волевой деятельности индивида и доминантным фактором в этой деятельности. Она характеризует активный, творческий, а не созерцательный характер отношения человека к действительности.

Это содержание и должно быть включено в определение категории “цель”. Понятие цели в различных науках имеет специфическое содержание. Как и другие категории, оно отражает противоречия и причинные отношения в материальном мире. Категория “цель” отражает многогранные связи субъективного и объективного, познания и практики, соотносится с категориями необходимости и свободы. Это последнее соотношение важно тем, что означает выход за пределы чистой субъективности, ибо указывает на то, что цель связана с необходимостью, закономерностью. Вместе с тем, цель превращается в фактор активности и деятельности на основе познания, творчества, выбора, поиска.

Категория “цель” является одним из понятий, без которого нельзя обойтись при рассмотрении проблемы материального и идеального, и в этом качестве оно интересует биологов, биокибернетиков, информатиков. При этом в связи с тем, что Винер, Розенблум и др. не были знакомы с критикой телеологии Марксом, с тем, что Маркс называл “рациональным смыслом телеологии”,¹ возникло опасение при употреблении понятия “объективная цель”. В какой-то мере это объясняется тем, что в историческом развитии телеологии Сократа, Платона и Аристотеля и до современных философов-идеалистов, таких, как У. Хокинг, Р. Флюэллинг, Г. Веттер, общим для всех модификаций телеологии было признание объективной целенаправленности

всех явлений природы и общества, якобы подчиненных высшей божественной воле.

Исторически сложившаяся связь термина “телеология” с религией и идеализмом затрудняет использование этого термина в материализме. Однако уровень развития современной науки и техники, а также интересы дальнейшего развития познания требуют категории, которая характеризовала бы присущую действительности определенную направленность развития сложных материальных систем именно к данному определенному результату, а не к иному.

Совершенно естественно, что философы-материалисты всегда стремились дать материалистическое определение категории цели, опирающееся на достигнутый уровень познания и общественно-исторической практики. И сложилась определенная тенденция трактовки этой категории. Ряд авторов связывают цель с удовлетворением потребности.² Другие считают, что стержнем определения должно быть указание на идеальность отношений, отраженных категорией “цель”.³

В Большой Советской Энциклопедии цель определяется как категория, обозначающая заранее мыслимый результат сознательной деятельности человека, группы людей, партии или класса.⁴

В.Н. Козин дает определение содержания категории “цель” через перечисление ее составных элементов: “Необходимыми составными элементами цели являются: потребность (общественная или личная, материальная или духовная), средства (“вещество природы”, стороны, свойства объективного мира, способы удовлетворить потребность), пути, способы

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 475.

² См. Спиркин.А. Курс марксистской философии. М.: 1966, с. 102; Турбовский. М.Б. Труд и мышление. М.: 1987, с. 534. Фил. энцикл. словарь М.: 1983, с. 762.

³ См. Борзенко. А.В. Проблема цели в общественном развитии. М.: 1963, с. 8; Философский словарь, М.: 1963, с. 496.

⁴ БСЭ, П изд., т. 46, с. 498.

практического действия по связыванию того и другого (“приспособление” предметов, являющихся средствами, к удовлетворению потребности)”.¹

Близко к этому определению, которое, пожалуй, более четкое, определение Б.С. Украинцева: “Целеполагание и следующее за ним целеосуществление - активный процесс, предполагающий относительную свободу выбора человеком из имеющихся в наличии независимых от него возможностей и средств решения поставленной задачи”.²

В коллективной монографии философов из бывшей ГДР “Общество и сознание” определение вообще упрощено: “Цель - это предвосхищение будущего состояния, продукта и т.д., к которому стремится субъект, то чего он должен достичь своим действием”.³

В первом определении упускается объективный характер цели, то, что цель есть будущий результат преобразовательной деятельности человека, к которому он стремится, и, следовательно, представляет собой будущее объективное явление. Будучи еще в сфере постановки, цель соотносится с закономерностями, присущими объекту деятельности, и поэтому можно сказать, что в какой-то мере процесс объективизации цели в “результате” начинается еще в сфере постановки.

Одно только указание на идеальный характер цели тоже не раскрывает объем понятия. Процесс выработки цели есть творческий процесс отражения объективного мира в форме образа предстоящей практической деятельности. В цели предметы внешнего мира “перевоплощаются” в образ практических действий человека, комбинируются на основе того, чего человек хочет достигнуть. Указывая на необходимость материальных предпосылок в целеполагании, К. Маркс определяет цель как идеальный образ подлежащих

¹ Котин В.Н.. Процесс познания цели. Автор. канд. дисс., Калинин, 1968, с. 4.

² В книге Исторический материализм как методология познания и преобразования общественной жизни. “Наука”, 1987, с. 249-250.

³ Общество и сознание. М.: Прогресс, 1984, с. 141.

созданию предметов, образ, который существует до того, как эти предметы будут произведены.¹

Здесь очень важно указание на необходимость материальных предпосылок цели, т.к. цель может иметь “дурную субъективность”, т.е. не согласовываться ни с объективными закономерностями, ни с материальными ресурсами. Определение БСЭ, даже будучи расшифровано, все же является неполным, тогда как определение В.Н. Кодина и В.С. Украинцева включают в объем понятия цели не только потребности, но и средства, методы достижения результата и свойства объективного мира. Такое расширение не правомочно, так как мотив деятельности, форма ее осуществления не могут быть сведены только к цели. Это сложный диалектический процесс, который включает в себя ценностные ориентации, воздействие общественных законов, эстетические нормы, творческий потенциал, наконец, опредмечивание и т.д.

По нашему мнению, цель может быть определена как категория деятельности и познания, неотделимая от категории “практика” и творчество. Отсутствие в материальной действительности того, что содержится в цели, является тем противоречием, которое выступает одним из источников деятельности человека. В этом не только зависимость цели как отражения от отражаемого, но и зависимость ее как следствия от причины. Цель есть определенный итог переработки содержащейся в человеческом опыте информации, зафиксированной в сложных нейродинамических связях. Цель играет роль логического условия, которое в свою очередь определяет отбор и оценку непрерывно поступающей информации и обеспечивает определенный характер и организацию действий. Данная конкретная цель всегда выражает значение, смысл для человеческой личности результатов тех или иных ее действий, их общественную ценность. А сам процесс целеполагания имеет многофункциональный характер.

Цель отражает также возможности окружающей человека действительности, которые могут быть превращены в действительность не

¹ Маркс К. и. Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 718.

вдруг, а через упорядоченную систему приемов и умений. В современной науке цель выступает в роли приема научного познания и связана с понятием “объективной целесообразности”, означающей в социологии, биологии, технике определенную сторону сложной системы взаимодействующих элементов, которая означает реализацию творческих потенций. Наконец, в своем содержании она отражает отношения не вечные, а возникающие субъективно в объективно изменяющихся условиях и объективизирующиеся деятельностью на основании систем ценностей и мотиваций.

Цель вторична, а материальные условия ее становления и реализации первичны, потому что они не только предшествуют процессу формирования цели, не только в известном смысле порождают ее, но и определяют ее. Следовательно, субъективность цели относительна. Более того, коррелятором целей выступают культурные универсалии.

В известной степени условия целеполагания находятся в противоположности и одновременно в органической взаимосвязи с процессом и результатом осуществления цели. Цель и материальные средства ее постановки различны, ибо цель по природе идеальна, а средства материальны. Действительность имеет диалектический характер, и поэтому человек может ставить самые различные цели, опираясь на богатство явлений действительности и творческий потенциал, ведь может быть и цель целей, т.е. воображаемая цель.

В каждом процессе есть по крайней мере две взаимоисключающие реальные возможности, которые связаны с противоречием саморазвития данного процесса. Безусловно, оттенков может быть много, но тенденция оценивается по основному направлению. Ошибочной является точка зрения, якобы прогрессивная, что существует только одна реальная возможность. Будучи принятой реальным движением, такая позиция ведет к стихийности и снимает необходимость активности человека, т.к. порождает иллюзию о возможности реализации цели прогресса самотеком. Гегель писал: “...практически...нередко за категорией возможности скрывается злая воля и

косность, чтобы с ее помощью увильнуть от исполнения определенных обязанностей”.¹

При помощи соотношения цели и возможности можно решить проблему творческой активности человека. Несомненно, что творчество связано с постановкой и реализацией целей. В этом отношении в процессе познания перед человеком открывается много возможностей, и его творчество проявляется, с одной стороны, в выборе и постановке цели, с другой стороны, - в использовании тех или иных методов и средств реализации целей.

Активность человека тем более оправдана, чем больше существует для него познанных возможностей, в сфере которых он может реализовать свое творчество. Следовательно, реализация целей связана с познанием и практикой. В своих действиях человек свободен только в пределах необходимости, а творчество есть выбор среди множества возможных необходимостей, избирательность целей. Цель деятельности может осуществляться только в том случае, если есть возможность произвести данное изменение предмета деятельности.

Для того, чтобы цель была реальной, она должна отражать объективные реальные возможности, которые являются свойствами самой действительности, заложенными в ней. Субъективно человеку его цель всегда представляется как возможность, и это представление является побудительным мотивом начала реализации цели. В цели всегда фиксируется такое будущее состояние объективной действительности, которое удовлетворяет существующую потребность первоначально в идеальной форме. При этом цель и результат могут быть показаны через противоречие. Состояние объекта - это, во-первых, результат предшествующей цели предшествующих целеполаганий, во-вторых, - это неудовлетворенность нынешним состоянием, желание творческой корреляции, переходных состояний. С такой ситуацией мы столкнулись в нашей действительности, остро поставившей вопрос о сломе укоренившихся негативных тенденций в развитии нашего общества.

¹ Гегель Г. Соч., т. 1, М.: 1938, с. 241.

Одной из сторон этой связи целеполагания и возможности есть цель-мечта, которая не содержит конкретного знания и не связана со средствами осуществления, т.е. предмет цели-мечты существует отдельно от средств, или они еще не найдены. Эта цель чаще всего ставится в образной форме, тогда как реальная цель содержит свою осуществимость в виде знания и средств, и в этом отношении ближе к опредмечиванию, чем к идеализации. Объединение субъективной цели со средствами через активность и творчество означает объективизацию цели и превращение возможности в действительность. При этом человек может вызвать к жизни то, что внутренне, потенциально содержится в материальных явлениях и связях. Одновременно реализованные цели расширяют возможности целеполагания и делают деятельность все более свободной в смысле богатства методов реализации целей и полного совпадения содержания их постановки и реализации.

Следовательно, выработка, постановка целей связана с познанием объективных возможностей, имеющихся в самой действительности, и на этой основе человек может осуществить выбор той возможности, которая будучи превращена в действительность, наиболее соответствует, приближена к потребности. Отсюда можно сделать вывод, что не цели порождают возможности, как утверждает один из родоначальников прагматизма Д. Дьюи, а наоборот, реальные цели ставятся на основе имеющихся возможностей, заключенных в самой действительности.

Познание раскрывает возможность, потребность, а наличие средств служит основой постановки цели, поэтому деятельность по реализации цели является целесообразной. Это объективно целесообразная деятельность, поскольку в ней достигнуто объединение познания, практики и активного творчества человека. В этом плане возможность не может быть формальной, так как в таком случае деятельность теряет смысл. Цели, которые ставятся на основании формальной возможности, не достижимы по существу.

Вышеизложенное свидетельствует, что цель, будучи категорией, характеризующей активное отношение субъекта к объекту, должна быть

включена в категориальный аппарат диалектики. В философской литературе нет общепринятой классификации категорий. На наш взгляд, правильным является разделение их на две группы:

1. Категории, характеризующие отношение человека к окружающему его объективному миру, концентрирующие связи и отношения общественной жизни и являющиеся результатом и инструментом анализа познавательной и творчески преобразующей деятельности человека.

2. Категории, характеризующие свойства и отношения материального мира как такового, как объективной реальности, существование которой не может быть выведено из сознания.

Рассматриваемое соотношение категорий характеризует противоречивое движение общественной жизни, и поэтому категории цели, возможности, действительности, свободы творчества могут быть отнесены к первой группе категорий диалектики.

Из этих посылок можно сделать следующие выводы:

1. Целеполагание как возможность опредмечивания есть сторона необходимости, отмоделированной как несуществующая реальность, это пролонгация причинности.

2. Цель есть социально мотивированное звено функционирования субъективного в ритме объективного, где гносеологический аспект есть условие творческой активности, а их единство есть опредмечивание.

3. Реализованная потребность есть стандарт объективизации звеньев цели и этот стандарт, будучи однажды достигнут закрепляется как форма деятельности.

4. Диапазон целеполагания широк настолько, насколько широк преискуронт познанных возможностей и насколько социальные приоритеты не стеснены социальными же запретами.

5. Набор целей всегда шире возможностей опредмечивания, его иерархия не стиснута социальными стандартами.

6. Целеполагание для человека не является чем-то изначальным. Способность ставить цели - следствие социализации. Обучение ребенка (речи, ношению одежды, владению бытовой техникой, игре в шахматы, таблице умножения и т.д.) - это освоение культуры, предшествующее социализации. Несомненно, приобщение к культуре и социализация - процессы пересекающиеся, но ставить цели может только социализированный человек, т.е. носитель общественных отношений, воплощенных в социальных ролях.

§2. Функции целеполагания

Свобода человека основывается на реализации его целей через познание и деятельность. Цель человека должна отражать развитие предметов и явлений объективного мира, в противном случае она теряет свое реальное содержание. Отсюда следует, что принцип соотношения цели и свободы, а значит, и принцип классификации целей можно вывести не только из развития познания, но также из развития предметов и явлений объективного мира. Это в полной мере согласуется с известным высказыванием В.И. Ленина в “Философских тетрадах”, что логику “Капитала” необходимо сугубо использовать в построении “Логике” (с большой буквы).¹

Проблема систематизации категорий и соотношения отдельных категорий внутри нее не может быть решена в отрыве от объективного развития вещей и явлений. Например, свобода, понимаемая как возможность, ставит любые цели, даже не согласованные с объективными закономерностями, превращается в произвол и способствует не прогрессивному развитию общества, а разрушению общественных связей и достижений, и, более того, разрушает структуру личности. В этом смысле представления о свободе и целеполагании не могут “исправлять” объективно-исторические связи до такой степени, чтобы снимать вопрос о материальных связях как основе соотношения категорий цели и свободы. Ф. Энгельс пишет, что отражение истории в мышлении “...исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости...”¹

Следовательно, в отражении объективных процессов мышление показывает свою специфику не путем произвольного манипулирования логическими категориями, а тем, что отбрасывает случайное, второстепенное и сохраняет общее, существенное в сжатом виде. Именно в этом смысле

¹ См. Ленин. В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

отдельная цель богаче конечной цели, так как выражает конкретную, живую и непосредственную необходимость, а конечная цель как реализация свободы богаче отдельной цели по широте охвата и проявлению всеобщих сторон и закономерностей объективного развития общества.

Качество деятельности связано с целями, которые ставят определенные люди в разные эпохи. К примеру, в первобытном обществе в условиях социальных отношений, которые характеризуются родовым сознанием, человек в одиночку был не более, чем животное, которое находится в полной власти естественной необходимости. Лишь благодаря родовому единству взаимной солидарности и взаимопомощи люди приобретали прогрессирующую возможность присвоения среды. В этих условиях первой и основной целью людей было желание добиться освобождения от господства естественных факторов, но не путем слияния с внешней средой, приспособления к ее изменениям, как это характерно для животных, а вследствие деиндивидуализации гармонии с естеством, гармонии рода, а потом социума со средой, а индивид гармонизируется со средой опосредованно, через социум.

В деятельности людей во все периоды истории социума сохранялась цель освобождения от стихийных сил природы с помощью познания и активности, а не путем изменения биологической структуры организма.

Цель отражает не все аспекты реализации и самореализации социума. Реализованные однонаправленные социальные цели оказываются многофункциональными. Например, совершенствование средств защиты суверенитета становится оружием не против агрессии, а оружием уничтожения самого социума, т.е. планка силы поднята столь высоко, что становится двоичной: средством не только уничтожения противника, но и самоуничтожения. Реализация глобальной цели порождает следствия, не заключенные в первоначальном содержании.

В работе вводится понятие групповой рассогласованности целей, суть которого в том, что различие интересов социальных групп, классов и т.д.

¹ Маркс К. и Энгельс. Ф. Соч., т. 13, с. 497.

приводит к постановке противоположных целей, субъективно мотивированных, но для реализации которых необходимы одни и те же материальные ресурсы, за обладание которыми и ведется борьба. Здесь марксизм отдает приоритет идеологическим соображениям. Те цели считаются благородными, реализация которых ведет к коммунизму, а не к другим социально-системным образованиям. Естественно, что антагонизм ведет к групповой рассогласованности целей, делает их разнонаправленными и порождает антагонизм.

Целеполагание является одним из показателей свободы творчества. Чтобы быть действительно свободным (не только в сознании, но и на практике), мало иметь социальную возможность постановки цели, выбора цели, но и иметь средства ее реализации. Материальные основы реализации целей, а значит, и достижения свободы, создавались в результате развития производства, связанного с социализацией природы, а социализация природы всегда зависит от развития науки и производства, развития сущностных сил и способностей.

До сих пор, по злой иронии, чем больше люди освобождались от природы, тем больше они попадали под власть стихийных и разрушительных сил, высвобождаемых социумом и действующих разрушительно не только на объект деятельности, но и на сам субъект истории.

Надо рассмотреть, каким образом человек освобождался от стихийных сил природы и начинал действовать в природе, согласно своим задачам и нуждам, производя вместе с тем целевую анархию. В этом случае не обойтись без рассмотрения соответствия логики и истории возникновения соответствующих категорий. Но в процессе своего возникновения и развития отдельные вещи и явления объективного мира, кроме специфических черт, имеют и общие черты. Эти черты присущи не только логике развития данного процесса, но и части или всем другим вещам и процессам. И эта закономерность не может не учитываться при определении соотношений и связей как отдельных категорий, так и их систематизации.

В.И. Ленин, указывая на всеобщий характер последовательности категорий в “Капитале”, пишет: “Товар-деньги-капитал... (История капитализма и анализ понятий, резюмирующих ее).”¹ Далее, указывая, что у К. Маркса в истоке анализа находится самое массовидное отношение (обмен товаров) капитализма и отсюда ведется дальнейшее изложение роста и развития буржуазного общества и его противоречий, В.И. Ленин пишет: “Таков же должен быть метод изложения (respective - изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики)”.²

Марксизм трактует капитализм как только отдельный эпизод общественного развития, а соотношение категорий в “Капитале” выражает историю его развития в сокращенном виде. Соотношение же категорий диалектики берется как логика объективности, подавляющая субъективность, которая, следовательно, в самостоятельном движении есть противоположность объективному.

Целевой анализ не может быть столь категоричным, поскольку оболочкой социальной жизни могут быть многие политические и экономические формы. Человеческие цели не так уж многообразны, как может показаться, если их гуманистически сгруппировать как потребности. Например, если сгруппировать глобальные потребности человечества как функциональной системы, то таких потребностей окажется всего три: потребность в энергии, потребность в веществе и потребность в информации.

Марксизм, при всех его достоинствах, глобально стягивает многообразие целей к цели построения коммунизма. Сама цель не хороша и не плоха, как и любая другая социальная цель, но если объявить остальной целевой разброс чем-то вспомогательным, тогда надо соответственно перестраивать систему социализации человека. Преимущество надо отдать общественным целям, по ним оценивать личность, а личные цели должны быть периферийными.

¹ Ленин. В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

² Там же, т. 29, с. 318.

Сознание общественных ценностей должно быть совмещено со шкалой личных целей, или же общественные цели должны стать личными.

Последующий ход событий показал, что эта идея утопична и может быть частично реализована только жесточайшим преследованием инакомыслящих. Феномен личной цели противостоит любой глобальной унифицированной общественной цели, в особенности же идеологизированной. Удивительно, что теоретическое содержание марксизма допускает более плюралистическое толкование, чем то, которое было сформулировано идеологами КПСС.

Сама марксистская идеология считает, что личная свобода производна от общественной, и в обществе, основанном на порабощении, даже эксплуататор - раб своего привилегированного положения, а свобода в таком обществе - это сплошной обман и лицемерие. Но в рамках определенных социальных условий индивид всегда имеет право на свободный поступок, на борьбу за свободу, хотя мера этого поступка не одинакова для эксплуататора и эксплуатируемого. А. Грамши очень метко сказал, что “мера свободы входит в понятие человека.”¹

В этом плане теоретическая сущность проблемы личной свободы, считает марксизм, состоит в определении конкретно-исторической природы личности через характер ее целей и анализ объективных условий выбора в реализации необходимых и желаемых целей личного бытия. К. Маркс и Ф. Энгельс еще в “Святом семействе” писали о необходимости общественных условий для проявления истинно-человеческой индивидуальности, которая должна совпадать с требованиями общества к поведению человека. Это должно выражаться в совпадении целей индивида и интересов общества.

“Если правильно понятый интерес составляет принцип всей морали, то надо, стало быть, стремиться к тому, чтобы частный интерес отдельного человека совпадал с общечеловеческими интересами. Если Человек несвободен в материалистическом смысле, т.е. если он свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной

¹ Грамши А.. Изб. произ., М.: 1959, т. 3, с. 53.

силы проявлять свою истинную индивидуальность, то должно не наказывать преступление отдельных лиц, а уничтожить антисоциальные источники преступности и предоставить каждому необходимый общественный простор для его насущных жизненных проявлений.

...Если человек по природе своей общественное существо, то он, стало быть, только в обществе может развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по силе отдельных индивидуумов, а по силе всего общества”.¹ Здесь ясно выражена концепция приоритета общественных интересов перед личными.

Отдельные цели человека унифицированы в зависимости от социальных систем, об этом писали Дайсон и Шарлотта Картер в книге “Будущее свободы”. Человек стремится избавиться от негативной свободы, т.е. от произвола, стихийности действий, безработицы, благотворительности, экономического неравенства, преступности, рекламы, преждевременной смерти, забот о завтрашнем дне, душевных расстройств, перенаселения, домовладельцев и трущоб, диктатуры финансистов, экономических кризисов и т.д.²

По сути дела, это перечисление тех воздействий и проявлений, которые в своей совокупности характеризуют несвободу человека. Это препятствие к раскрытию сущности сил человека, удовлетворению его необходимых жизненных потребностей.

Понятие свободы конкретизирует себя через невозможность человека осуществлять свои цели, т.е. через свою противоположность - несвободу, идеал свободы возникает тогда, когда человек сталкивается с препятствиями. Этот идеал для марксизма выражает стремление к безграничному развитию жизнедеятельности общества, протест против пассивного ожидания будущего. Для марксистов свобода выражается в великой “неудовлетворенности”, которая побуждает к творчеству, к постановке все более грандиозных целей в совершенствовании общественной жизни, к обеспечению социального и

¹. Маркс К и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 145-146.

² Дайсон, Картер Ш. Будущее свободы. М.: 1963, с.64-65.

личного прогресса. Концептуально марксизм считает, что свобода закрепляется в механизме общественных институтов и мировоззрения членов общества. В.И. Ленин писал: “Деятельность цели направлена не на себя самое..., а на то, чтобы посредством уничтожения определенных (сторон, черт, явлений) внешнего мира дать себе реальность в форме внешней действительности”...¹ Генеральная цель развития человечества, считает марксизм, - есть творчество, преобразование мира и личности - это и есть подлинная сущность свободы.

Этот максимализм марксизма привел к игнорированию множественности целей, но, несомненно, положительная черта марксистской концепции цели - это утверждение длящейся, реализующей целеустремленности, ее многофункциональность.

Действительно, в своей деятельности человек производит не только определенный, соответствующий его потребности предмет, но и затрагивает, а, следовательно, и изменяет бесчисленную совокупность других объектов окружающего мира. При этом изменения, проводимые в социальном мире, значительно превосходят преобразования в природе, из которой человек берет материал для своей целесообразной деятельности. Успех в реализации цели вместе с тем порождает и потребность в новых предметах.

Одновременно с этим не менее значительным изменениям подвергается и сам человек, потому что параллельно с процессом производства он производит и себя как творца этих предметов и как их потребителя. Особенность целесообразной деятельности такова, что человек выходит из производственного акта иным, чем вошел в него. Вместе с тем производственная деятельность не замыкается только в расширении потребностей, а порождает большое количество представлений, целую совокупность понятий. Понятия, с которыми он выходит из детерминированной потребностями целевой деятельности, значительно отличаются от понятий, с которыми он начинал эту деятельность.

¹ Ленин. В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 195.

Короче говоря, производя предмет своей потребности, человек производит и каждым последующим циклом деятельности воспроизводит созданный этой его деятельностью социальный мир и свою свободу по отношению к еще не вовлеченным в производство частям природы. Это противоречивый, но прогрессирующий процесс.

Если бы продуктом целевой деятельности являлась только “реализованная цель”, как это часто предполагается, то отношение результата деятельности к соответствующей ему цели было бы отношением к самому себе, а исследование этого отношения дало бы лишь идентификацию понятий предмета и продукта деятельности. Материальный процесс реализации был бы в сущности абсолютным механическим воспроизведением мыслительного акта. Но это далеко не так.

Когда человек замечает несовпадение цели и результата не только по форме, но и по содержанию, то он получает практическое подтверждение позиции материализма, отрицающего полное тождество материального и идеального аспектов, поскольку несовпадение цели и результата может быть только проявлением вне сознания человека и независимо от его цели существующей реальности. Исследование деятельности со стороны целеполагания предполагает, что она не есть механически запрограммированный процесс производства того или другого предмета, но, прежде всего, является осмысленной, направленной и противоречивой деятельностью. Отсюда в каждом реальном случае отдельному виду деятельности предшествует идеальный процесс формирования цели этой деятельности. Целесообразный характер человеческой деятельности подчеркивается Марксом в “Капитале”: “Человек не только изменяет форму того, что дано природой; он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю”.¹

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189.

Более того, характеризуя человеческую историю как таковую в своей первой совместной работе “Святое семейство”, Маркс и Энгельс делают вывод, что “история” не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История - не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека”.¹ Это вклад марксизма в решение проблемы “цель-результат”.

Вместе с тем категории “цель”, “целесообразность” и “целеполагание” могут быть применены не только для отражения объективных процессов, связей, отношений, имеющих место в сфере сознания, но и во всех процессах самоуправления. Существует аналогия между сознательной целесообразной деятельностью человеческого сознания и направленной деятельностью живых организмов, а также функционированием искусственных электронных устройств. И если бы категории “цель”, “целесообразность”, “целеполагание” ничего не отражали в сфере неосознанной жизнедеятельности и в процессах самоуправления вообще, то их применение за границей сознания не было бы оправдано никакими теоретико-познавательными соображениями. Но поскольку аналогия существует, а сама сущность понятия аналогии не предполагает полного тождества, то нет никаких препятствий для использования этих категорий для оценки эффективности живых и неживых самоуправляемых систем.

Общей закономерностью для сознательного целеполагания и неосознанного функционирования самоуправляемых систем любой природы является очевидная направленность к достижению определенного результата, замыкающаяся или на удовлетворении биологической потребности или на реализации поставленной извне цели для электронных устройств.

Это обстоятельство в самом общем виде и позволяет более широко применять категорию “цель” и сопутствующие ей категории, очистить ее от неоправданных антропоморфных наслоений и разумно обьективировать ее,

¹ Там же. Соч., т. 2, с. 102.

распространив на те сферы неосознанного функционирования, где существует объективно необходимая направленность к достижению именно данного определенного эффекта, где функционирование преимущественно определяется потребностью, имеет аксиологическую окраску.

В связи с использованием кибернетикой понятия “цель” стали появляться даже предложения, подобные заявлению И. Маркулеску-Худука о том, что “понятие цели должно быть ...изменено, из него необходимо исключить смысл сознательности.”¹ Это, по сути дела, возвращение к тому запрету, к которому прибег метафизический материализм из-за телеологического содержания понятия целесообразности.

Свидетельством повышения роли категории “целесообразность” в биологических исследованиях являются попытки введения в биологию терминов, аналогичных ей. Например, термин “теленомия”, которым обозначают особенности поведения целенаправленных систем при характеристике их причинно обусловленной направленности. Термин “теленомия” должен подчеркнуть также немеханический характер причинных структур в регулирующих системах. В этом смысле он имеет некоторую долю философского содержания. И все же это, по сути дела, попытка влить старое вино в новые меха. Собственно попытки “оживить” старые теории - это одна из вечных особенностей философии, но ни одна из этих попыток конструктивно решить современные проблемы только в рамках старых теорий успеха принести не может, хотя бы в силу расхождения по времени, имеющего содержательный смысл.

По всей видимости правильное понимание взаимосвязи функций и строения связано не с реконструкцией телеологии, а с сложившимся в результате конструктивной критики марксизмом телеологии понятием объективной целесообразности.

Первым отходом в позитивной форме от телеологии была дарвиновская теория естественного отбора, она дала первое естественнонаучное объяснение

целесообразности в живой природе. Из этой теории следовало, что выражением целесообразности является механизм приспособления к окружающей среде, и эта приспособляемость складывается не как реализация предустановленной цели, а в процессе эволюции. И все же сам механизм целесообразных явлений дарвиновская теория не раскрыла, иначе говоря, она не раскрыла физиологического механизма направленного поведения видов в пространстве и во времени, обуславливающего градацию форм целесообразности по степени приспособленности видов к внешней среде.²

Но что же тогда представляет собой целесообразность природы, если «предмет природы» мы не можем считать «целью природы». Как известно, для Канта эта коллизия говорит не столько о сопряженности с целью, сколько о связи отдельных предметов с целостностью. «Для вещи, - пишет он, - как цели природы, во-первых, нужно, чтобы части (по их существованию и по их форме) были возможны только в силу их отношения к целому..., во-вторых, для этого нужно, чтобы части ее соединились этим путем в единство целого и чтобы они взаимно были причиной и действием ее формы... Следовательно, для тела, на которое в себе и по его внутренней возможности надо смотреть как на цель природы, требуется, чтобы все части его, как по форме, так и по соединению, взаимно рождали друг друга и таким образом из собственной причинности создавали бы целое...»³

Таким образом, возможно, что данные соотношения в большей мере характеризуют отношение части к целому, а не феномен цели. Если быть последовательным, то целесообразность природы в этом приближении к объекту была бы не целесообразностью в собственном смысле слова, а сообразностью с целостностью. Э.В. Ильенков в своей статье «Об эстетической

¹ Философские проблемы современного естествознания., М.: 1959, с. 583.

² О сущности жизни. Сб. ст, М.: 1964, с. 194.

³ Кант И. Критика способности суждения . Спб. 1898 с. 257

природе фантазии» предложил термин «целесообразность» как реальный эквивалент формальной целесообразности.¹

Однако такая замена имела бы смысл, если бы отношение «целесообразности» позволяло нам в описании бытия выйти на более высокий сущностный уровень, т.е. не только по сравнению с механическим порядком, но и по сравнению с порядком целевым. Предложение Э. В. Ильенкова специалистами не было поддержано, так как термин «целесообразность» вряд ли может претендовать на сколько-нибудь полное выражение основных закономерностей органических форм бытия. Его использование затруднено и по чисто техническим причинам, так как различие с термином целесообразность составляет всего одну букву и может стать причиной недоразумений и ошибок.

Если обратить внимание на суть дела, а не отвлекаться на не очень существенные терминологические тонкости, то становится ясным, что Кант недвусмысленно утверждает, что мы можем смотреть на «вещь природы» как на целесообразную, но никогда не должны признавать ее таковой. Это свидетельствует о том, что для Канта действительная проблема заключается в следующем: имеет ли целесообразность природы лишь субъективное значение или это объективный ее порядок? Совершенно очевидно, что для Канта «причинность по целям» не может противоречить причинности природы, если не теоретически, то во всяком случае практически, так как это свойственно разумной деятельности человека. «Причинность по целям» может быть понятной или не понятной, явной или скрытой, но поскольку она фактически осуществляется, является социальной реальностью, то ее нельзя отвергать или игнорировать. В тоже время разумная деятельность человека является деятельностью по сути целесообразной, тогда как «целесообразность природы» это целесообразность без цели. И поскольку других форм причинности, помимо «причинности их необходимости» и «причинности из свободы», Кант не знает, постольку целесообразность природы, с его точки зрения, является

¹ См. Вопросы эстетики, М., 1964, №6.

всего лишь эвристическим принципом, не более. Это вполне в духе Канта, который считал что постановка проблемы гораздо продуктивнее попытки решить ее же в одностороннем порядке.

В этом отношении кибернетика сделала новый шаг в постановке проблемы, и теория отбора не могла не оказать ей помощь в создании структурных диаграмм и алгоритмов. Поэтому широкое применение в кибернетике получила рефлексорная теория, зачинателями которой были И.М. Сеченов и И.П. Павлов. Эта теория дала строго научное объяснение специфических форм проявлений целесообразности у высших животных. Рефлексорная теория в терминах теории информации получила широкое применение в кибернетике.

С позиции кибернетики понятие органической целесообразности получило новую оценку как отражение динамической адаптивности органических систем, выражающееся при взаимодействии со средой. Можно сказать, что область определения природой целесообразности ограничивается материальными процессами, которые в функциональном и качественном отношении называются органическими. Только по отношению к явлениям живой природы понятие целесообразности имеет смысл. По форме целесообразные процессы всегда целенаправленны. Понятие целенаправленности выражает своеобразную упорядоченность, организованность функционирования, ту его сторону, которой она актуализируется для наблюдателя.

С появлением кибернетики¹ понятие целесообразности в силу своей значительной “биологичности” стало употребляться в ней наряду с другими понятиями, означающими упорядоченность взаимодействия со средой, взятыми из естественных языков и в этом смысле неоднозначными, с известными оговорками. Это обстоятельство сильно ограничивает их использование, поскольку язык кибернетики в значительной степени формализован.

¹ Термин “кибернетика” используется здесь потому, что речь идет об исторических превращениях содержания категории “цель”, и эти превращения продолжаются и в современной информатике.

По сути дела, при подходе к моделированию органически целесообразных процессов выделяется их организованность, упорядоченность, и на этой основе осуществляется формализация. Однако при этом кибернетика абстрагировалась от их органической природы, существенных органических свойств, а тем самым - от свойства целесообразности, как оно понималось в оценке функционирования органических систем. Остается только свойство соответствия строения и связи элементов в процессе реализации цели, которая является не внутренней сущностью, а задается извне человеком, создавшим программу функционирования.

Возникновение кибернетики как науки способствовало в физиологии переходу от рассмотрения организмов как жестко детерминированных средой жизнедеятельности к статистической модели. Поскольку такая модель выделяет наиболее существенное и общее в жизнедеятельности организма, то представления о функционировании значительно усложнилось. Это был новый удар по телеологии.

В своих терминологических поисках Н. Винер употребил понятие цели для обозначения направленности функционирования искусственных информационных систем. С этого времени началась дискуссия о правомерности использования категории «цель» вне дефиниций, характеризующих устремления и интересы субъектов. В отечественной философской литературе эта проблем рассматривалась под углом зрения соответствия цели средствам, целесообразности в природе и под углом зрения использования данной категории в современной информатике.

Дискуссия, особенно по последнему вопросу, была очень продуктивной и дала положительные результаты, способствовала обобщению достижений в области проектирования, эксплуатации и производства нового поколения ЭВМ. В целом проблема использования категории «цель» в информатике еще подвергается критике за антропоморфность, и эта критика стала предметом рассмотрения данной работы. Особенно много положительного в исследование

данной проблемы внесли российские философы: Кочергин А. Н., Степин В. С., Смолян Г. Л., Украинцев Б. С., Урсул А. Д., и другие.¹

Сейчас стало очевидно, что в разработке проблем информатики нельзя обойтись без использования категорий цели, целесообразности, целенаправленности, хотя в употреблении этих понятий есть определенная многозначность, что особенно относится к категории “цель”. Это ведет к тому, что в ряде случаев совершенно не ясно, поставлена ли цель самой системой, и ее стремление к реализации обусловлено самой структурой автоматизированной системы, и она сама является причиной своей активности, или же эта цель задана системе человеком, и критерий реализации лежит вне автоматов.

Часто “цель” рассматривают как свойство, присущее кибернетическим устройствам, информационным системам, как элемент их поведения. Это, по сути дела, означает отрыв от человека присущих ему свойств, отчуждение их и перенесение на функционирование автоматических устройств.

А если же это естественная модель сознательного человека, то тогда создается иллюзия его равноправия с общественным человеком. Отсюда берут свое начало пессимистические теории о возможности создания “общества машин”.

Собственно, целеустремленность - это наиболее человеческое качество из человеческих способностей, и поэтому достижения кибернетики с наибольшей наглядностью показали ее возможности, когда кибернетика приступила к созданию систем, моделирующих целеустремленные действия человека.

Современные информатики остроумно воплощают в так называемых кибернетических игрушках типа “лиса Дюкрока”, “черепашка Грея Уолтера”

¹ См. Кочергин А.Н. Моделирование мышления М. 1969; Его же Философский анализ моделирования функций мозга. Новосибирск, 1973; Степин В.С. Системность теоретических знаний и процедуры конструктивного обновления теории// Теория и метод. М., 1987; Его же Научное познание и ценности техногенной цивилизации// В.Ф., 1989 № 10; Смолян Г.Л. Человек и ЭВМ - три аспекта проблемы// В.Ф. 1973 №3; Его же Концепция взаимодействия человека и машины: истоки, значение, развитие// Там же. 1978, №4; Украинцев Б.С. Категории «активность» и «цель» в свете основных понятий кибернетики// В.Ф., 1967 №5; Его же . Выбор поведения в процессе целесуществления// Методологические проблемы биоконкибернетики. М., 1967 ; Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке. М. 1975; Его же Информатика, кибернетика, интеллект. Кишинев, 1988.

целенаправленные и целеустремленные действия животных и человека. Эти “игрушки” создают полную иллюзию сознательного стремления устройства к цели. Создание подобного рода устройства - это не только игры взрослых людей. Мышление экспериментатора стремится здесь к созданию наиболее оптимальной модели целеустремленной активности животных и человека, раскрытию материального механизма этих действий.

Правда, есть мнение, что такие игрушки не могут быть иллюстрацией целенаправленности, так как их поведение детерминировано конструкцией, тогда как цели человека ничем не связаны, и в этом смысле человек в своей активности абсолютно свободен.¹ Это критика кибернетики с четко выраженных идеалистических позиций, поскольку даже человек не обладает абсолютной свободой, равнозначной произволу, а детерминирован сферой и условиями своей деятельности, а также общественными условиями, которые дают простор или сдерживают его активность. Но все же человек реализует свой выбор не через произвол, а через познание и практику.

Если же говорить о информационных системах, то действительно они сделаны человеком и подчинены ему, несут отпечаток его целей, которые для данного устройства выступают в качестве внешней необходимости. Но и в данном случае заданная внешняя необходимость есть выражение творческой активности человека, осознавшего необходимость путем познания объективных законов. Говорить об использовании категории “цель” необходимо, поскольку особенность работы и структуры самонастраивающихся систем состоит в том, что конструктор, не обладая достаточной информацией о процессах, течением которых должно управлять устройство, не может ставить промежуточных целей на пути реализации общей задачи.

И все же в информационных устройствах в силу стремления их к универсальности не может не закладываться творческое разнообразие, оно как бы существует как информационная идеология, как идеальный показатель оперирования любой информацией. Как бы познание порождает познание.

Усилия по открытию универсальных законов вселенной выражаются и подтверждаются в универсальности законов оперирования, хранения и накопления информации.

Необходимость разработки содержания понятий цели и целесообразности объясняется также и тем, что развитие информатики выдвинуло ряд аспектов этих понятий, которые раньше были достаточны в общей форме. Теория целесообразности и целенаправленности необходима информатике, так как информатика возникла и развивается как абстрактная теория регулирования в самом общем виде, т.е. как теория организации целенаправленных действий, как кибернетика.

Применение категории “цель” в информатике имеет смысл, потому что она не только определенная область знания, но и определенный “стиль мышления”, эффективный научный подход, предполагающий использование интегральных конструкций, унифицированных методик и совершенного математического аппарата к необозримому многообразию задач управления, которые возникают в обществе, живой природе и технике.

Значение категории цели определено одним из “отцов” кибернетики Н. Винером, который назвал ее “одной из коренных категорий науки”. Он определил цель как объективную характеристику поведения активной системы с отрицательной обратной связью, как выражение конечного состояния, в котором поведение объекта достигает определенной корреляции во времени и в пространстве в отношении другого объекта или события.²

Обратная связь в кибернетике рассматривается с точки зрения движения информации, и на этой основе выделяются моменты, которые являются общими для автоматического регулирования, целесообразных реакций организма и сознательной, целенаправленной деятельности человека.

Информационный подход означает моделирование процессов интеллектуальной деятельности человека с одной определенной стороны, а

¹ Косса. П. Кибернетика, М.: 1958, с. 28.

² Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: 1968, с. 28.

именно на уровне элементарных процессов переработки информации в человеческом организме, обществе и в информационных системах (некоторых алгоритмов распознавания, обучения и решения проблем). Отсюда не следует далеко идущих экстраполяций об идентичности или о физическом, субстратном подобии систем управления различной материальной природы.

Цель человека обладает информационным аспектом, поскольку без материального носителя и передачи энергии информация не может существовать, и в этом смысле должна в определенном отношении обладать материальным существованием, включаться в цикл причинно-следственных отношений. Собственно, попытки выразить понятиями информатики явления сознательной цели человека пока не дали чего-нибудь нового. Но информатика позволила уточнить структуру категории “цель” и ее приложение в практике функционирования самоуправляемых систем.

Можно сказать, что использование в информатике понятия цели связано с квантованием информации, перерабатываемой автоматом, и не имеет никакого рационального объяснения вне связи с наблюдением, субъектом.¹

Информация, если ее методологически интерпретировать как единство единичного (информация как сведение), особенного (информация как то, что устраняет неопределенность) и всеобщего (информация как неоднородность, упорядоченность, разнообразие), не являясь философской категорией, конкретизирует такие философские понятия, как отражение, познавательный образ и раскрывает не только их качественные характеристики, но и количественные.²

¹ Широта понятия информации вызывает дискуссии о ее предмете и в связи с этим, на наш взгляд, следует согласиться с авторами сборника “О сущности жизни”. М.: 1964, что дискретные принципы переработки информации в системе головного мозга могут здесь рассматриваться только как рабочая гипотеза (с. 199). В других изданиях понятие “цель” стало рабочей категорией, в полноте ее технической и социальной значимости: Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М.: 1959; Шенон К.Э. Работы по теории информации и кибернетики. М.: 1963; Информация и кибернетика. Сб. статей под редакц. Л.И. Берга, М.: 1967; Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М.: 1968; Урсул А.Д. Информация. М.: 1971; его же Проблема информации в современной науке. М.: 1975 и др.

² См. Берг А., Бирюков В., Новик И. Методологические аспекты кибернетики, // “Коммунист”, 1971, № 18.

² Бернштейн Н.А.. Предисловие к книге Тринчера К.С. “Биология и информация”. М.: 1965, с. 7.

Информатика доказывает самоочевидный тезис о том, что целесообразность является формой причинной связи. Если же цель не реализована (существует как возможность), то “существует предварительно кодовая модель этой цели, которая предшествует целесообразному действию и не содержит никаких отводов против права служить ее причиной”.²

Это характерно для образований большой сложности, которые удовлетворяют объем понятия “система”. Данная структура может называться системой только в том случае, если она находится в активном состоянии. Активность системы, в основе которой лежат внутренние связи, порождает такие необходимые условия целесообразности, как разнообразие, возможность выбора (селекционность).

Наличие свойства выбора означает соотношение функционирования автомата с определенной целью. Человек при выборе руководствуется общественной и личной потребностью и проверенными практикой качественными категориями, реальность цели для него детерминирована знанием и средствами. В автомате целенаправленность характеризует научно-идеализированное представление реального процесса, но непосредственно не может быть отнесена к самому процессу. Это согласуется с философским положением, что цель любой системы определяется не ею самой, а метасистемой.

А теперь рассмотрим понятие “функционирование”, поскольку понятия цели и целесообразности теснейшим образом связаны с ним. Вопрос о цели, если нет функционирования, снимается сам по себе. Модель необходимого результата не оторвана от предшествующей деятельности, более того, она несет в себе элементы совокупного опыта деятельности поколений людей, в чем бы он ни воплощался, будь то предмет потребления или информационная программа, поэтому цель в этом смысле можно определить как модель результатов функционирования, и, естественно, функционирование, имеющее подобную модель, и является целесообразным.

В отдельных случаях функционирование может совпадать со своим результатом, иначе говоря, результатом функционирования будет само функционирование. Например, сизифов труд - результат его не есть созидание, а расходование силы самой по себе, но это не бесцельное расходование - цель имеется, ибо целью богов было наказание Сизифа, и в этом плане результат деятельности совпал с самой деятельностью. Здесь возникает целый ряд этических проблем, например, может ли быть жизнь человека собственной целью человека, или могут ли созданные человеком искусственные системы выходить из-под его контроля и функционировать во вред ему, или же может быть смерть, собственная смерть целью человека и т.д. (Самоубийство следует исключить, потому что в большинстве случаев это патология или в лучшем случае граничный стресс). Оказывается, может М. Монтень в своих “Опытах” рассказывает о человеке, который посвятил свою жизнь подготовке своих похорон и даже с короля взял обещание идти за своим гробом; т.е. формально цель может быть любой, и следует согласиться, что в таком случае может быть оценена как формальная или творческая¹.

В связи с понятием функционирования и структуры, которые имеют большое значение в информатике, следует различать структурную и функциональную целесообразность. Функциональная целесообразность есть оптимальное взаимодействие с окружающей средой, проявляющееся через целенаправленность и целеустремленность.

С созданием самообучающихся информационных систем все большее значение приобретает также понятие “адаптивного поведения”, связанное с термином “функциональная целесообразность”, рациональный смысл которого заключается в необходимости анализа функционирования через взаимодействие информационных систем и Среды. Обратная связь выступает в качестве регулятивного принципа адаптивного поведения.

Структурной целесообразностью можно назвать оптимальную, т.е. наиболее благоприятную совокупность элементов системы. Можно сказать, что

¹ См. Монтень М. Опыты. В трех книгах. Санкт-Петербург. 1998.

в какой-то мере функциональная целесообразность - это направленность действия системы на внешний объект, и здесь проявляется связь того, что мы называем функциональной целесообразностью, с сущностями типа: “отношение”, “взаимодействие”, “связь”. Структурная целесообразность в какой-то мере тождественна понятиям: “форма”, “содержание” и “организация”.

В оценке действия информационных систем эти понятия объединяются следующим образом: “целесообразность” структуры (А) и целенаправленность поведения (А) системы А. “Целесообразностью” обозначают оптимальность строения системы для выполнения определенных функций, а целенаправленность - поведение системы на пути реализации цели, которая для информационных систем задается не самим существованием системы, а диктуется извне оперативно.¹

Целенаправленность кибернетического устройства означает, что программа функционирования направлена на достижение определенного результата, выступающего как его цель. Как правило, функционирование должно обеспечить экстремальное значение по одному или нескольким параметрам системы-объекта, принятым в качестве существенных.

В этом случае, как и в живых системах, критерием эффективности выступает наименьший расход энергии и усилий для реализации задания. Собственно, это и есть оптимальность системы.

В своем единстве структурная и функциональная целесообразность - такой вид взаимодействия, который имеет необходимый уровень всеобщности, чтобы его можно было использовать в кибернетике. Более того, оптимальность функциональной целесообразности соотносится с оптимальностью структурной целесообразности как явление с сущностью.

Уже конструктивно в сложном кибернетическом устройстве функционирование можно представить как процесс организованный или

¹ Флейншман В.С.. Технический прогресс и теория сложных систем. //Материалы к симпозиуму «Исследование операций и анализ развития науки». ч. II, М.: 1967, с. 83.

антиэнтропийный, управляемый и целенаправленный. Трудно говорить с абсолютной уверенностью о полном определении целенаправленности и управления в кибернетике, по всей видимости, оно подчиняется закономерности, аналогичной теореме К. Генделя о неполноте теоретической логики: “Как только мы зафиксируем все известные употребления, окажется возможным употребить то же слово в новой ситуации, непредусмотренной нашими инструкциями”.¹ Поэтому, если мы говорим о самоуправляемости как свободном функционировании, то самоуправляемость кибернетической системы является таковой в идеализированном смысле, через который происходит соотнесение реального процесса с активной человеческой деятельностью вообще.

Можно сказать, что целесообразность - специфическая совокупность причинно-следственных свойств систем общественной, органической и искусственной природы, оптимально действующих для достижения заранее сформулированного результата.

В большинстве работ по кибернетике, как отечественных, так и зарубежных авторов, целью называют благоприятный режим систем (соблюдение выводных параметров), ведущий к достижению искомого результата. У.Р. Эшби определяет цель как “движение машин к состоянию равновесия”.¹ Это определение полностью не отражает всех условий активности системы, здесь не учитывается очень сложный процесс, который предшествует выработке и реализации цели.

Эти факторы можно назвать целевой ситуацией, в которую мы включаем субъект и объект, знание законов предмета деятельности, средства, действия по использованию средств, знание о промежуточном состоянии реализующейся цели, интерес и потребность, отражение потребности в виде цели и оценочный акт. И все же цели информационного устройства были заданы в программе - это открывает возможность создания самоусовершенствующихся машин, так как

¹ Иванов В.В.. Некоторые проблемы современной лингвистики. // Народы Азии и Африки, 1963, № 4, с. 174.

человек не может ощутить себя машиной, чтобы запрограммировать и продублировать машинную логику изнутри. Таким образом, целевая ситуация характеризует как усилия человека по реализации цели, так и машинную логику. Можно говорить только об относительной самостоятельности машин.

Совершенствование автоматов будет продолжаться как по структуре, так и по функциям. Однако это совершенствование имеет технологический, а не общественный характер; и пессимистическая концепция об исключении человека из сугубо человеческой сферы - производства, в силу преобладающей оперативной оптимальности машин, безосновательна.

Н. Винер писал: “Нет, будущее оставляет мало надежд для тех, кто ожидает, что наши новые механические роботы создадут для нас мир, в котором мы будем освобождены от необходимости мыслить”.²

Это утверждение основателя кибернетики указывает на беспочвенность разговоров о возможности передать машине человеческую познавательную деятельность, как таковую, когда машина действует на основании сознания автономности, как личность.

В постановке и реализации целей особенно ярко проявляется активная природа познания. Цель - сложное отражение действительности в двух отношениях. Она выступает как мысленное отражение потребности в качестве опосредованного промежуточными психическими звеньями противоречия между человеком и внешними условиями. В этом не только зависимость цели от внешнего мира как отражения от отражаемого, но и зависимость от него как следствия от причины. Причинная зависимость опосредована в данном случае личным и общественным опытом, через который только и отражаются цели и вызывающие их побудители. Это наиболее сложная форма диалектики причинного отношения.

Огромный и сложный опыт аккумулируется в мышлении, определяет такое множество возможных вариантов целей как ответов на внешнее

¹ Эшби. У.Р. Введение в кибернетику. М.: 1968, с. 86.

² Винер Н.. Творец и робот. М.: 1966, с. 80.

воздействие, что создается иллюзия независимости целей человека от социальной среды. В этом гносеологические корни волюнтаристических взглядов и начинаний.

Второй аспект зависимости целей от внешнего мира состоит в том, что цель представляет собой отражение возможностей развития окружающей человека действительности. Оба эти аспекта в реальной жизнедеятельности переплетаются друг с другом. На всем протяжении чувственно-материальной деятельности цель сохраняется, определяя устойчивую связь, соотношение между отдельными актами действия. Тем самым она выступает и как непосредственная причина практического действия и как его внутренний закон. Цель - идейное, внутреннее, побуждающее начало, которое как закон определяет способ и характер человеческого действия.

Эта особенность человеческого целеполагания создает опасность антропоморфизма в использовании информатикой категорий “цель” и “целеполагание”. В процессе реализации машиной своей целесообразности не происходит ее соотнесения с конкретной практикой и корреляции целевого понятия с общей структурой чувственных образов. Эти компоненты живого целеполагания содержатся в программе в виде информации, которая реализуется через систему машинных преобразований, как оперирование заложенной информацией.

Категория “свободы функционирования” в таких пределах, как это допустимо для категории “цель”, в оценке самоуправляемых систем не применяется. Понятие свободы иногда используется и в естествознании, но только лишь в условно-образном смысле, означающем возможность и вероятность наступления определенного состояния, но оно целиком относится к сфере общественных отношений.

Даже философы-идеалисты признают это. К примеру, известный позитивист Ф. Франк пишет: “В физике мы только однажды встречаемся со случаем, где слово свободный или свобода может быть применено с пользой” (имеется в виду свободное колебание маятника), и эта характеристика свободы

имеет значение только на уровне описания, делаемого обыденным здравым смыслом, но становится очень неопределенной, если мы попытаемся получить научное понимание термина”.¹ Физический смысл употребления термина “свобода” в теории колебаний состоит в том, что таким образом “свободным” колебаниям противопоставляются “вынужденные”, т.е. зависящие от внешнего гасящего воздействия.

Однако сейчас делаются попытки характеризовать этим термином возможность чистой спонтанности, отключенности от среды. Так, аргентинский философ М. Бунге пишет, что “при объяснении биологических явлений так же необходима категория детерминации благодаря внутренним процессам, а именно - категория самодетерминации или свободы, которая встречается во всех уголках материальной вселенной и которой живые существа обладают в наибольшей степени”.²

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. В человеческой деятельности постановка цели связана с самосознанием как интеллектуальной способностью осознать различие и единство между собой как субъектом и объектом, с определением своего отношения к действительности и меры своей активности.

2. На наш взгляд, определение категории “свобода” не может быть дано без соотношения с целеполаганием, поскольку понятие свободы включает в себя знание объективных тенденций развития общества, и на этой основе прогноз его конкретного состояния на определенный отрезок времени получает обращенную в будущее цель.

3. Достижение единства необходимых целей и желаемых, наличие реальных возможностей и средств их достижения, наличие необходимых материальных средств - это и есть общие предпосылки целеосуществления.

4. Современная информатика дает строго определенное объективное основание для применения категории “цель” не только в биологии (где

¹ Франк. Ф. Философия науки. М.: 1960, с. 383-384.

² Бунге. М. Причинность. М.: 1962, ч. 34.

обратные связи могут существовать и посредством механизма естественного отбора), но и в экономической науке, технике, социологии.

5. Категория “цель”, выступая в роли приема научного познания, связана с понятием “объективная целесообразность”, означаящим в биологии, социологии, кибернетике определенную сторону сложной системы взаимодействующих элементов. Эта координация ряда причин с их общим следствием.

6. “Целевой” анализ систем с обратной связью означает выяснение содержания регуляции, условия, определяющего способ их действия. Вопрос о цели является, таким образом, вопросом о том, как осуществляется регуляция, но не вопросом “почему?”. Цель может служить условным обозначением итога процесса там, где подобное обратное воздействие следствий на причину не имеет места, но где мы имеем дело со сложным процессом поступательного развития. В таком случае в качестве указанного итога выступает завершающая ступень процесса, которая при ретроспективном рассмотрении принимает вид цели, на достижение которой направлен процесс в целом. В таком приеме находит выражение аналитический метод отыскания причин по их следствию.

7. Цель всегда носит объективно-субъективный характер. Субстратом, в котором находит свое выражение единство субъективного и объективного, являются потребности людей, осознание которых - источник и тайна целеполагания. В то же время потребность, не связанная с деятельностью по реализации цели, - абстракция возможного. Следовательно, цель предполагает единство, с одной стороны - осознания объективной потребности, с другой - переход к ее удовлетворению в деятельности. Связующим звеном между потребностью и деятельностью выступает средство, а цель является пролонгацией потребности через средство.

8. Цель представляет собой единство осознания потребности и побуждения к действию, ведущее к ее реализации. Она объединяет в себе ситуации и события из числа возможных в будущем, которые наиболее близко соприкасаются с представлениями о желаемом будущем предметов или

сущности, находятся в оптимальном соответствии с назревшими потребностями. Цель человека опирается на его социальный опыт и на универсалии культуры общества, в котором он социализирован и выполняет свои социальные роли.

§3. Целеполагание как функция свободы

Необходимость через цель превращается в свободу. Поскольку цель есть явление идеального характера и ведет к опредмечиванию., то все связанные с ней проблемы являются дальнейшей конкретизацией проблемы социального функционирования. Наличие цели как мысленного предвосхищения результата человеческой деятельности, заключается самое существенное отличие этой деятельности от инстинктивного поведения животных. Цель человека выражает неудовлетворенность возможностью отправления только биологических функций, осознание им необходимости деятельности вовне себя, решимость приспособить, изменить натуру в соответствии со своими желаниями и тем самым реализовать себя как свободное, творческое, мыслящее существо. Это волевое, практическое отношение человека к среде, усиленное знанием и самосознанием. Наличие цели деятельности является специфическим и вместе с тем общим обязательным признаком отношения человека к окружающей действительности.

В современной социальной философии цель имеет специфику и особенности:

а) она первоначально имеет фиксируемое идеальное содержание. Отсутствие в материальной действительности того, что содержится в цели, является тем противоречием, которое выступает одним из источников активности человека;

б) она в своем содержании отражает отношения не вечные, а возникающие субъективно и объективизирующиеся деятельностью;

в) цель - одна из первых категорий, начавших формироваться в сознании по мере его генезиса, она отражает такое отношение, зарождение понятия о котором по времени очень близко к возникновению самого отношения, и в этом смысле ее развитие отражает момент выделения человека из природы в качестве общественного свободного существа.

г) наличие цели является показателем активности сознания, которое содержит в себе три взаимосвязанные стороны: знание (отражательная функция), самосознание (функция отражения человеком своих отношений в объективном мире и своих потребностей), целеполагание (активная творческая функция).

Следовательно, категория “цель” в своем становлении характеризует активность сознания и способность человека апробировать существующими знаниями и навыками еще не существующий в реальном восприятии предмет или явление. Переход от мышления к деятельности осуществляется через цель. Цель является одним из посредствующих звеньев между познанием и деятельностью потому, что кроме идеального образа объекта, она включает в себе стремление создать его, имеет ярко выраженную практическую направленность, содержит в идеальном виде весь порядок действия, выступает как внутренне присущий самой деятельности закон, определяющий способ и характер действий человека. Сознательная целенаправленная деятельность человека в материальном мире возможна потому, что человек противостоит природе не абсолютно, а как ее часть. “Веществу природы он сам противостоит как сила природы”.¹

Ближайшим понятием, противостоящим понятию цели, является “средство”. Цель как явление идеальное противостоит материальному, как субъективное - объективному, как частный, преломленный через сознание, случай причинности противостоит естественной, нечеловеческой в восприятии действительности, как проявление свободы - необходимости.

В реальной жизнедеятельности человек отражает, с одной стороны, свои потребности, с другой - объективный мир, его закономерности и возможности. Это отражение не мертво, не статично. В этом целевом отражении проявляется творческий и активный характер человеческого сознания как стремления реализовать свою жизненную программу.

¹. Маркс К и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 188.

Несомненно, цели порождаются самим социальным бытием человека. С другой стороны, они противостоят действительности по форме, как идеальное материальному, а по содержанию - как то, чего еще нет в действительности. Для того, чтобы быть реальными, а не беспочвенными мечтаниями, цели должны отражать объективные закономерности предмета целеполагания и материальные возможности реализации. Только в этом случае результатом целеполагающей деятельности будет достижение желаемого, превращение модели в реальность.

Опредмечивание как конечное состояние деятельности выражается в возможности свободно ставить и реализовать цели, отражающие потребности людей. Сама реализация жизненной модели¹ в этом отношении должна быть связана с познанием природной и общественной необходимости, плюс познание и объективная оценка потребностей. В отличие от метафизического материализма, который под свободой понимал только совпадение сознательного желания или цели со слепой необходимостью, современная социальная философия рассматривает целеполагание как объективизирующийся и длящийся процесс, состоящий в том, что люди в одной и той же ситуации имеют возможность ставить и реализовать различные цели. Эта возможность выражается в том, что в каждой конкретной ситуации имеется широкий диапазон средств для реализации. Реализация целей обусловлена не только их правильным выбором, но и социальными условиями, сложившимися в данном обществе.

Определяя ту или иную цель, человек чаще всего стремится к использованию закономерностей, делающих наступление того или иного события необходимым, иначе говоря, т. н. динамические закономерности всегда предпочтительны при реализации цели. Мир представляет собой универсальную взаимосвязанную во всех своих частях систему. Реализация целей давала бы стопроцентную гарантию, если бы объект, на который

¹ Понятие вводится нами для выражения синтетического характера комплекса целей индивида, которые как патроны из обоев, выстраиваются им в деятельность.

направлена активная преобразующая деятельность, был автономным по отношению к другим объектам и явлениям. Существование универсального взаимодействия в объективном мире исключает по отношению к данному объекту или процессу оценку всех происходящих изменений как только необходимых типа: условие - причина, событие - следствие. Целый ряд событий и взаимодействий на пути реализации цели выпадает из сферы действия закономерностей данного объекта и на этом основании оцениваются как случайное.

Следовательно, динамические закономерности, применение которых дает при опредмечивании цели наивысший процент реализуемости, должны быть дополнены закономерностями, заключающимися в том, что некоторые события при тех или иных заданных условиях имеют вероятностное содержание, называемое статистической закономерностью. Такие закономерности представляют собой своеобразную форму проявления причинной связи объекта целесообразной деятельности с предшествующими условиями. Эта форма связи является более гибкой, чем та, которая приводит к возникновению динамических закономерностей.

Статистические закономерности играют большую роль при проверке с помощью прогноза, например, темпов и пропорций расширенного воспроизводства. Таким образом, через прогноз происходит превращение статистических закономерностей экономических процессов в динамические закономерности, которые закрепляются и функционируют в производстве. Когда при помощи прогноза изучены условия, приводящие к нежелательным отклонениям, тогда определяется цель функционирования производства на данный отрезок времени.

Интересы развития любого цивилизованного общества требуют разработки методики прогноза развития общества по возможности на большую временную глубину, как бы это ни называлось: глобальным прогнозом, плановым предвидением, футурологическими разработками - это тенденция,

ставшая социальной закономерностью. При составлении долгосрочных прогнозов может создаться ситуация, когда существующие методики прогноза не обеспечивают нужной в соответствии с общественно-хозяйственной концепцией временной глубины. В этом случае могут прийти на помощь целевые установки, то есть постановки определенных задач без расчетов, исходя только из тенденции развития экономических процессов. С другой стороны, добиваясь футурологических методик, дающих возможность просматривать временную глубину до десяти лет и больше, обнаруживаем бессилие этих методик на периоды в год-два; хотя в обыденном мышлении и в т. н. здравом смысле, это кажется несложным. Свидетельство тому программы типа “500 дней”, “валютный коридор”, “шоковая терапия” и т.д. Долгосрочные разработки - это, прежде всего, качественное обоснование стратегии социально-экономического и технического развития, целей и основных принципов внутрихозяйственной и внешнеэкономической политики, соотношение регулятивных принципов государства и целей субъектов рынка во внешнеэкономической деятельности. И, естественно, главное в прогностической разработке - научность и глубина фиксации крупнейших проблем общественного развития, а не детализация расчетов. Первым примером обоснования долгосрочного плана путем постановки научно-обоснованных целей без детализации был план ГОЭЛРО.

“Мы должны сосредоточить внимание на самом основном, существенном и не смущаться грубой наброской остальных контуров, - говорилось в докладе о плане ГОЭЛРО. - Таким путем мы сможем подойти к действительно жизненному единому плану нашего народного хозяйства и избежать той опасности, которая нам угрожает при излишней детализации плана, которая нам угрожает излишней потерей основной дороги.”¹ Безусловно, неразумно глобализировать проблему будущего, его диагноза, как нечто такое, что имеет возрастающую ценность только с увеличением временной глубины. Ведь любая цель, даже самая утилитарная - это предвидение, идеальный образ

опредмечивания. По этой причине можно говорить о прикидках², о предусмотрительности, о догадливости и т.д.

При научном анализе общественных процессов весьма важно различать и разграничивать процессы функционирования и развития общества. Воспроизводство структурных компонентов (людей, форм общения материальных средств) относится к сфере функционирования, так как в значительной мере цель ставится опосредованно для любой социальной системы. Процесс развития предполагает не только экстенсивные формы, но и повышение уровня организации общества, сформулированного как цель. Достигнутый уровень предполагает формирование новых общественных потребностей и новых средств их удовлетворения. Над старыми регулятивными системами надстраиваются новые, возникают новые критерии членения и оценки действительности в общественном сознании и т.д. В совокупности это ведет к переходу от простого функционирования к развитию общественных систем.³

Это важно еще и потому, что процесс достижения общественной свободы предполагает познание необходимости и построение всей системы целей и потребностей в соответствии с объективными закономерностями среди деятельности. Только таким путем достигается совпадение целей деятельности с объективным развитием среды.

Следовательно, общественная цель объективна в том смысле, что имеет объективный характер, а не объективно существует, точно так же, как истина объективна, но объективно не существует. Она, как и общественное сознание, есть отражение действительности, но отражение не настоящего или прошлого, а будущего и отличается от инвариантности прогноза тем, что содержит в самой своей сущности стремление к осуществлению. А объективность цели

¹ План электрификации России. М.: 1955, с. 66.

² Термин интересен своей связью с массовидным сознанием и, всегда верно служившим человеку, “здравым смыслом”, а также с житейской интуицией, основанной на передаваемых эмпирическим путем, технологических навыках.

³ Философская энциклопедия. М.: т. 4, с. 122.

определяется ее содержанием, которое исходит из объективной действительности.

К. Маркс писал: "...потребление создает потребность в новом производстве, стало быть, идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, которое есть его предпосылка. Потребление создает побуждение к производству, оно создает также и предмет, который в качестве цели определяющим образом воздействует на производство. И если ясно, что производство предоставляет потреблению предмет в его внешней форме, то точно также ясно, что потребление полагает предмет производства идеально, как побуждение и как цель. Оно создает предметы производства в их еще субъективной форме."¹ Эта точка зрения подтверждается, как бы независимыми источниками, поскольку ни в аргументации, ни в системе ссылок нельзя определить, знакомы ли авторы с позицией марксизма.²

Рассматриваемая нами проблема относится к большому кругу вопросов сферы взаимодействия субъекта и объекта и взаимосвязи категорий этой сферы. В наше время изучение характера стимулов и побудительных мотивов человеческой деятельности имеет огромное практическое значение. В этом смысле механизм реализации целей как одна из сторон и путей достижения свободы заслуживает пристального внимания.

Безусловно, в своем целеполагании субъект детерминирован природой и общественной средой, но эта детерминированность целей субъекта еще не говорит о его несвободе. Непосредственной причиной цели является потребность и желание, собственно, в действиях субъекта в соответствии с желанием и проявляется его свобода и то, что это желание детерминировано, ничего не меняет, поскольку человек есть человек не вне природы лежащий, а частица ее. В данном случае внешние факторы, будучи субъективизированы, выступают как внутренние побуждения человека.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 717-718.

² Laudan L. Science and values. The aims of science A. Their role in scientific debate. Berkley etc.: univ. of California Press. 1984, XIV, 149 p Lin Dincy. On the aim model of scientific progress. Social in china. Beijing. 1991, vol. 12, № 4.

Существуют и факторы, ограничивающие свободу, например, когда цели навязаны извне и не опосредованы собственными мотивами. В реализации разумных целей человек выступает как мера всех ценностей, а удовлетворение интересов всех и каждого превращается в мерило свободы и исторического прогресса. Действительная свобода состоит не в манипулировании целями, а в их реализации. Для этого необходима, если можно так выразиться, целевая культура¹, проявляющаяся в правильном понимании своих целей и возможностей, умение отличать цели по важности и неотложности.

Создавая соответствующие условия и ситуации, субъект использует случайные проявления объективных законов, которые служат реализации его целей. Поскольку человек произвольно не изменяет законов действительности, то открытие этих законов часто принимает форму случайности (т.е. человек для открытия пользуется случайными проявлениями данного закона). Опираясь на природную необходимость, субъект создает необходимость совершенно другого порядка, которая содержит в себе в потенции, явления, отвечающие цели.

В этом смысле, в границах необходимости человек может ставить и реализовывать столько разнообразных целей, сколько случайных форм может проявить необходимость. Кроме того, случайность является не только формой проявления необходимости, но и дополнением ее. А это означает, что человек свободен реализовать бесконечное количество целей, которые не связаны с данной необходимостью, но и не противоречат ей.

Человек, будучи частицей своей собственной среды, которая в нем, и он в ней, представляет собой диалектическое единство необходимого и случайного, существенного и несущественного. Осуществление случайного и несущественного, порожденного временной ситуацией или переходным моментом, играет большую роль в субъективном ощущении человеком

¹ Термин вводится автором для отражения историчности целеполагания, которое есть не одномоментный акт, а процесс, содержащий в себе и традицию и методiku.

свободы. Осуществление случайных и несущественных целей возможно потому, что оно не идет вразрез с необходимостью, дополняет свободу и не противоречит существенным целям.

Далее, если в правильном выборе цели главную роль играет познание, то их реализация обуславливается не только выбором, но и главным образом общественными условиями. Поэтому гносеологическое исследование соотношения цели и свободы должно дополняться исследованием тех социальных условий, которые необходимы для реализации целей. Иллюзорная свобода при произвольном выборе целей превращается в свою противоположность, когда цели оказываются нереальными.

Для реализации целей как самореализации человека необходимо:

1) чтобы они были внутренне мотивированы и опирались на совокупный личный опыт;

2) чтобы внешняя необходимость была субъективизирована и превратилась в мотив субъекта;

3) чтобы цели реализовывались, а не были мыслительным поиском;

4) чтобы реализованные цели соответствовали коренным потребностям субъекта и были моментом общественной значимости и ценности его деятельности;

5) чтобы реализация сиюминутных целей становилась основой для постановки и реализации более сложных и отдаленных целей;

6) чтобы отдаленные последствия целесообразной деятельности тщательно исследовались при помощи существующих оптимальных методик прогноза.

Поэтому реализация целей связана с познанием потребности, с одной стороны, и объективной необходимостью - с другой. В одной и той же ситуации субъект может ставить и реализовывать много целей, контролируя случайные формы проявления необходимости.

Кроме того, механизм реализации сходных целей может в каждом отдельном случае отличаться методами и средствами, а также уровнем

активности, в зависимости от целевого стимула. Всякая реализованная цель включается в систему факторов, обуславливающих последующие действия и события, поэтому субъект может в какой-то мере предопределять будущую необходимость и свою собственную жизненную линию. Отсюда берет исток проблема свободы и ответственности, которая в наше время стала одним из критериев гуманизма политических доктрин и юридической ответственности за содеянное.

Свобода неизбежно порождает вопрос, насколько поведение человека совпадает с определенными общественными интересами или противоречит им. Правильно подчеркивая внешнюю обусловленность поведения людей общественной и природной средой и не уделяя должного внимания выбору цели, который осуществляется человеком, мы вольно или невольно недооцениваем проблему ответственности личности, значение волевых усилий в поступках и деяниях человека.

Если свобода предполагает ответственность, то ответственность, в свою очередь, является условием свободы. Истинно свободная деятельность всегда целеустремленна и всегда происходит в определенных рамках. И, следовательно, каждый свободный акт есть вместе с тем и ответственный. Необходимость богата по содержанию и предоставляет человеку свободу выбора. Лишь зная детерминанту, человек в состоянии ориентироваться в своем решении, определить правильность или неправильность его. Иначе говоря, в любой ситуации человек выбирает цель из ряда возможных и этот выбор определяется главным образом его социально-классовыми позициями и интересами. Таким образом, если свобода означает возможность выбора цели, а реализация ее вместе с тем и материальное выражение свободы, то ответственность - это оценка выбора, поступка, оценка их пользы или вреда для общества. Таким образом, изучение соотношения цели и свободы входит в большой круг проблем, связанных с местом человека в общественной и природной среде, характером его созидательной, творческой деятельности.

Не менее важны соотношения этих феноменов с социальной активностью. Активность трактуется здесь предельно широко и включает в себя не только все виды орудийной деятельности, но весь спектр мыслительных усилий человека в метасистеме его социальной сферы.

Общество как метасистема стимулирует активность отдельного человека через порождение новых потребностей. Несомненно, построение теории формирования социальной активности - это отдельная проблема, где целевая активность - частный случай. Теория активности не может быть построена без знания биологической оптимальности *homo sapiens*, исследования социальной природы активности, выяснения структуры социализации, определения родовых качеств человека в единстве индивидуального и социального. Весь объем целей не может быть глобально управляем, но цели, содержательно типологизированные, должны входить в систему социального управления.

Методологической основой для понимания целеполагания как активности является, по нашему мнению, научная концепция соотношения биологического и социального в человеке. Следует активно возразить расхожему мнению, что биологическим в человеке являются сугубо процессы в клетках и органах. Коль скоро природа человека двойственна, следовательно, какие бы цветные сны не снились человеку, сон - это биологический процесс, насыщение, совокупление, жажда и т.д. - элементы биофункций. Каждая из них может осознаваться как цель и может быть основой очень высокой активности, но это всего лишь остаточное редуцирование социального в биологическое, где поддержание и удовлетворение биологических функций социально детерминировано, а не детально.

Исследование природы социальной активности может быть выполнено, на наш взгляд, на основе интегрального социального подхода, суть которого в фиксации социального опыта, социальных программ индуцирующих, выявляющих, фиксирующих социальную активность личности.

Активность целеполагания не детерминирована биологическими свойствами (темпераментом, динамической потенцией, типом нервной системы

и т.д.), а социально мотивирована и управляет биологическим как одним из средств достижения цели, не нарушая биологических законов. Единство биологического и социального в активности целеполагания и предстает как динамическое состояние, что позволяет предположить немеханическое преобразование биологического, процесс ассимиляции, процесс взаимодействия “внешнего” и внутреннего, что характерно для поступательного развития.

Следовательно, психическая активность целеполагающего индивида, есть не немое биологически детерминированное самоощущение или, напротив, абстрактное проявление его общественной сущности, а типичный для данного индивида способ его бытия в обществе. Поэтому очевидно, что оптимальность проявления и качественная определенность активности целеполагания более всего зависит от гармонии биологических основ активности и социального, т.е. способа осуществления самореализации.

Стабильность системы “цель-результат” зависит от уровня социализации целеполагающего, уровня его включенности в социальные институты. В нашем понимании социализация не является процессом одноплоскостным, а сложным диалектическим процессом с рядом взаимопревращений, взаимопереходом ее форм идентификации, индивидуализации, персонализации, детализации, в результате чего потенциальная социальность человека превращается в социальную активность целеполагания личности, направленную на обретение ею активности, самостоятельности, слияние опыта и навыков предвидения.

Особое место в этом процессе занимает идентификация, выступая как первая и определяющая форма социализации, назначение которой в приобщении отдельного человека к обобщенной совокупной способности людей. Специфика идентификации заключается в том, что она обуславливается не потребностями приспособления к природной среде, а присвоением социальной среды, суть которой составляет наличные общественные отношения. Это тем более существенно, ибо только социальная система как сущность по отношению к материальному субстрату индивида может своей

активной целеполагающей деятельностью структурировать его изначальное социальное качество.

И все же сколь ни велико значение идентификации как определяющего начала, нет оснований механически рассматривать индивида как некоторый микросоциум, на который механически же переносится активность всего общества. Общее корпоративное сознание существует тоже через конкретных носителей, оно, как раньше говорили, “овладевает массами”.

Интегральная социальная природа человека в его индивидуально-неповторимом аспекте выражается в понятии человека как целостного феномена, где низшее (биологически-индивидуальное) снимается в высшем (социально-массовом). Его имманентная целеполагающая природа охватывает не только природно-биологические характеристики, но и существенные моменты массового бытия в их интегральной форме.

Свое назначение человек реализует через цели, и эта реализация есть реализация его общественной сути типичным для него образом. Сбои показывают не содержательную, не оптимальность целей, а деструкцию их объединения со средствами реализации. Выражение “типичным образом” фиксирует единство динамической и содержательной сторон целеполагания и целеосуществления.

Динамический аспект составляют функциональные состояния нервной системы, объем памяти, опытность, которые развиваются и протекают у разных людей неодинаково и, таким образом, в каждом конкретном случае представляют собой функцию индивидуальности. Но эта индивидуальность опирается на социальный фундамент, который резервирует каждой личности нишу целеполагания. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что направление, качество и уровень реализации активности в целеполагании как самореализации при освоении ею действительности определяются содержательной стороной, т.е. отношением личности к деятельности. Формирование социальной активности человека должно быть рассмотрено в связи с его личным способом осуществления целеполагающей деятельности.

Все сказанное имеет принципиальное значение для раскрытия индивидуальности целеполагания, которую необходимо рассматривать не только со стороны выявления социальной активности индивида, но и со стороны превращения ее в качество и черты личности в соответствии с ее индивидуальной основой.

Целеполагание - это способ выявления личностью своих способов включения в социальную действительность, оно приводит к возникновению нового уровня социальной активности, направленной на творческое преобразование действительности. Общественные цели персонализируются - это высшая форма социализации, выявляющая меру способностей личности изменять жизненные обстоятельства. В реализации цели процесс как бы идет в противоположном направлении - индивидуализируется, и в этом проявляется относительный характер целеполагания. Вместе с тем целеполагание обретает более глубокий смысл, раскрывая не только процесс взаимодействия "внешнего и внутреннего", но и качество этого взаимодействия - направленность личности, ее установку, т.е. готовность на определенный способ бытия. Следовательно, характеристикой мотивированной социальной активности человека является не участие его в деятельности (участия можно добиться и принуждением), а наличие самоцели как готовности к деятельности, фиксирующей в себе представления о личных и общественных целях.

Следовательно, свобода человека внутренне ему присуща и осознается как возможность ставить и реализовывать цели. Для этого недостаточно, чтобы свобода декларировалась, она должна быть социально- гарантированной и осознаваться человеком как цель деятельности и как состояние бытия и мышления.

Глава II. Ценностная функция целеполагания

§1. Мотивации целеполагания

Целеполагание существует как форма планирования удовлетворения потребностей или ради потребностей, и в то же время является самой потребностью, т.е. целеполаганию присущ феномен самооценности. Ценность является не свойством какой-либо вещи, а сущностью и одновременно условием полноценного бытия объекта. Наличие множества потребностей и целей создает некий разброс оценок: то, что для одного имеет приоритетную ценность и этим мотивировано, для другого является вещью или благом, не заслуживающим внимания. С формальной точки зрения ценности делятся на позитивные и негативные, субъективные и объективные, на относительные и абсолютные. Это деление определяет интенсивность воздействия ценностей на мотивы действий. Поскольку в цели выражается представляемое и желаемое будущее состояние объекта деятельности на основе осознанной ценности, она не может не зависеть от социальной шкалы ценностей. Значимость социальной деятельности в том, что она направлена не только на удовлетворение потребностей, но и на производство ценностей в качестве мотивов будущего целеполагания. Это производство может быть осознанным, и тогда его предваряет соответствующая цель, но оно может быть скрытым за бесчисленными целесообразными актами деятельности, организующими и созидаящими бытие людей, их повседневную жизнь. Нельзя также отрицать роль и значение скрытых мотивов деятельности человека.

Принято считать, что ценности содержательно разделены на вещественные, интеллектуальные (логические, этические, эстетические и т.д.). Другая точка зрения основывается на чувственном восприятии результатов реализации целей: истинное, полезное, пригодное, приятное, прекрасное. Именно такое понимание ценностей вызвало наибольшую критику, например, у создателя западной философии ценностей Ф.Ринтелена, подходившего к

целеполаганию на основе динамического волюнтаризма и формального интеллектуализма. Он отвергал релятивистские течения, считавшие целеполагание ничем не ограниченным произволом, не имеющим никакого отношения к общественным ценностям¹.

Н. Гартман, осуществив синтез кантовского априоризма и материальной этики ценностей Аристотеля, утверждает, что существует само по себе царство ценностей *kosmos noetos*, которое находится по ту сторону сознания. Гартман считает, что цели человека не имеют никакого отношения к ценностям, так как феномен ценности является метафизической, иррациональной, никогда не разрешимой проблемой².

Ф. Ницше понимал цель как предельную напряженность воли человека и сделал очевидным то огромное значение, которое имеют ценности и ценностные оценки для мировоззрения. Для Ницше целенаправленность - естественное состояние человека, а ценностные оценки - «физиологические требования сохранения определенного способа жизни»; в цели и в ценностях выражается, по Ницше, «воля к власти». Система взглядов Ф. Ницше на ценности и цель привела его к критике телеологии: «...вся телеология построена на том, что о человеке последних четырех тысячелетий говорят как о вечном человеке, которому все вещи в мире изначально имеют естественное отношение. Однако все возникло; не существует в е ч н ы х ф а к т о в, как не существует абсолютных истин».³

Исследование целеполагания как предпосылки деятельности невозможно без уяснения общего содержания понятия “активность”, столь часто употребляемого в современной науке. Если понятие функционирования указывает в основном на напряженное состояние системы или объекта, на стабильное состояние составляющих ее основных элементов, то активность

¹ См. Rintelen F. Phikosophie der Endlichkeit als Spiegel der Gegenwart. Bonn, 1951.

² См. Hartman N. Philosophen - Lexikon, B d. 1, Bonn, 1949.

³ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. Соч. в 2-х томах, т. 1. М., 1996, с. 240.

характеризуется системой мотивации и содержит в себе еще и указание на темпы протекания того или иного процесса или социального явления.

Марксистская трактовка проблемы активной целесообразности основывается на вытекающем из истории познания и деятельности признании активности самой материи на всех уровнях ее функционирования и развития. Практически везде, где существует направленность действия, реакция или взаимодействие, мы встречаемся с активностью, выступающей и в образе свойства каких-нибудь объектов, и в виде меры процесса их взаимодействия. Существуют и другие концепции, связанные или с перенесением источника активности за пределы самореализующей системы, или же утверждающие активность как самореализацию внутреннего духовного начала, для которого параметры и сложность системы всего лишь форма, в которую вынужден облекать себя дух. Но детализация этого не является задачей данного исследования.

Все же в употреблении этого понятия для исследования различных качественных состояний материи имеется определенная специфика. К примеру, в неживой природе, исключая микромир, нет явлений, которые могли бы полностью соответствовать содержанию категории “активность”. В неживой природе есть только предпосылки активности в виде реакции на внешнее воздействие. Например, резкое увеличение влажности и температуры воздуха вызывает активизацию процесса коррозии куска железа. Безусловно, что объекты неживой природы не только воспринимают воздействие, но и сами воздействуют на окружающую среду в соответствии с законами движения неживой природы. Однако это воздействие не может быть оценено как активность, поскольку объекты неживой природы не содержат в себе условий для воздействия на окружающую природу, т.к. форма воздействий связана с особенностями реагирующего объекта. На этом уровне исследователь может ограничиться более или менее точным описанием взаимодействия неживых объектов, так как форма реакции в значительной мере предсказуема уже при сопоставлении свойств, реагирующих объектов.

Если говорить о взаимодействии со средой сложных динамических, живых систем, то их реакция отличается тем или иным уровнем самостоятельности. Эти системы уже активны не только в силу самоопределения функционирования, но уже самим своим наличием производят ресурсное убывание или прибавление элементов среды. В неживой природе объекты взаимодействуют стихийно и их воздействие на среду, изменение собственного облика не имеет ни цели, ни тем более сознательной причины. И все же эти взаимодействия не исчерпываются полностью понятием “движение”. Для определения активности некоторых структурных образований в науке имеются даже специальные единицы, например, в ядерной физике: «кюри», «резерфорд». Это вызвано тем, что активность ядерных объектов поддается выражению количественными характеристиками и интенсивность процессов их взаимодействия тоже может быть измерена. По сути дела единицы измерения активности ядерных объектов означают их меру и одновременно естественный мотив их бытия.

У простейших живых существ активность проявляется в виде раздражимости. В процессе эволюции у существ с более сложной структурой, имеющих периферическую и центральную нервную систему, активность является уже физиологическим свойством, так как в процессе жизнедеятельности достигается дифференцированное взаимодействие организма со средой, а естественная мотивация есть результат эволюции. Это уже биологически целесообразная активность. Целесообразность как соответствие строения системы выполняемым жизненным функциям относится ко всей живой природе (растение, животное, человек).

Собственно само понятие человека вместе с тем означало и складывание нового вида отношений организма и среды. Это выразилось в познавательной деятельности и на ее основе преобразования, приспособлении к окружающей среде. Следующий шаг - определение своей роли в природе и степени единства и различия с другими живыми организмами. И.М. Сеченов указывал, что рефлекторный стереотип взаимодействия с внешней средой общий у человека и

животных, но ум человека идет “...дальше в ту область явлений, где чувствование превращается в повод и цель, а движение в действие, но эта область уже лежит за пределами физиологического исследования”.¹

Здесь уже следует отметить, что целесообразность и цель - это не одно и то же. Сейчас понятие целесообразности применяется в очень широком диапазоне, и во всех случаях применения этого понятия в естественных науках оно определяется путем указания на качественное содержание активности функционирующего объекта. В органической природе целесообразность не изначальна и не абсолютна: всегда есть организмы более или менее приспособленные к среде обитания, более или менее активно взаимодействующие со средой, и критерием активности в этом случае является выживаемость вида и величина площади его расселения.

Целесообразность - целевая определенность отличается от причинной определенности - каузальности именно тем, что в основе ее лежит цель, характеризующаяся как конечная причина -(causa finalis). Целесообразность нет смысла отвергать, так как ход событий и в природе и в обществе всегда каузально детерминирован, тем самым поддается прогнозированию в пределах известных границ и может направляться целеполагающим сознанием. К примеру, сила водопада, обусловленная рельефом течения реки, может приводить в движение турбину гидроэлектростанции, в этом случае падение воды становится целесообразным.

Следовательно, органическая целесообразность - это конкретная приспособляемость к определенным условиям существования, в которой все претерпевает изменения при катаклизмах в развитии среды обитания: интенсивность биологических процессов, форма организма, окраска, температурный режим и т.д. Органическая целесообразность, сочетающая функции и красоту внешнего облика, может быть объяснена естественными причинами, такими, как изменчивость организмов под воздействием внешней

¹ Сеченов И.М., Павлов И.П., Введенский Н.Е.. Физиология нервной системы. Изб. Труды, вып. 3, М.: 1952, с.22.

среды, наследованием приобретенных свойств, естественным отбором и не имеет сверхъестественных мотивов. Она не требует применения категории цели, как это делают различные телеологические направления - психоламарксизм, неовитализм, холизм, финализм и т.д.

Живые системы наиболее активны, так как они в состоянии поддерживать высокую активность внутри данного вида вследствие своего самовоспроизводства, в котором через некоторое число мутаций некое активное состояние закрепляется как особенность вида.

Диалектическое единство таких противоположных тенденций, как изменчивость и устойчивость в форме наследственности, приводит к более глубоким изменениям и более полному приспособлению вида по сравнению с приспособлением особи. К этому следует добавить, что существует несоизмеримость последствий активности вида и особи, так как вид является единицей, которая играет роль в совокупном обмене вещества в природе, тогда как от присутствия отдельной особи в среде обитания можно отвлечься.

Органическая целесообразность является одним из частных проявлений универсальной причинности. Отражая факт и возможность приспособления организмов к среде, термин “целесообразность” имеет по отношению к органическому миру, в отличие от общественной среды, условное употребление, поскольку никакой, вне ее лежащей цели, природа не имеет.

Н.А. Бернштейн связывает цель с активностью и с кодом наследственности организма. “Цель понимается как закодированная в мозгу модель потребного организму будущего, обуславливает процессы, которые следует объединить в понятии целеустремленности. Последняя включает в себя всю мотивацию борьбы организма за достижение такой цели и ведет к развитию и закреплению целесообразных механизмов ее реакции. А вся динамика целеустремленной борьбы посредством целесообразных механизмов

есть комплекс, который правильнее всего объединить под термином “активность”.¹

Безусловно, никакой полной аналогии между целесообразностью у животных, которая имеет не сознательную, а функциональную природу, и общественной целесообразностью быть не может, здесь превалирует различие. Животное только пользуется внешней природой и производит в ней изменение только в силу своего присутствия; человек же вносимыми им изменениями заставляет ее служить своим целям, преобразуя ее. И это является последним существенным отличием человека от остальных животных и этим отличием человек опять-таки обязан особому типу функционирования, присущего социальным существам, проявляющим мотивируемую активность не только в опредмечивании, но и в целеполагании².

Средствами у животных служат органы тела, высшие животные иногда используют инородные предметы, но здесь нет даже дальней аналогии с орудиями труда. Леонтьев А.Н. качественное различие использования инородных предметов животных и орудиями труда человека видит в следующем:

1) “орудийная” деятельность животных никогда не имеет характера общественного процесса, она не совершается коллективно и не определяет собою отношений общения осуществляющих ее индивидов;

2) животное находит в “орудии” только естественную возможность осуществить свою инстинктивную деятельность, например, притягивание плода к себе (безусловно, речь идет о высших животных);

3) для животных остается недоступным сам принцип орудийного действия как сознательной деятельности на основе планируемой активности;

¹ Бернштейн Н.А. На путях к биологии активности. // Вопросы философии. 1965, № 10, с. 69-70.

² Здесь и далее термины «мотивированная активность» и «мотивированная социальная активность» вводятся автором для обозначения целевой деятельности, в которой превалирует единство целей, средств реализации, ценностей и методов целеосуществления на основе познания объекта деятельности и вытекающей из этого научно-мотивированной технологии. «Социально мотивированная активность» - более широкое понятие, означающее активность в реализации социальных целей.

4) для животного действия других животных или человека не играют в их формировании решающей роли, а только воздействуют на их коррекцию, как бы дополняя целесообразность поведения;

5) животные не хранят своих орудий и не передают их из поколения в поколение, хотя стереотип эпизодической орудийной деятельности закрепляется в простейших актах мышления высших животных»¹.

Целесообразность в общественном значении этого понятия может быть рассмотрена в широком смысле как целесообразная организация общественных систем, которая выражается в объективной регуляции саморазвития системы, например, соответствие спроса и предложения, содержания законодательства и функций правоохранительных органов. И в более узком смысле общественная целесообразность выступает как скорректированность поведения и потребностей личности с наличными общественными отношениями. В том и другом случае - это активный процесс.

Понятие активности - очень широко, оно давно и плодотворно используется в естествознании. Активность человека не может быть объяснена только деятельной природой человека, как это сделал Л. Фейербах. В конечном итоге она детерминирована условиями общественной жизни человека, теми целями и задачами, которые человек может поставить при существующих условиях общественной жизни. С такой же определенностью можно сказать, что осознание и постановка цели тоже не может быть объяснена из самого субъекта. Цель человека скоординирована с законами развития объекта деятельности и мотивированна, а сама деятельность результируется как социальная форма движения от явления к сущности. Можно сказать, что целеполагание является итогом мысленной переработки внешних воздействий, опосредования внешнего через внутренние мотивы, итог творческой планируемой активности.

Г.В. Плеханов, сравнивая целесообразность в природе с целесообразностью в обществе, писал: "Психология общества всегда

целесообразна по отношению к его экономии, всегда соответствует, всегда определяется ею. Целесообразная психология также полезна обществу, как хорошо соответствующие своей цели органы для организма.”² К этому можно добавить, что общественная целесообразность является не функциональной, а сознательно мотивированной и означает, что если действия человека по реализации цели соответствуют данной цели, объективизируют ее, то значит они целесообразны.

Рассматривая категорию “активность” в системе общественной целесообразности, где действуют наделенные сознанием люди, любое объективное исследование должно учитывать, наряду с основными свойствами, присущими предыдущим ступеням, качественное изменение содержания активности в сфере общественной целесообразности.

В человеческом обществе, как и в природе, активность относительна:

1) ее общественное содержание не изначально, а имеет исторический характер;

2) она связана с конкретными условиями и характером цели человека, так как действия, целесообразные в одних условиях, могут при изменении ситуации перейти в свою противоположность;

3) целесообразная общественная активность не может быть абсолютной еще и потому, что ее высокий уровень означает в то же время развитие через обострение противоречий; например, между индивидуальными целями и целями общества;

4) целесообразности общественного бытия присущ более высокий уровень активности, тогда как целесообразность общественного сознания имеет некоторую степень инерции;

5) с другой стороны, здесь, как и в случаях с объектами неживой и живой природы, мотивированная активность имеет свою количественную сторону,

¹ Леонтьев А.Н.. Проблемы развития психики. М.: “Мысль”, 1965, с. 267, 276, 375, 405-406.

² Плеханов Г.В. Изб. философские произведения. т. 1, М.: 1956, с. 644.

характеризующую процесс взаимодействия человека со средой, его энергичность, интенсивность усилий;

б) целесообразность общественных систем или социальных образований может иметь как гуманистическое содержание, так и антигуманистическое, и это еще одно из проявлений относительности общественной целесообразности.

Категория цели, формирующаяся в процессе взаимодействия субъекта и объекта, соответственно имеет две стороны - субъективную и объективную. Объективная сторона цели обусловлена детерминированностью как объекта, так и субъекта деятельности и познания, тем, что цель удовлетворяет свое содержание только через реальный процесс, а субъективность цели определяется тем, что она выступает как непосредственный побудительный мотив потребности и деятельности человека.

Метафизическая ограниченность старого материализма выразилась в игнорировании активности мышления, творческого и преобразующего характера практики, проблемы перехода от познания к практике, “превращения” субъективного, идеального в объективное, материальное и др. Эти проблемы по сути дела связаны с формулировкой и определением категории “цель”. Антидиалектичность метафизического материализма не позволила ему даже в аргументах логики потеснить телеологию, а его успехи в борьбе с идеализмом носили локальный характер.

Понимание активности сознания состоит из трех взаимосвязанных сторон его функционирования:

- а) знания (отражательная функция);
- б) самосознания (функция отражения человеком своих отношений в объективном мире и своих потребностей);
- в) целеполагания (активная творческая функция).

В наличии цели как мыслительного предвосхищения результата будущей деятельности заключается самое коренное отличие последней от инстинктивного поведения животных. Цель человека выражает неудовлетворенность его, как сознательного существа, возможностью

отправления только биологических функций, осознание необходимости изменить натуру в соответствии со своими желаниями и потребностями. Она показывает волевое, практическое отношение человека к среде, усиленное знанием и самосознанием. Наличие цели деятельности является специфическим и вместе с тем родовым атрибутивным признаком отношения человека к окружающей действительности и, конечно же, мотивом деятельности.

Категория "цель" в своем становлении характеризует активность сознания и способность человека апробировать существующими знаниями и навыками еще не имеющийся в реальном восприятии предмет или явление. Следовательно, каждый раз это творческий акт, вне зависимости от того, осознается он таковым или нет.

Цель как явление идеальное противостоит материальному, и как субъективное объективному, как частный, преломленный через сознание случай причинности, как возможность противостоит действительности, как проявление свободы - необходимости, как мотив - потребности. В реальной жизнедеятельности человек отражает, с одной стороны, свои собственные потребности, с другой - объективный мир, его закономерности и возможности. Но это отражение не мертво. В целевом характере отражения проявляется творческий и активный характер человеческого сознания, система мотивации на основе ценностей.

Есть еще один аспект различия целесообразности в природе и обществе. В природе целесообразность - следствие наследственности и изменчивости и закреплено генетически. Она вызвана этими причинами, изменяет свое содержание с изменением условий среды, в которой осуществляется приспособление. В обществе целесообразность перестает быть только конечным результатом взаимодействия со средой, а принимает вид побуждения к действию, и, следовательно, не только следствие, но и причина выступает в форме цели, а любое действие имеет скрытые или явные мотивы.

Человеческая творческая активность - это социальное действие, которое выходит за пределы индивидуального. В этом социальном действии

существенно снижены, сглажены, трансформированы инстинктивные побуждения, а мотивы определены и акцентированы. Наличие целей, предваряющих действия, свидетельствует об избирательности активности и поведения и высочайшей степени самоуправляемости человека как сложной системы. Социальный характер целеполагания индивидуализируется как поток мотивированного творчества, поскольку все другие пути по сути дела деструктивны.

Сознание превращает мотивированную активность человека в действенную силу целенаправленного, планомерного воздействия на окружающую среду и самого себя. При этом социальная активность человека не исчерпывается удовлетворением естественно-материальных потребностей, а нацелена и на реализацию духовных потребностей, интересов, и, следовательно, ее диапазон очень широк.

Опираясь на объективно сложившуюся мотивированную активность людей по отношению к окружающей действительности, партии и движения планируют и реализуют модели социальной, политической и экономической организации общества. Это не только реальное бытие реального социума, но всегда эксперимент, арбитром которого выступает совокупный субъект - исторический народ, этнос, этнообъединение. Если эксперимент не удастся, политические силы, его осуществившие, покидают социальную сцену.

В целесообразной деятельности творческая мотивированная активность присуща человеку как состояние напряженного действия, как состояние готовности к реагированию на изменение условий существования, производства и функционирования. Понятие мотивированной активности выражает особую сторону широкого круга явлений: от элементарного акта приспособления самоуправляемой системы к изменившейся машинной ситуации до сложнейшего процесса познания и структурного преобразования деятельности.

Творческая мотивированная активность общества имеет циклический характер, периоды экстремальной активности (революции, перевороты, войны)

сменяются циклами эволюционных изменений, на протяжении которых меняется система ценностей, а с ней и система мотивации целей человека. Сама система стремится к стабильному состоянию, где изменения должны предваряться изменением в системах регламентирования, в своде законов. В эти периоды целевая активность проявляется в приоритетности целей и их мотиваций. В периоды напряженных, глобальных изменений абстрактная модель будущего подавляет функциональное целеполагание.¹

В циклах эволюционных изменений на первый план выходит, во всяком случае в тенденции, приоритет индивидуальных, пусть стандартизированных, целей основного деятельного субъекта социума - функционального человека, его индивидуально осознаваемых мотивов и ценностей. Это стиль социума демократического типа. Потребности, интересы, цели индивида в конституциях, декларациях, законотворчестве объявляются приоритетными по отношению к интересам государства.

Безусловно, объективный критерий мотивированной активности не отгорожен китайской стеной от субъективного критерия, от внутреннего отношения личности к своей деятельности, от мотивов активности и от внутренней удовлетворенности результатами деятельности. Более того, только через сопоставление субъективных и объективных критериев мы можем получить знание, каким образом сообщаются цели общества и целеустремленность личности, его мотивы и ценности.

Тщательный характер проведенных исследований целеустремленности показывает, что в сознании субъектов деятельности нет гармонического сочетания, декларируемых государством целей общества и индивидуальной

¹Термин вводится нами для характеристики относительной замкнутости целей индивида и означает область необходимой целеустремленности, обеспечивающей функциональную оптимальность взаимодействия со средой.

целеустремленности. Особенно резко обозначилось расхождение с конца 70-х годов по настоящее время¹.

Поведение людей и их мотивированная активность складываются в результате действия многих социальных сил. Конкретное в этом сложном процессе выступает как процесс синтеза, как результат, а не исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. В этом смысле следует заметить, что определение уровня мотивированной активности должно учитывать, что поведение индивидов утрачивает самостоятельное значение и становится отдельной стороной более широкого подхода к человеку как имманентной совокупности общественных отношений. В этом смысле, по нашему мнению, права Г.М. Андреева, когда писала, что “образ человека в социологическом исследовании обязательно должен быть и “образом” общества”².

Определение критериев мотивированной активности и ее уровней должно опираться на следующие элементы:

- а) ролевой статус человека в рамках данной социальной системы;
- б) на его социальную, групповую принадлежность и в связи с этим на систему его взглядов, интересов, целей, потребностей, выступающих в качестве мотивов индивидуальной активности и определяющих отношение человека к своим социальным обязанностям;
- в) на связанное с принадлежностью к социальной группе отношение к производству, место в общественном разделении труда, на источники существования, воздействие правового регулирования и моральных норм;
- г) совокупность социальных ролей человека или реальные формы жизнедеятельности и стимулы мотивированной активности выполнения общественных обязанностей и индивидуальных обязательств;

¹ Автором на протяжении десяти последних лет проводилось анкетирование и интервьюирование на заводах, предприятиях и организациях г. Николаева, г. Запорожья, г. Волгограда и г. Волжского по проблеме формирования целей как основы жизненной позиции и мотивов деятельности.

² Андреев В.М.. Человек как объект социологического исследования. // “Личность при социализме”. М.: 1968, с.120.

д) систему ценностей, как “относительно устойчивую систему фиксированных установок, выработанных в результате способности человека к объективизации, основанной на эмоциях, знаниях, убеждениях, склонностях и способностях, т.е. на интеграции предшествующего общественного и индивидуального опыта...”¹.

Иначе говоря, мотивированную активность личности, ее социальную роль, т.е. действия человека в определенном качестве, можно понять исходя из более общей социальной системы организации общества, от которой он зависит и в структуру которой входят частные социальные структуры и социальное бытие личности.

Существует ряд точек зрения на определение содержания понятия критерия социальной активности. Сложность этого вопроса, потребность в проведении широкого конкретно-социологического анализа уровней мотивированной активности вынуждает исследователей вести поиски определений основного критерия активности, преимущественно его связей с проблемой управления, воспитания молодежи, развития демократии и теорией личности.

Ряд авторов считают, что суть критерия заключается в сознательном, инициативном действии, которое непременно должно быть творческим и содержать элемент ответственности за порученное дело¹. В частности, в книге “Роль общественности в управлении производством” социальная активность оценивается по трем основным критериям:

- а) значимость выполняемой социальной функции;
- б) инициативность, т.е. участие в делах, где личность может проявить свою изобретательность;
- в) добросовестность, т.е. стремление доводить общественное поручение до конца.

¹ См. Водзинская. В.В. Понятие установки отношения и ценностной ориентации в социологическом исследовании. //Философские науки, 1968, № 2, с. 50.

Другие авторы акцентируют внимание на интенсивности процесса преобразования действительности, его мере.² Третьи предлагают подразделить человеческую деятельность по отношению субъективного начала к объективному - на активную, обычную (нормальную) и пассивную.³

На наш взгляд, эти точки зрения на сущность критерия мотивированной активности, как и ряд других, вполне применимы для оценки интенсивности деятельности отдельных социальных групп и социальных учреждений, например, в оценке активности молодежи в сфере управления и т.д. Но ни одна из указанных точек зрения не учитывает отношение человека к своей собственной деятельности, которая очень сильно влияет на уровень мотивированной социальной активности. Это отношение может быть положительным, отрицательным или безразличным, но оно непременно отразится на результатах деятельности и на сроках реализации той или иной общественной цели. При расхождении общественных целей и индивидуальных происходит смещение мотива активности в личностную сферу, а декларируемые обществом призывы к общественной активности перемещаются на периферию целеполагания.

Суммарный результат реализации индивидуальных целей имеет экономические и социальные последствия, но неизбежно расходится с государственным интересом, даже вступает в противоречие с ними. Следовательно, само определение социальной активности должно содержать указание не только на характер действия, но и на отношение к самой деятельности как ориентацию на лучшее выполнение различных социальных ролей: профессиональной, общественного деятеля мужа, отца, и т.д.

¹ См. Роль общественности в управлении производством. Харьков, 1968; Лапина. Т.А. Активность личности в свете коммунистической морали// Вопросы философии, 1966, № 9; Мишин В.И. Объективные законы истории и социальная активность. // Философские науки, 1968, № 3 и др.

² См. Общественно политическая активность трудящихся. Свердловск, 1970; Станкевич. Л.П. Активность как мера деятельности личности. //Вестник МГУ, 1970, № 6.

³ См. Некоторые проблемы исследования социальной активности молодежи. Свердловск, 1970; Беленький В.Х.. Ленин В.И. об активности народных масс. Красноярск, 1969.

Исходя из всего сказанного, можно определить категорию мотивированной социальной активности как субъективное отношение и социальную готовность, детерминированные общественными законами, проявляющиеся в соответствующих актах целесообразного поведения. Социальная мотивированная активность представляет собой целенаправленную творческую социальную деятельность, преобразующую объективную действительность и саму личность. Уровень мотивированной активности зависит от содержания социальных целей и проявляется в познавательной, трудовой, общественно-политической и др. формах. Можно считать интересными и правильными требования к критериям общественно-политической активности личности, выдвинутые в книге “Общественная активность молодежи”:

“Во-первых, этот критерий должен фиксировать деятельное состояние субъекта. Вне этого состояния, за пределами деятельности...активность в сфере общественно-политических отношений не может быть обнаружена.

Во-вторых, критерий активности должен нести информацию о том, что действия и поступки человека носят самостоятельный характер, являются в той или иной степени осознанными.

В-третьих, критерий политической активности не может не отвечать на вопросы о соответствии деятельности, в которой она проявляется, интересом общества.

Наконец, в-четвертых, критерий активности должен характеризовать нам ее количественные параметры, говорить об интенсивности или экстенсивности ее проявления.”¹. Современные деструктивные процессы ни в коей мере не снимают актуальности выводов, сделанных двадцать пять лет назад. На наш взгляд, эти положения могут служить в качестве методологического средства при определении критерия активности человека и даже социальной группы и для обобщения данных конкретно-социологических исследований.

¹ Общественная активность молодежи. М.: 1970, с. 23.

Отдельные авторы, определяя общественную активность молодежи, ограничивают ее только общественной работой, т.е. только той деятельностью, за которую молодой человек не получает вознаграждения.¹ Нет необходимой полноты и в утверждении, что “социальная активность предполагает участие в решении вопросов, выходящих за рамки лично выполняемой работы”.² Мотивированная активность есть фактическая, реальная данность, идет ли речь об индуцированной активности под воздействием идеологии или же активности, индуцированной рыночными отношениями и свободой предпринимательства. С наибольшей полнотой проблема рассмотрена в работах Л. П. Бугевой, в которых развитие личности берется в структуре социальной среды и, что очень важно, в соотношении и взаимодействии ее макро - и микро - уровней.³

Вне всякого сомнения, участие в общественной деятельности является показателем активности молодежи и всех слоев общества, но общественный интерес нельзя отрывать от главной сферы жизни социума - трудовой деятельности.⁴ Совокупная мотивированная социальная активность человека измеряется не как сумма его активных выступлений в различных социальных ролях, а наоборот, определяется главным образом по основному виду социальной деятельности, которой он занят, т.е. рабочий, бизнесмен, студент, политик. Именно здесь личные цели человека совпадают с общественной целесообразностью его деятельности, происходит процесс объективизации индивидуальных и общественных потребностей.

Определение уровня мотивированной социальной активности - дело сложное. Сформулированная цель в какой-то мере показывает потребность в

¹ См. Бухалов Ю.Ф., Якуба Е.А.. Общественная активность, ее содержание и критерии. //Философские науки 1968, № 4, с. 79; Мордкович В.Г. Общественная активность - проблемы и решения.// Молодой коммунист, 1965, № 12, с. 39.

² См. Станкевич. Л.П. Активность как мера деятельности личности. //Вестник МГУ, 1970, № 6, с. 26.

³ См. Бугева Л.П. Социальная среда и сознание личности. М.,1968; Человек: деятельность и общение. М.,1978; Человек и общественный прогресс// ВФ. 1988, №3; Диалектика социального и индивидуального в развитии личности // Философия и социология в науке и технике. М.,1990; Человек как высшая ценность и главное богатство общества. М. , 1991 и др.

⁴ Григорян Б.Т. Человек, его положение и призвание в современном мире. М.: 1987, с. 109-125.

творческой активности. Предел деяния тоже в какой-то мере очерчен правом и моральными нормами, при помощи которых общество защищается от направленной на его разрушение не мотивированной социальным благом активности, особенно организованной преступности, активности коррумпированного чиновничества и т.д.

Отдельные стороны мотивированной активности человека определяются при помощи социального анализа. В неопозитивизме, экзистенциализме, неотомизме и примыкающих к ним школах свободная активность человека и его возможности в реализации целей подвергается критике. Исключение представляют школы прагматизма, в которых активность играет роль принципа, точки отсчета социального функционирования.¹

Марксизм также ставит активность во главу самореализации общества и личности, хотя эта точка зрения в его модели конца XX века содержательно сосредоточилась на классовой активности рабочего класса с целью окончательной победы над капитализмом и утверждением модели мирового коммунизма. Любая идея не является ни хорошей, ни плохой, пока не попадает в сферу методов реализации.

Методы реализации как раз и дискредитировали идею коммунизма. Локально цель не имеет моральных и всех других критериев, Ницше совершенно справедливо заключил, что пока человек молчит и моргает невозможно определить, моральный он или аморальный. Цель попадает в сферу социальных оценок только на отрезке реализации. Значимость ее не носит одномерного характера. Она может быть реализована за счет других людей, может быть промежуточной и поэтому казаться бесполезной и даже вредной, может быть корпоративно ограниченной. Результаты реализации цели находятся в сфере всего разнообразия оценок и приоритетов. Оценивается не

¹ См., например, Пэнто Р., Гравитц М.. Методы социальных наук. (пер. с фр.). М.: 1972; Григорян "Человек, его положение и призвание в современном мире". М.: 1987, с. 23-44; Современная буржуазная философия. Под ред. Богомолова А.С. и др. М.: 1972; М. Корнфорт. Открытая философия и открытое общество. М.: 1972; Ярошевский Т.. Личность и общество. М.: 1973; Сэв Л.. Марксизм и теория личности. М.: 1972; Вишневский С.С. Формирование духовного облика советского человека. М.: 1986; Араб-Оглы Э.А. Обозримое будущее. М.: 1986 и др.

только результат реализации цели, но и характер активности, примененные методы и мотивы. К примеру, человек активно готов отвечать за мотивы цели, а не за конечный результат, подвергающийся трансформации по независящим от него причинам. Как говорил Гегель, камень, выпущенный из руки, принадлежит дьяволу. Поэтому целевая мотивированная активность проблематична, так как не включает в себя возможных смещений своего содержания в результате.

Потребность в теоретической разработке уровней мотивированной социальной активности диктуется не только необходимостью. По нашему мнению, уровень мотивированной социальной активности определяется состоянием готовности личности к исполнению производственных и общественных обязанностей, социальной значимостью мотивов деятельности, уровнем познания и необходимостью той или иной формы управления и организации общественной жизни и производства. Эти факторы в обществе поддаются моральному и материальному стимулированию, поэтому общество вполне в состоянии через органы управления регулировать состояние целевой культуры¹, сдерживая избыточную активность, торопливость, некомпетентность; гармонизируя интересы социума и эго.

Уровень мотивированной активности в значительной мере зависит от степени осознания членами общества личных и общественных интересов. Активность в труде, в политической жизни, в науке, в осуществлении индивидуальных целей - это не только путь к результату и сам результат, а и облик социальной реальности, который в индивидуальных целях не планируется, а воспринимается как результат образа жизни данного общества. Целесообразная деятельность в цивилизованном обществе является не чем иным, как осознанием закономерностей общежития и активным использованием этих закономерностей в реализации целей человека.

¹ Термин вводится нами для характеристики содержательного единства активности индивида и цивилизованных ценностей и приоритетов.

Волевые усилия, активность, растрачиваются неэкономно, пока люди в своей деятельности руководствуются лишь чувственной видимостью, как правило, отклоняющейся от рациональной сущности на величину, которую приходится покрывать дополнительными усилиями. В этом случае волевые действия могут совпадать с объективной необходимостью, и человек достигает поставленной цели, но очень часто деятельность осуществляется без твердых гарантий на успех.

Познание тенденций развития того или иного явления позволяет человеку связать свои цели с уровнем необходимой мотивированной активности, а это уже шаг к свободе творчества в ее диалектической связи с необходимостью. “Общество, если оно напало на след естественного закона своего развития, не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов”.¹ Подобные выводы К. Маркса свидетельствуют о том, что его учение ни в коей мере не несет ответственности за волюнтаристические постановки цели построения коммунизма к 80-м годам XX века. Общество всегда связано с познанием законов природной и общественной среды и возможностями ставить и реализовать все большее количество индивидуальных и социальных целей.

“Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека...”². Эта фраза Энгельса очень важна для исследования связей цели, мотивированной общественной активности и свободы, творческого характера целеустремленности. Свобода воли в значительной степени есть цивилизованная свобода целеполагания и деятельности по реализации целей. И все же максима: “разрешено все, что не

¹Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.23, с.10.

²Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.20, с.116.

запрещено”, вызывает гораздо больше претензий к действующему законодательству и законотворчеству, чем может показаться не философской рефлексии. На наш взгляд, любое отступление общественного регулирования от многообразия целей должно быть аргументировано зрелостью общества и его целевой культурой. Если общество находится в нестабильном состоянии, то любая пассивность законотворчества стимулирует отрицательную и не мотивированную социальными приоритетами активность. В лучшем случае это соревновательность целей, где проигравший плачет и между ним и выигравшим нет арбитра; в худшем - глобальная криминализация целей, и тогда общественные цели защиты малоимущих перемещаются на периферию социальных приоритетов. Целевая дезориентированность населения множит его претензии к государству, которое в целях уменьшения напряженности начинает раздавать милостыню, вместо расширения занятости, рынка услуг, стабилизации и локализации правонарушений.

Активность субъектов социума усиливается, но не в сфере созидания, а в сфере разрушения традиционных форм деятельности, парадоксальной криминализации предпринимательской деятельности, утаивания доходов, что уменьшает поступление налогов в бюджет, а значит, тормозит реализацию социальных целей. В этом процессе есть и индуктированный дестабилизацией положительный фактор: пробуждение к активной социальной деятельности больших масс людей, ранее убаюканных унифицированным прожиточным минимумом.

Люди в процессе своего существования зависят от объективных законов природной и общественной среды, и, следовательно, познание объективных законов действительности есть одна из предпосылок их свободы. Отсюда, уровень человеческой свободы определяется уровнем мотивированной активности и достигнутыми успехами в познании законов среды жизнедеятельности и тем, насколько действия людей соотносятся с этими законами. Более того, если бы в природе и в обществе не существовало

необходимости, не действовали бы объективные законы, то люди не могли бы вообще ставить какие-нибудь цели. Изученные этапы развития объективных процессов являются одновременно материалом для целеполагания, и чем глубже человеческое сознание овладевает объективными законами природы и общества, тем выше возможность предвидеть последствия, как развития объективных процессов, так и результатов своей мотивируемой активности, а также становление целевой культуры.¹

Уровень мотивированной социальной активности личности показывает, в какой мере общественные приоритеты активизировались, превратились в сугубо субъективные мотивы деятельности индивида, с другой стороны, осознание слияния личных интересов с интересами других людей служит доказательством общественной значимости личности.¹

Достижение целей в соответствии с познанными законами деятельности и достигнутым уровнем социализации и ведет к растормаживанию целевого функционирования. Творческая, активная, целенаправленная деятельность на основе знания объекта цели преобразует возможность в действительность, объективизируют цели, превращает необходимость в свободу, стимулирует цепь целей, повышает целевую культуру.

Достижение цели предполагает двойную мотивированную активность: мыслительную и реализующую. Здесь обнаруживается синтетический характер категории «цель», аккумулирующий в себе органическую связь действительности, возможности, необходимости, уровня активности и знания. В этой цепочке реализация цели в результате творческой мотивированной активности является моментом или опредмечивания или же формулировки гипотезы, теории, если это познавательная цель.

В какой-то мере также логично говорить и о хаосе целей, когда в структуре ролевого статуса личности цель не начало функциональности, а своего рода внутренняя самореализация, заменяющая внешнюю

¹ Бьярсон Б.. Философские этюды. М.: 1965, с. 85.

мотивированную активность. Это тоже активность, но обращенная, опрокинутая во внутренний мир, которая, в силу разрыва цепи: “цель - реализация - постановка новой цели”, становится самодовлеющей, некой идеологией пассивности во внешнем мире. Здесь проблема упирается в феномен свободы.

Давая определение понятию свободы, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: “Свобода определялась до сих пор философами двояким образом. С одной стороны, она определялась как власть, как господство над обстоятельствами и отношениями, в которых живет индивид: так она определялась всеми материалистами. С другой стороны, она рассматривалась как самоопределение, как избавление от действительного мира - как мнимая только - свобода духа: так она определялась всеми идеалистами...”²

В оценке возможностей целеполагания и мотивированной активности любое исследование сталкивается с терминологическими трудностями, обусловленными многообразием человеческой деятельности, разделением ее на материальную, духовную и пограничную. Деятельность может быть принудительной и цель по отношению к ней будет чем-то внешним, творчество как бы отчуждается, нивелируется.

В поисках терминов для теоретического обобщения многообразия трудовых актов и их содержания К. Маркс в “Капитале” употребляет понятие “целевая ситуация”.³ Пользоваться этим понятием надо достаточно четко, чтобы избежать аналогии с использованием этого понятия прагматизмом и экзистенциализмом с их стремлением монополизировать рассмотрение сугубо человеческих ситуаций в рамках субъективного идеализма.

Оправданным является стремление отечественных исследователей данного вопроса рассматривать целеполагание в плоскости проблем детерминизма, однако это не должно вести к уменьшению роли категории

¹ См. Буева Л. П. Развитие личности как объект социального планирования и управления.// Социальная структура социалистического общества и всестороннее развитие личности. М.,1983.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.3, с. 292.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.23, с. 188-197.

“цель”, которая характеризует мотив деятельности человека. К примеру, Н. Кутергин пишет: “...цель является одним из идеальных элементов целевой ситуации, играющей в ней центральную роль”¹. Здесь, несмотря на признание роли цели в целевой ситуации, все же, на наш взгляд, суживается объем категории “цель” и не учитывается мотивированная активность человека, так как целевая ситуация - это уже момент перехода к реализации цели, поскольку в ее систему включаются объективные условия, при которых мотивированная активность вовне себя может дать человеку удовлетворение от выполненной задачи.

С другой стороны, стремление доказать возможность и необходимость использования категории цели в кибернетике, прогностике и автоматическом управлении большими системами путем доказательств ее подчиненности понятию “целевая ситуация”, освобождает от признания необходимой и присущей ей субъективности и она перестает быть категорией, характеризующей собственно человеческую деятельность и мотивированную активность. Уже цитировавшийся выше Н. Кутергин пишет: “...целевая ситуация выступает в качестве сложной системы, включающей в себя такие элементы как субъект, объект, потребность, интерес, знание, средства, результат, оценку и цель, а также многообразные связи и отношения между всеми этими элементами”.² На наш взгляд, эта характеристика относится к определению социальной деятельности как таковой, а не к целеполаганию и цели. В данном случае лучше звучит не “целевая ситуация”, а “целевая функция”, так как это понятие включает содержание мотивированной активности, которая в цели заключена как ценность и мысль и реализуется через стремление и деятельность.

Цель, имея своим содержанием объективную направленность развития действительности, в то же время содержит субъективные представления о желаемом направлении или о коррективах. Объективность развития является в

¹ Кутергин Н.. Цель и целесообразность как категория детерминизма. Автор. канд. дис. Свердловск, 1972. с.4.

² Там же.

процессе целеполагания действительностью, а стремления - возможностью. Представления об антропологичности категории “цель” в современной информатике основываются именно на том, что эта категория всегда содержит в себе окрашенные эмоции, желания человека. В процессе реализации целей значительная часть представлений об объекте деятельности (там, где нет однозначных, проверенных практикой знаний) отбрасывается путем проб и ошибок. Одна и та же цель видоизменяется в процессе реализации и является формой активной человеческой деятельности.

Вызывает возражения и попытка уравнивать содержание категорий, близких по содержанию к формам целеполагания с категорией “цель”. Например, А.В. Борзенко пишет: “целеполагание и планирование категории однопорядковые. Если цель есть идеально выраженный результат предстоящих действий, то план есть идеально выраженный процесс движения к цели. В плане воссоздаются средства, основные этапы действия, ведущие к цели, порядок этапов, их темпы, сроки и т.д.”¹ Налицо смешение философской и экономической категорий, попытка представить их однопорядковыми.

Кроме того, план-результат большого количества предплановых разработок и прогностической проверки вариантов развития кооператива, отрасли или предприятия. Если целеполагание по самой своей природе содержит субъективное, то вся история планирования - это борьба за освобождение представлений о будущем развитии от субъективизма и волюнтаризма. Эффективность планирования дает представление о способности, умении, наличии методик, дающих возможность с высокой вероятностью предвидеть результат, минимизировать потери, сберечь ресурсы, усилить дееспособность рабочей силы и ее продуктивность. Кроме того, планы характеризуются еще и своей основной целью и не сами они, а эта цель является или гуманной или враждебной части или большинству членов общества.

¹ Борзенко А.В.. Проблемы цели в общественном развитии. М.: 1963, с.7.

Безусловно, нельзя не согласиться с утверждением о единстве целеполагания и планирования в отношении направленности - и в том и в другом случае учитываются внутренние возможности человеческой мотивированной активности, волевые действия отдельных индивидов, объединений, производственных коллективов.

Все это в совокупности с социальным анализом современности свидетельствует, что в настоящее время как никогда возросла роль субъективного фактора в жизни общества, значение сознательной организации материального и духовного производства. Рыночные отношения дают простор деловой активности, самореализации государственных и частных производственных объединений и фирм, неизмеримо расширяя функциональное целеполагание, характеризуемое самоконтролем и самопланированием. Более того, снимая пресс глобального государственного планирования, рыночные отношения дают простор целевой инициативе¹, которая является общественной только по форме, а по содержанию целиком субъективно мотивирована и связана только с технологическими тенденциями и выведена из сферы прямого государственного регулирования.

Современная жизнь пронизана политической борьбой, концентрирующей в себе накал социальных противоречий. В духовном развитии современного общества мотивированная активность является одной из самых актуальных и важных. В динамике современной социальной жизни используются настолько совершенные средства коммуникации, что практически очень мало людей остаются в стороне от нее, поэтому цивилизация становится информационной, и целеполагание, информативно структурируясь, приобретает характер ускоряющейся цикличности, и формы реализации все больше приближаются к идентичности с содержанием, заключенным первоначально в цели. Все это говорит о том, что мотивированная активность и творческий характер - это неизменные свойства целеполагания при любой организации общества. Более

¹ Термин вводится нами для обозначения самостоятельного локального планирования, связанного с законной деятельностью по производству товаров и услуг.

того, активность всегда имеет социальную окрашенность, может быть гуманистической или антигуманной. Активностью характеризуются также биологические и информационные системы.

Следовательно, активность как категория, показывающая оптимальность взаимодействия со средой обитания биологических объектов и темп сознательной деятельности в социуме, имеет важное значение в оценке результатов целеполагания и в рассмотрении функциональной целесообразности. Социально мотивированная активность представляет собой своеобразный вид деятельности, в котором цель, средства реализации, ценности и мотивы деятельности скорректированы с социальными и индивидуальными потребностями, опираются на наукоемкую технологию и имеют гуманистическую направленность.

Можно сделать на основании вышеизложенного следующие выводы:

1. Мотивированная активность человека и общественных систем означает оптимальный темп деятельности, определяемый соответствием целей объективному развитию общественных процессов.
2. Активность живых и общественных систем всегда целенаправленна к определенному результату и предполагает реализацию или жизненных функций или общественных потребностей.
3. Мотивация активности искусственных самоуправляемых систем не имеет самостоятельного творческого источника, носит технический, а не общественный характер, и концепции об исключении человека из его сугубо человеческой сферы - производства - в силу преобладающей оперативной оптимальности машин - безосновательны.
4. Мотивированная активность человека детерминирована условиями его общественной среды, познанием, практикой и теми возможностями, которые предоставляет человеку общественная система через свои правовые, политические институты и моральные нормы.

5. Мотивированная активность человека - это величайшая социальная ценность, динамическая основа творчества. Замечательный поэт и философ Сэнт-Экзюпери писал, что активность человека делает ему честь, определяет его истинное место в природе и меру его величия.¹
6. Мотивации целеполагания связаны с циклами активности общества, на протяжении которых меняется система ценностей. Наиболее стабильно система ценностей функционирует в периоды мирного эволюционного развития общества. В эти периоды ценности находятся в относительно стабильном состоянии, и по этой причине их воздействие стационарно прогнозируемо. Это создает стандартные ситуации, в которых в прогнозировании преобладают моменты описания, а в цели - моменты предписания.
7. Во взаимосвязи мотивов и целей мотив играет роль повода, побудительной причины, движущей силы, но не определяет весь путь реализации цели, он только проявляется «в и через контуры действия» (Ж.-П. Сартр)². Следовательно, мотивы целеполагания играют вспомогательную роль, направляя действия человека на удовлетворение потребностей. Мотивы репрезентуют в целеполагании чувственно-логическую природу деятельности.

¹ Сэнт-Экзюпери А. Земля людей. М.: 1957, с. 107.

² См. в кн. Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.-П. Сумерки богов. М., 1989.

§2. Корреляция целей с культурными универсалиями

Социальный смысл современной философии состоит в анализе научного познания как средства прирастания нового знания об изучаемых объектах, как организации и способа функционирования самой структуры науки и способов использования, применения достигнутого знания в системе целесообразной деятельности людей. Чтобы выразить социальный смысл науки в обществе, необходимо связать в единое целое этимологию и методологию с социологией, психологией и культурологией научного познания. Это единство мотивировано основной целью науки - получением и фиксацией объективно-истинного знания о вселенной. Все без исключения социальные функции науки базируются на реализации этой цели, поскольку научно-технические революции, прогресс в технологии, любые изменения роли науки в обществе невозможны при отсутствии роста общего объема знания и качественных скачков в ее развитии.

Современная целесообразная деятельность людей становится убыточной или непродуктивной, если не используются наукоемкие технологии. Эта истина выражена в положении о превращении науки XX века в непосредственную производительную силу общества. Следовательно, получение нового знания стало социальной целью, а содержанием научной деятельности - исследование объектов и фиксация научного знания о них, прогнозирование и программирование новых состояний, осваиваемого человеком предметного мира.

Процесс получения нового знания, несмотря на то, что когнитивные аспекты имеют выделенный статус, не может быть раскрыт без учета факторов социокультурной обусловленности науки, как условия реализации целей, которые по своему статусу не являются личными. Корреляция социальных целей связана с их сциентическим обоснованием, требующим формирования новых направлений научных исследований, выдвижения научных идей, перестройки научной картины мира, изменения норм и эталонов обоснованности, усиления доказательности и организации познания.

Целесообразная деятельность людей включает в себя социально-культурный феномен познания, на основании которого формируется отношение человека к миру:

а) индивидуальный и общественно-исторический опыт поколений формирует отношения духовного мира, на котором основывается целеполагание;

б) отношение к естественной природе и искусственно созданной человеком окультуренной природе, в которой он живет и которая предоставляет ему средства реализации целей.

Целесообразная деятельность - одно из основных условий отличия человека от животных, которые адаптируются к природной среде и вся их жизнедеятельность направлена на идентификацию с природой. Человек целенаправленно изменяет природу, присваивает ее вещество и энергию, формируя необходимые для себя объекты и процессы, которые природа соединить не может.

Таким образом человек формирует феномен культуры, который одновременно и самоотношение, и отношение к созданному им "неорганическому телу человека", как его назвал К. Маркс. Это особые средства, без которых он не смог бы ставить и реализовывать свои цели. Это усилители его естественных органов: орудия и средства труда (машины, сложные инструменты, энергетические установки, информационные системы и т.д.), бытовая техника, различного рода производственные здания и оборудование, дома и города, заводы, атомные и гидростанции - все многообразие созданного человеком предметного мира, факторов очеловеченной среды.

"Неорганическое тело человека" развивается по мере усложнения социальной жизни, передается от поколения к поколению, наследуется социально, оно все больше и больше становится результатом разделения труда, а приходящие на смену друг другу поколения наследуют его как

"неорганическое тело цивилизации".¹ Отдельный человек не просто в составе целого, а активное, деятельное, целеполагающее существо, и только благодаря его активной целеустремленной деятельности воспроизводится и изменяется общество как целостный организм.

Основными формами целеполагающей мотивированной активности выступают общение, поведение и деятельность. Общение определяет собой координацию индивидуальных целей с целями других людей, форму обмена информацией и форму социальной коммуникации. Поведение свойственно и человеку, и животным, но поведение человека регулируется специальными социальными регулятивными феноменами (обычай, нравственность, право и т.д.). Поведение характеризуется также приспособлением к миру, адаптацией человека к сложившейся природной и социальной среде, основные компоненты которой он застает уже в готовом виде. Деятельность характеризуется направленностью на изменение, преобразование объектов, в деятельности человек целенаправленно изменяет окружающий мир. В процессе целесообразной деятельности трансформируется поведение человека, оно все более и более становится осознанным, внутренне контролируемым и целесообразным.

Целесообразная деятельность - единственная форма небиологической мотивированной активности. Именно через нее реализуется целевое многообразие. Корреляция целей культурными универсалиями осуществляется через деятельность.² Но для того, чтобы конкретная деятельность воспроизводилась, необходим некий целесообразный способ взаимодействия ее компонентов (цели субъекта, средства и объект деятельности). Этот способ выступает как цель, реализующаяся в целесообразных действиях человека и определяющая внутреннюю организацию актов целесообразной деятельности,

¹ Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992, с. 7.

² Более детально о деятельности см.: Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание. М.: 1980; Каган М.С. Человеческая деятельность. М.: 1974; Буюева Л.П. Человек: деятельность и общение. М.: 1978; Швырев В.С. научное познание как деятельность. М.: 1984.

равно как и взаимосвязь этих актов как моментов непрерывных усилий на пути целеосуществления.

Сложно организованная система целеполагания, методик реализации и средств закрепляется в неких социокодах, составляющих "тело" культуры. В культуре накопленный социальный опыт целеполагания и целеосуществления хранится и выступает в качестве коррективной основы будущего целеполагания, он также генерирует новые программы как результат человеческого творчества.

В культуре закрепляются универсальные формы целесообразной деятельности, которые многократно апробированы практикой и познанием, поэтому индивидуальное развитие человека происходит благодаря усвоению транслируемого в культуре социального опыта. В процессе социализации, обучения и воспитания происходит стыковка стиля целеполагания и целеосуществления, исторически сложившегося в той или иной культуре, и индивидуальной готовности человека активно действовать.

Активность и адаптивные способности индивида объединяются в стремлении творчески усвоить правила, нормы, знания, регулятивы, образцы и предписания, принятые в культуре. Транслируемый в культуре опыт целеполагания и целеосуществления, который воспринимается и запечатлевается индивидом, всегда является открытием и знанием, которое он получает в наследство от предыдущих поколений. Только опираясь на этот опыт, человек производит новые формы реальности и не повторяет ошибки, совершенные до него людьми в аналогичных формах деятельности.

Таким образом, инновации в культуре являются условием изменений социальной жизни, но сами культурные инновации могут возникнуть только в результате человеческой мотивированной активности. Человек, с одной стороны, выступает как творение культуры, поскольку усвоение им хранящихся в культуре эталонов, норм, традиций, знаний, программирует его поведение и деятельность, обеспечивает его включение в многообразие социальных связей. С другой стороны, он, творец культуры, поскольку, решая поставленные

обществом задачи, он способен, опираясь на почерпнутый из культуры прошлый социальный опыт, создавать новые эталоны, нормы, традиции, знания и таким путем порождать новые феномены и состояния культуры.¹

Целеполагание и целеосуществление функционируют в социоактивной среде, которая продуктивно воздействует на человека, корректируя его цели, способствуя выработке требований к адекватности средств поставленным целям. В социокультурной среде складываются культурные ценности, которые образуют общечеловеческую культуру и развитие которых является одним из аспектов общественного прогресса. И чем более динамично общество, тем активнее творческий процесс выработки в системе культурных универсалий, новых идей, образцов и проектов, обеспечивающих коррекцию сложившихся стереотипов социального поведения, даже целостное видение объекта целеполагания может меняться достаточно резко. Основываясь на всем сказанном, можно определить категории культурных универсалий как аккумуляцию достижений и опыта на историческом пути преобразования природной и общественной среды по стандартам, складывающимся в результате труда и познания, на основании которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает, переживает и преобразует окружающий мир. Культурные универсалии дают возможность человеку сводить в интегральную смысловую целостность все существенные факторы деятельности, попадающие в сферу его целесообразной деятельности, которые в результате целедостижения приобретают неоспоримость феномена практики.

Здесь следует оговориться, что в последние годы в целом ряде работ по социодинамике, социологии и философии культуры интенсивно разрабатывается понятие мировоззренческих универсалий, однако автор полагает, что любая система воззрений на мир уже своей системностью становится универсальным достижением культуры, в которой она сложилась. Исходя из этого можно заключить, что имеющиеся достижения в культуре общества по отношению к целесообразной и целеполагающей деятельности

¹ Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992, с. 27.

людей выступают в качестве не мировоззренческих, а культурных универсалий, корректирующих цели людей и в момент их формирования и в процессе их реализации.¹

По мере ускорения общественного прогресса актуализируются аспекты и слои культуры, отражающие социальные ценности, которые должны полностью сложиться в будущем данной цивилизации. Эти слои культуры начинают активно воздействовать на структуру общественной практики. Становясь все более целесообразной, деятельность общества начинает генерировать в качестве своего продукта феномен "прогностического слоя культуры". Комплекс социальных и естественных наук объединяется для решения проблемы "будущего" - это и есть прогноз, прогнозирование, планирование будущего.

Важнейшим этапом в генерализированном процессе самореализации человека и общества является опредмечивание цели, переход ее из сферы внутреннего состояния во внешнюю данность. Этот путь непосредственно не осуществляется, а опосредуется использованными средствами, материалом среды, результатом прежних познавательных актов, сравнением поставленной цели с уже реализованными. Здесь отрицательным показателем опредмечивания является неполнота необходимых факторов для реализации цели. В процессе реализации происходит также коррекция самой цели в процессе реализации. Эта корреляция осуществляется на основе сложившихся исторически культурных универсалий, являющихся совокупностью проявлений социальной жизни народа или группы народов. Сюда же входят результаты обмена культурными ценностями в масштабе всей земной цивилизации.

Цель и результат не могут совпасть полностью, поскольку невозможно создать идеальных условий реализации, выбор средств также происходит не при их изобилии и многообразии, а скорее всего при их дефиците. Следует

¹ См. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: 1972; Традиции в истории культуры. М.: 1978; Лосев А.Ф. История античной эстетики. М.: Искусство, 1968-1980; Категория философии и категории культуры. Киев, Политиздат, 1983; Наука и культура. М.: Наука, 1984; Степин В.С. Философская антропология

также сказать, что поставленная цель не существует отдельно от цели производства, если эта цель в сфере экономических интересов, а также от целей, уже находящихся в реализации.

Видоизменяются и средства реализации цели. Если говорить об общественных целях, то они полностью реализуются не теми средствами, которыми начиналось опредмечивание. Безусловно, цели в сфере производства имеют определенный приоритет. Цель производства - это “внутренняя объективная направленность общественного производства, которой оно реально подчинено при данном общественном строе”.¹

Некоторые экономисты отрицают возможность применения в экономическом анализе категории цели, утверждая, что, будучи употреблено вместе с понятием “общественного производства”, понятие цели придает субъективный смысл экономическим процессам. Например, М. Ширяев пишет: “... понятие цели, какими бы эпитетами и истолкованиями его не сопровождали, остается лишь категорией сознания”, и далее: “Включение момента цели в формулировку экономического закона означает, несомненно, субъективизацию закона со всеми последствиями, которые отсюда вытекают.”¹ По сути дела, это отказ от несомненного факта, что человеческое производство осуществляется людьми и ради людей.

Необходимость в общественной жизни пробивает себе дорогу через массу случайностей или же через бесконечное количество стремлений и попыток реализовать якобы сугубо личные цели, которые в совокупности в данных социальных условиях составляют общественные отношения. Эта необходимость не может быть понята и теоретизирована без понятий направления развития и цели, без понятия связи с культурными универсалиями.

Кроме того, отдельные историки употребляют антропоморфический термин “цель” в отношении сугубо философской проблематики направления

и философия науки. М.: Высшая школа, 1992; Ерясов А. Социальная культурология. М.: Аспект Пресс, 1996; Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1996; Каган М.С. Философия культуры. Санкт-Петербург, 1996.

¹ Мстиславский П.С. К полному благосостоянию и всестороннему развитию человека. М.: 1969, с. 6.

истории. Часто употребляется понятие “цель истории”. Речь идет о том, может ли это понятие употребляться в онтологическом смысле, например, как в биологии и кибернетике. Существуют ли “цели истории”? Имеет ли каждая формация цель как осознанную необходимость? Здесь нет единого мнения: отдельные авторы признают правомерность выражения “цели истории”. Например, С.Г. Шляхтенко и Г.П. Шляхтенко считают, что существует конечная цель истории - коммунизм, и, следовательно, для того, чтобы оценить ту или иную формацию как прогрессивную, необходимо сравнить ее с “этим итогом развития общества”.² Это может нас привести к утверждению, что в первобытном строе уже была заложена и исторически обусловлена конечная цель общества. Но она обусловлена не как внутренняя тенденция истории вообще, а эта цель возникает на определенном уровне развития общества, когда создается сложный комплекс реальных условий: экономических, политических, социальных, идеологических, когда формируются культурные универсалии и т.д. Даже будучи осознанной и сформированной, и даже реализованной, данная цель не может быть конечной целью истории.

Понятие «конечная цель истории» приобретает характер дурной неопределенности, когда историческая ситуация становится ситуацией финальности самой истории. Неясно, идет ли речь о каких то промежуточных этапах, осуществленных как реализованная цель, или о завершении всей истории общества, означающего прекращение существования самого общества. Теоретики, писавшие о коммунизме, вынуждены были оговариваться, что коммунизм не конечная цель истории, а начало новой цикличности с имманентными неантагонистическими противоречиями. Данная ситуация свидетельствует, что ни одна из категорий сознания не может быть абсолютизирована, пока существует само сознание. Это в полной мере относится к категории «цель».

¹ Ширяев Н. Концепция производства в основном экономическом законе формации // Экономические науки, 1958, № 6, с. 62.

² Категории диалектики как отражение закономерностей перехода к коммунизму. Л., 1965, с. 36.

К. Маркс и Ф. Энгельс резко возражали против взгляда на историю как на осуществление заранее поставленной провиденциальной цели и писали, что “... с условиями, порожденными прежним производством и общением, коммунисты практически обращаются как с неорганическими, но при этом они отнюдь не воображают, будто намерением или предназначением прошлых поколений было доставить им материал, и не считают, что условия эти были неорганическими для создавших их индивидов”.¹

Ф. Энгельс, имея в виду развитие человеческой истории в целом, писал: “... у нас нет конечной цели. Мы сторонники постоянного непрерывного развития, и мы не имеем намерения диктовать человечеству какие-нибудь окончательные законы”.² Выражение “конечная цель” имеет смысл только в применении к определенному, уже начавшемуся процессу, а не к истории вообще. От интегральной социальной цели можно говорить только в плане ее непрерывной корреляции культурными универсалиями.

Понятие “целесообразность” мы употребляем и в оценке общественных систем, но здесь, в отличие от природной целесообразности она выражается не в соответствии функций и строения, а как общая тенденция развития, связанная с принципом общественного интереса. Общественная целесообразность, с одной стороны, означает удовлетворенность людей своим положением в данном обществе и выражается в стремлении сохранить существующий порядок вещей. С другой стороны, общественная целесообразность - это непрерывность развития и совершенствование общественного организма и восхождение к более совершенным формам на основе корреляции целей культурными универсалиями.

В. И. Добренко пишет: “Смысл и цель истории не вне исторической деятельности человека, а в ней самой”.³ Под целью истории часто понимают

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 71.

² Там же. Соч., т. 22, с. 535.

³ Добренко В.И.. Концепция человека у Эриха Фромма.// Вестник МГУ, серия Философия, 1968, № 4, с. 12.

или свободу (в философском значении слова) или же всестороннее значение развития личности, как при трактовке гуманистической природы прогресса.

Существуют и кибернетические интерпретации цели истории. Так, Г. Клаус и Г. Шульце, характеризуя глобальную общественную систему, определяют цель истории следующим образом: “Тенденция к оптимальному развитию, то есть прежде всего постоянному улучшению ее структуры организации, порядка и представляют собой цель истории. А тенденция этой системы приблизить себя к цели и есть стремление к цели”.¹

Содержание и характер рассмотрения цели истории данными авторами свидетельствует, что они описывают не цель истории, а форму выражения исторической необходимости. Такой формой является определенная объективная направленность общественного прогресса, который выступает в роли одного из результатов сложного и недифференцированного взаимодействия законов общества, можно даже сказать, меры определенности их суммарного действия, при постоянно проявляющем себя факторе корреляции целей культурными универсалиями. Напротив, в природе никто целей не ставит, и природная целесообразность складывается слепо, как приспособленность, соответствие строения и функций организмов условиям их существования.

По отношению к природе можно говорить о целях, которые ставит человек, опираясь на свои реальные возможности, согласно осознанным потребностям, которые имеют не биологический, а социальный смысл, поскольку в процессе деятельности человек не только производит предметы потребления, но и себя как потребителя. В своей целеполагающей деятельности человек как производитель опирается на знание законов объекта своей деятельности, в данном случае - природы. Например, по отношению к живой природе - на знание законов наследственности и изменчивости, в космонавтике - на знание законов тяготения и теорию гравитации и т.д.

¹ Klaus I., Shulze H.. *Sie Iesetz und Fortschrett in der Ieschiche*. Ditz Verlong, Berlin, 1967, p. 163.

Те природные возможности, которые превращаются в действительность только естественным путем, без вмешательства человека, т.е. стихийно, не могут классифицироваться в качестве целей человека, но в процессе развития производства человек вовлекает в сферу своей деятельности все большее количество сил природы, усмиряя ее стихию. Познание открывает реальные возможности, сформулированные как культурные универсалии. Цели, основанные на этих возможностях, являются истинными и реальными. Вероятность их осуществления тяготеет к пределу в результате непрерывного процесса корреляции.

В обществе цели ставят люди. Развитие общества создало совершенно новый вид необходимости - общественную необходимость, которая возникает и существует через совокупную производственную деятельность людей и создает историческую целесообразность. Таким образом, можно сказать, что общественная необходимость, преломляясь и существуя через огромное количество отдельных общественных действий, проявляется в наиболее целесообразном для данного уровня развития общества строе, отражающем уровень развития культуры.

Необходимо также выделить понятие “общественная цель”. Общественная цель возникает из всей совокупности объективных условий человеческой жизни и отличается от субъективных целей отдельного человека. Последние являются только средствами общественной цели. Общественная цель является как бы узлом, сгустком проявления общественной необходимости, скрытой от каждого отдельного человека покровом явлений. Философское понятие цели имеет своим предварительным условием желаемость и предсказуемость будущих результатов деятельности на основе корреляции целей культурными универсалиями.

Общество может быть построено на научной основе только в том случае, если его идеология своей основной целью имеет не увековечивание именно данных отношений, а многообразие вариантов развития культурных универсалий. Общая цель общества может быть лишь там, где есть единство

коренных экономических, политических и духовных интересов народа. “Где нет общности интересов, - писал Ф. Энгельс, - там не может быть единства целей, не говоря о единстве действий”.¹ Поэтому в строгом смысле слова общая цель общества может быть только там, где система имеет плюралистический характер, где отсутствует директивное регулирование.

Есть некая необходимость корреляции целеполагания культурными универсалиями в структурном развитии социума:

1) коренные интересы и цели научно обосновываются и являются выражением единства направления общественных законов и стремлений индивидуумов. Это выражается в конституции, программах партий, общественных движений и т.д.;

2) желательно отсутствие принципиального противоречия между социальными направленными целями нынешнего дня и отдаленными последствиями деятельности;

3) целесообразный подход к общественным процессам создает возможность с максимальной отдачей использовать ресурсы общества, сберечь силы и средства;

4) складывается совершенно новый тип мотивированной активности и самостоятельности членов общества, на основе рыночных отношений пока не как практики, а как тенденции;

5) намечается тенденция формирования целевой культуры рыночных отношений.

В 60-е годы на Западе теоретики считали отсутствие общей цели западной цивилизации одной из причин возможного проигрыша в противостояниях между блоками. Д.Ф. Кеннон (некогда был послом США в СССР) пессимистически заявлял, что если и началось соревнование между США и Советской Россией, то у США нет никаких шансов одолеть противника. Он писал: “Если вы спросите меня, способна ли страна, находящаяся в таком состоянии, в котором она находится в настоящее время, при отсутствии

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 14.

высокоразвитого сознания национальной цели и всеподавляющем стремлении к личному комфорту и удовольствиям, в условиях острого недостатка в общественных услугах и пресыщенная продаваемыми частным образом ненужными вещами...если вы спросите у меня, имеет ли такая страна в длительной перспективе хорошие шансы на соревнование с целеустремленным, серьезным и дисциплинированным обществом, таким, каким является общество в Советском Союзе, я должен сказать, что ответ на этот вопрос будет отрицательным.”¹

Здесь очевидный разрыв между объемом цели, средствами ее реализации и временем реализации. Безусловно, сокрушение СССР было целью США, и эта цель осуществлялась комплексом мер: военных, политических, экономических, идеологических, но ответ на вопрос: “Они ли привели к распаду мировой державы?” - может быть только отрицательным.

Во-первых, ни одна система не погибнет, пока полностью не разовьются ее сущностные силы.

Во-вторых, система, не ставя целей самоуничтожения, может таким образом сместить свои общественные цели, что они становятся невыполнимыми не в силу их неразумности, а по причине несовпадения с ними средств реализации. Средства становятся неадекватными и поэтому ведут к деструктивным процессам. Можно с известной долей достоверности сформулировать закон целереализации: “Смещение гармонии между содержанием цели как модели будущего и методов реализации как формы деятельности приводит к деструкции системы, а при отсутствии коррекции и к саморазрушению”². На основании этой закономерности можно сказать, что цель США реализовалась как побочный результат и поэтому сумма последствий не может быть полностью социализирована другой стороной противоречия и вызывает только переструктурирование общественных целей.

¹Цит. по кн.Льюис.Д. Социализм и личность. М.: 1969, с. 50-51.

² Термин “целереализация” вводится в данном случае для обозначения необходимого единства между методикой и опытом реализованных целей и необходимостью коррекций целей в связи с непрерывно меняющимися условиями бытия.

Цель связана со стремлением и возможностями человека прогнозировать будущее состояние объекта, служащего предметом деятельности или познавательного интереса. Но это особое предвидимое предначертание, которое не совпадает, а соприкасается с наукой - прогнозированием, которое находится в процессе становления. Целеполагание - это не свободное поле, на котором прогнозирование ставит отдельные вехи, а явление, непосредственно связанное с обликом результата деятельности, следовательно, цель представляет собой не возможное будущее, которое может иметь много вариантов, а желанное будущее, основанное на корреляции целей культурными универсалиями. В этом смысле целеполагание представляет собой диалектическое единство субъективного и объективного, реализующееся через деятельность. Это волевое, активное, практическое отношение субъекта к объекту, процесс совершенно нового вхождения человека в природу не с целью раствориться в ней, а с целью реализации своих желаний через познание, деятельность и культуру. Безусловно, несмотря на активный характер целеполагания, цель все же явление вторичное по отношению к объекту целесообразной и целеполагающей деятельности и в то же время элемент культуры интеллектуального творчества.

То, что цель всегда имеет своего носителя (индивид, группа, или же страна, слой, народные массы), - это несомненно, но это только одна сторона целеполагания, а с другой стороны (со стороны возможности своей реализации), цель детерминирована материальными, объективными условиями деятельности, уровнем познания и культуры. Вместе с тем, если в природе целесообразность проявляется в единении морфологии, функций и среды, то в общественных системах цель проявляется в единении средств и методов и берет на себя роль исходного мотива, побуждения к действию. Не только следствие, но и причина выступает в роли цели, детерминируя в какой-то мере наше настоящее.

В мотивированной общественной активности важную роль играет не только значимость поставленной цели, но и ее конкретность. Чем большее

значение имеет цель, чем существеннее ее мотивы, чем более она конкретизирована в сознании, тем большую активность, энергию и силу воли проявляет человек в процессе ее объективизации, и тогда эта субъективная устремленность превращается в один из важнейших факторов производства, так как позволяет сокращать время реализации, которое в современном производстве играет огромную роль и выражается в экономической науке понятием “темпы производства”. Как правило, личности, совершившие деяния, вошедшие в историю, всегда имели перед собой четко осознанную большую и общественную значимую цель и проявляли непоколебимую волю и активность в борьбе за ее достижение, а достигнутые цели усиливают воздействие культурных универсалий

Не менее важен вопрос об относительной автономности средств достижения цели. Наиболее освещена моральная оценка средств, где много поломано копий на опровержение максимы иезуитов: “цель оправдывает средства”. В большинстве случаев фразе приписывалось аморальное содержание, а потом успешно опровергали максиму, но она построена таким образом, что исключает однозначность, к примеру, как быть с необходимостью органического слияния средств и методов достижения цели с ее содержанием. А как быть с необходимостью динамизма осуществимости, когда ради общей цели набор средств должен включиться автоматически. Бертран Рассел писал: “Во время кораблекрушения команда выполняет приказы своего капитана не задумываясь, ибо у матросов есть общая цель, да и средства для достижения этой цели очевидны и всем понятны. Однако если бы капитан, как это делает правительство, принялся разъяснять матросам свои принципы управления кораблем, чтобы доказать правомерность поступающих приказов, корабль пошел бы ко дну раньше, чем закончилась его речь”.¹

Следует сказать, что вопрос о средствах достижения цели в определенном смысле входит в широчайший круг проблем, изучаемых методологией

¹Цит по кн. Суэта суэт. М.: 1996, с. 268.

современной науки, теорией систем и т.д. “Когда путь от средства к цели не слишком велик, средства становятся не менее заманчивыми, чем сама цель”.¹

Активность в реализации целей имеет общественную значимость в том плане, что она детерминирована содержанием цели и культурными универсалиями. Аксиоматический характер имеет утверждение, что людей, не имеющих целей, в обществе не может быть. Значит, в этом смысле определенные общественные отношения проявляются также и через субъективные цели отдельного человека. Но есть, конечно, люди, которые ставят цели, не выходящие за рамки будничных потребностей сохранения своей жизни, и это данность целеполагания, как бы его стандарт.

В какой-то мере такое содержание целей обусловлено общественными отношениями, поскольку все в социальных системах так или иначе детерминировано реальными материальными отношениями, но, несомненно, это не всегда осознается, поскольку механизм противодействия целеосуществлению носит скрытый характер, так как для данной цели противодействие наступает в момент реализации. Но в мотивированной социальной активности есть момент относительной самостоятельности целеполагания, который определяется активностью субъекта, системой ценностей и самооценностью целеосуществления, сумма которых оказывает влияние на характер и темп социальных процессов, корректируется культурными универсалиями.

Это влияние не обязательно конструктивно, оно может быть и элементом деструкции, без которой невозможна культура целеполагания, невозможен процесс внешнего видоизменения структуры целей. Деструкция как бы отбрасывает мелкие стандартные цели, не на основании альтернативы “осуществимо-неосуществимо”, а по культурным, нравственным, эстетическим, философским приоритетам и резонам. Это уход содержания цели от естественного, природного функционирования и усиление чисто социального в ней.

¹ Там же.

Этот феномен интенсифицирует процесс целеполагания, расширяет общий объем количества целей как целей, поскольку осуществление большинства биологических функций *homo sapiens* осознаются им как цели. Эти цели-функции являются нижним уровнем целеполагания, следующий уровень - цели социальные по своей основе - индивидуализация социальных возможностей, более того, цель может приобретать предельно абстрактный характер. Она может быть игрой типа: “хочу быть президентом, министром, индейцем” и т.д. Это своеобразный этюд, репетиция сослагательного состояния: “что было бы, если...”.

С изменением условий абстрактные цели могут принять характер реальных, т.е. перейти в сферу реализации, в сферу действительности. Цели могут также классифицироваться по очередности реализации: ближайшие и перспективные, при этом в одном и том же отношении реализация ближайших целей выступает в роли циклов большей или меньшей общности реализации перспективных целей. По охвату задач, сложности цели могут быть общими и частными, личными и общественными, существенными и несущественными, и такая классификация является указанием на наличие диалектических противоречий в самом реальном процессе целеполагания, в его культуре.

В какой-то мере достоверная цель является выходом за пределы теоретической деятельности, а связь теоретической и целеполагающей деятельности осуществляется через практические результаты. С усилением роли науки в материальном производстве возможности целеполагания неизмерно возрастают, и, поскольку разделение сознания на теоретическое и целеполагающее имеет относительный характер, то философы говорят о невозможности классификации форм целеполагания в отрыве от классификации теоретических наук.¹

На наш взгляд, это было бы верно только в том случае, если бы каждая теоретически достоверная цель подлежала реализации. Но в значительной мере реализация целей зависит от материальных возможностей и средств, и поэтому

любая классификация целей должна основываться на средствах осуществимости.

Цель - это категория познания и практики, она выражает процесс перехода от абстрактного мышления к практике, поскольку практика и есть целенаправленное изменение мира и превращения “вещей в себе” в “вещи для нас”. В общем плане целеполагание является одним из моментов активного взаимодействия субъекта и объекта, в котором очень четко просматривается мотивированная активность субъекта. При этом многообразие целей человека является отражением многосторонности его деятельности.

В социальной теории “активность” в большинстве случаев синоним труда, синоним социокультурной деятельности. Понятие “труд” само по себе достаточно многозначно, и чтобы избежать этой многозначности, в данной работе и используется в большинстве случаев категория “мотивированная активность”. В отечественной литературе труд абсолютизировался в том смысле, что синтезировал сущностные силы человека и был основным синонимом его достоинства. Утверждалось, что, реализуясь как цель, труд является основным источником удовлетворенности деятельностью.

Думается, удовлетворение не в самом труде, а в волевом усилии самопринуждения к выполнению взятых или же навязанных функций, разница только в уровне мотивированной активности: если цель самомотивирована, активность выше, навязана, соответственно ниже. Полагаем, что В.М. Вильчек близок к истине, когда освобождает термин “труд” от эмоциональных наслоений: “гармоничный”, “высокопродуктивный”, “сознательный”, “подневольный”, оставляя только одну метафору: “по необходимости”².

Средства реализации целей также многообразны и развиваются по мере развития общества. К. Маркс пишет: “Средство - безграничное развитие общественных производительных сил - вступает в конфликт с ограниченной целью - увеличением стоимости существующего капитала. Поэтому, если

¹ См., например, Воронович Б.А.. Философский анализ структуры практики. М.: 1972, с. 65.

² См. Вильчек В.М. Прощание с Марксом. М.: 1991, с. 36-38.

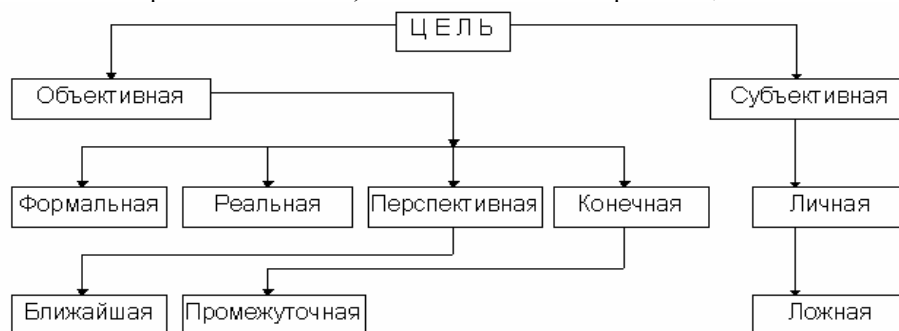
капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы и для создания соответствующего этой силе мирового рынка, то оно в то же время является постоянным противоречием между такой его исторической задачей и свойственными ему общественными отношениями производства”.¹

Здесь К. Маркс подчеркивает объективное содержание цели, которая выражает необходимость, потребность, направленность, безотносительно к тому, признают люди эту направленность или нет. Это тоже свидетельство того, что цели нельзя классифицировать, исходя только из относительного разделения сознания на целеполагающее и теоретическое.² Можно сформулировать определенную закономерность, суть которой в непрерывности роста общего объема актов целеполагания по мере сужения сферы экономических, политических, религиозных, информационных запретов и препятствий. Этот процесс характеризуется также ростом интенсивности целеосуществления и непрерывной корреляции целей культурными универсалиями. Естественные науки получают возможность прямо и непосредственно служить своим первоначальным задачам, становятся мощным фактором достижения человеческой свободы, не только как результат познания, но и как одно из средств реализации цели не социума в целом, а и отдельного субъекта производства.

Кроме того, развитие научных исследований создает возможность экономии сил и затрат в процессе реализации веера целей. Это стремление к

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 274.

² Мы предлагаем не претендующую на полноту рабочую классификацию целей: исходя из содержания системы, стремлениями которой они являются, и по возможности их реализации.

экономии сил и затрат связывает между собой субъективное желание и объективные возможности, которые на стадии постановки цели осознаются как знание и культура.

Принцип свободы не есть сам по себе цель, но комплекс целей, будучи реализованным снимает оковы действий только по необходимости. В этом смысле обвинения К. Маркса в том, что он действительной причиной считает только материальную, несправедливо: “Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей, оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства».¹ Отсюда:

1. Целью современного производства становится не производство ради производства, а сам человек, удовлетворение его потребностей и учет его интересов и коррекция целей культурными универсалиями.

2. Общество стремится предвидеть результаты взаимодействий общественных сил, а также последствия изменений в среде обитания. Постоянным стремлением является ликвидация стихийности истории, о которой Энгельс писал: “...история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения”.² Это верно, поскольку и сейчас кардинальные изменения не прогнозируемы, например, развал Союза. Прогноз часто имеет апокалиптический характер: “все в конечном итоге погибнет, «суета сует, - все суета!»³ и т.д. и тогда любое резкое изменение укладывается в схему. Социальные цели вносят упорядочивающее начало в процесс стихийного движения, их реализация структурирует социальное действие и делает его направленным, а корреляция целей культурными универсалиями становится основой их диалектики, исключая бесполезную суету.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 386-387.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 396.

³ Библия. Брюссель, 1992, с. 666.

Современная компьютерная семиотика усвоила традиционный для человека способ передачи информации в виде линейного, вытянутого в строки письма и дополнила его экранным рядом с его образной и символической системой компьютерной графики. Этот новый сплав различных семиотических систем, свойственный современному компьютерному языку является как универсальной системой запечатления и фиксации старого социокультурного опыта, так и основой для создания нового типа культурных универсалий информационного общества.

При усвоении культурного опыта осуществляется его перекодировка на основе новой системы социокодов, основой которой являются компьютерные системы. Это совершенно новый способ трансляции культурного опыта с более высокой степенью интенсивности, подготавливающей человека к более активной и информационно насыщенной целесообразной деятельности. Формирование целей несколько изменяется, возникает потребность в поиске новых, более формализованных способов соединения орудий и средств с объектом целеполагания на основе обширной информационной насыщенности.

Итак, смысл универсалий культуры должен быть усвоен человеком, стать внутренней сущностью его понимания мира, его поступков и деятельности. Роль культурных универсалий выражается в следующих их функциях:

- универсалии образуют сциентическую картину мира, своего рода культурное мировоззрение эпохи на основе определенной шкалы ценностей;
- они образуют систему транслируемого опыта, в котором инновации и традиции находятся в слитом состоянии;
- культурные универсалии выступают в качестве базисной основы стиля мышления человека определенной эпохи, содержат в себе модель изменчивости категориального строя мышления и основу формирования новых категорий.

§3. Коррекция целей в социуме

Исследование структуры целеполагания показывает, что цель не имеет сквозного характера, в своем движении к результату она непрерывно корректируется напряжением воли. Воля - это одна из важнейших сторон психической жизни человека. Собственно свобода - это свобода воли. Она всегда связана с преодолением каких-то препятствий, затруднений и выражается в сознательных действиях и поступках, направленных на достижение поставленных целей. Воля может быть направлена только на субъективно ценное, поэтому она зависит от индивидуальной субординации ценностей. Воление, а следовательно, и ценность или ситуации и вещи, обладающие ценностью, обнаруживаются в пределах некоторой ситуации, которая есть цель и ее реализация на пути преодоления препятствий. Эти препятствия в своей значительной мере создаются обстоятельствами, не зависящими от человека. Нельзя сбрасывать со счета и внутренние мотивации и препятствия. Человека могут обуревать противоречащие друг другу чувства и стремления, которые отклоняют его от поставленной цели, мешают владеть своим поведением, руководствоваться сознанием долга и доводами разума. Поэтому коррективы цели могут быть спонтанными, неосознанными.

Воля, как и цель, является духовным актом и в этом качестве может быть только свободной волей, т.е. здесь осуществляется субъективный выбор среды, ассортимента мотивов. Важно заметить, что выбор и его мотивы могут расходиться с самим интересом человека, более того, воление в целеосуществлении простирается до самопожертвования и даже самоубийства. А. Шопенгауэр создал метафизику всеобщей воли, проявляющуюся в объективном смысле как природа, включая и само биологическое тело человека, а в субъективном плане - как сознательная воля. Он писал: «Свободной, следовательно, будет такая воля, которая не определяется основанием...иными словами ее отдельные проявления(волевые акты) безусловно и вполне независимо будут вытекать из нее самой, непорождаемые с необходимостью предшествующими обстоятельствами, а стало быть, также и

неподчиненные никаким правилам...Однако и для этого понятия имеется свой terminas technicus (лат.- технический термин): это liberum arbitrium indifferentiae (лат. - безразличная свобода воли).¹

Субъективные факторы тоже влияют на активность человека в достижении цели, и для их преодоления необходимо волевое усилие. Свободен ли человек в своих действиях, или все его поступки и начинания стиснуты жесткими рамками необходимости? Это отнюдь не праздный вопрос, он связан с проблемами юридической практики и проблемами воспитания человека.

Наконец, проблема свободы воли - извечная тема богословских споров во всех религиях. Для религии единственным источником абсолютно свободной воли есть бог. Божественная воля свободна как в актах творения мира, так и в отдельных актах индивидуальных действий человека, стиснутого божественной предопределенностью своих действий. Поэтому свобода воли бога выступает для человека в виде необходимости, которую люди должны принять раз и навсегда. В этом случае вопрос об индивидуальной свободе воли человека снимается, так как божественная предопределенность результатов человеческой деятельности означает индивидуальную закабаленность и несвободу. Отсюда берет свое начало одно из многочисленных противоречий религии. Если человек совершает преступление, то это, прежде всего, вина верховного существа, так как человек только материальный носитель божественной воли.

Если в обществе зло часто торжествует, а добродетель не дает никаких результатов, более того, выглядит чаще всего как непрактичность и глупость, то и здесь основная вина падает на божество. Если бог не может ликвидировать зло во всех формах, то он не всемогущ. А если он, обладая абсолютной свободой воли, не хочет этого, то он не всеблаг. Это противоречие вынуждает телеологов допустить абсолютную свободу воли и у человека, но при этом эта индивидуальная свобода воли для телеологов не зависит от материальных причин и факторов. Это очень удобное допущение, которое, например, неотомистам позволяет отказаться от зависимости поступков и целей человека

¹ Шопенгауэр А. О свободе воли. Минск, 1997, с. 49.

от экономических и исторических условий. Функционально свобода воли представляет собой возможность коррекции целей и стремлений.

Сама история превращается в комбинацию воли отдельных людей, но в таком случае возникает новое неприятное для религии противоречие: если свобода воли и выбора присуща не только богу, но и людям, то идея божественного всемогущества становится просто ненужной, а ведь религия всегда боролась против всех видов свободомыслия, и независимость от бога идет вразрез с основными догмами религии.

В рассмотрении этой проблемы философы - идеалисты Д. Беркли, Ф. Ницше, А. Шопенгауэр исходили из абсолютной свободы воли бога и человека - эта позиция аналогична религиозной. Свобода воли трактуется как абсолютный произвол, не зависящий и не сдерживаемый существующими общественными условиями. Это открывает дорогу любым злоупотреблениям, и поэтому Ницше и Шопенгауэр были кумирами фашистской идеологии, которая брала самоутверждение без указания на логические противоречия в проблеме, изложенные тем или другим мыслителями. В противовес этой трактовке психоанализ впадает в другую крайность - приходит к утверждению о зависимости свободы воли от сексуальности. Например, Карен Хорни писал, что действия людей во всех случаях и в полном объеме обусловлены сексуальностью и не может быть и речи о свободе выбора цели.¹ Следовательно, согласно этой точке зрения, мотив любой деятельности человека прямо не зависит от сущности ее объекта. Это положение совершенно обесценивает уровень мотивированной активности человека в достижении его целей.

Та и другая точки зрения - это крайности. Человек не волен абсолютно делать то, что он захочет, однако в определенных пределах он может выбирать наилучший способ действия, наиболее верную цель. Относительным критерием

¹Карен Хорни. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза.//Психоанализ и культура. М.: Юрист, 1995, с. 155.

такого выбора является уровень социального прогресса, а техникой является непрерывный процесс коррекции цели в ее движении к результату.

В основе любого волевого факта лежит в конечном счете воздействие материального мира на человека. Людям присущи определенные потребности, и прежде всего материальные, без удовлетворения которых человек не может жить. Эти потребности удовлетворяются в результате труда, составляют постоянную цель человеческой деятельности и удовлетворяются через целесообразную деятельность человеческим способом, и это очень важно, поскольку стремление к поддержанию существования может быть и неосознанным, животным. Трудовая деятельность (именно она выступает в качестве материального осознания потребности) воздействует на человека: это так называемое обратное воздействие усиливает общественные интересы человека и все дальше уводит его от животного состояния в социум, характеризующийся социальными потребностями и нестабильностью целей.

Под потребностями обычно понимают «состояние организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом, выражающее зависимость от объективного содержания условий их существования и развития и выступающее источником различных форм их активности»¹. В данном определении выделяется зависимость любой социальной системы от объективных условий ее существования, следовательно, если определить потребность как специфическое отношение социальной системы (индивида, социальной группы, слоя, общества в целом) наличным условием бытия, как отношение зависимости системы от окружающей среды в единстве природных и социальных компонентов, то указанное отношение зависимости, перенесенное на вещи, процессы, действия и т.д., служащие источником или посредником в актах удовлетворения потребностей, порождает феномен их ценности².

¹ Философская энциклопедия. М., 1967. т.4., с. 327-328.

² Кочергин А. Н. Экология и техносфера. М., 1995, с. 103.

Свобода человека в достижении своих целей находится в границах необходимости, и прогресс деятельности связан не со стремлением раздвинуть границы необходимости, а с расширением познания и вовлечения в сферу деятельности все большего количества предметов природы. Необходимость выступает в качестве критерия приложения волевых усилий и не может противоречить свободе. Например, сколько бы усилий человек не прикладывал, он не может стать великаном или невидимкой, но, познав законы природы, человек может правильно определить цели, а также методы и средства их достижения и методы их коррекции, и, таким образом, через познание и использование необходимости сделать и осознать свою деятельность как свободную.

Своей фантазией люди создали великанов, способных бороться против злых сил природы, но только познав природу, они создали технические приспособления, позволяющие поднимать, переносить и перевозить огромные тяжести, создавать давление в десятки тысяч атмосфер. Значит, действуя в рамках необходимости, в соответствии с нею, человек может свободно проявлять свою волю и добиваться реализации поставленных целей. Решение проблемы свободы в истории философии усложняли те мыслители, которые пытались связать ее с долгом, выводя его из свободы. Однако долг относится только к нравственным отношениям, а не ко всей совокупности общественных отношений. Будучи неограниченной по своим показателям и сущности, свобода должна предполагать в том числе и нравственность.

Из западных мыслителей к интегральному пониманию свободы ближе всех подошел Ж.-П. Сартр, утверждавший, что свобода не свойство человека, а его субстанция. Человек не может отличаться от своей свободы, а свобода, в свою очередь, не может отличаться от своих проявлений. Из всего сказанного следует вывод, что человек только тогда может считать себя свободным, когда может проецировать себя на свободно выбранную цель, когда он может свободно ее корректировать и изменять в соответствии со своими знаниями и планами. Вместе с целеполаганием формируются и все ценности, сущности, и

вещи извлекаются из своей недифференцированности и организуются в ситуацию, отраженную в культурных универсалиях, которая формирует человека как общественное существо. Уровень этой свободы, ее всеобщность будут тем выше, чем лучше и точнее человек зафиксировал закономерности природы и общества и сможет корректировать свои цели на основе знания, а не методом проб и ошибок.

Поставив цель, в определенном смысле, человек свободен в выборе методов и средств реализации, а мотивированная активность определяется напряжением его воли, которая и вызывает такие качества, как настойчивость, самостоятельность и инициативность, дисциплинированность, выдержку и самообладание. Следует однако оговориться, что наличие волевого стремления само по себе не определяет общественную полезность или вредность стремлений человека. Общественная значимость деяния зависит от поставленной цели. В ее первоначальном содержании скрывается, сделает ли человек что-то нужное и полезное для общества в целом или наоборот, ненужное и вредное. Здесь сразу возникает проблема критерия выбора цели, от чего зависит возможность выбора того или иного стереотипа поведения и уровня активности в достижении поставленной цели и квалификационность ее коррекции в движении к результату. С этой позиции ценность выступает как оценка потребностей, которые всегда связаны с факторами, обеспечивающими их удовлетворение. Подобный взгляд на связь цели и ценностей высказал Е. Ласло, который связывает реализацию целей с уровнем адаптации человека к условиям среды. На этом основании он говорит о возможности создания концептуальной основы для науки о нормативных ценностях, в рамках которой может быть понята сущность целеполагания человека¹.

Отсюда видно, сколь тесно связано понятие ценности с понятием цели и целеполагания. Цель всегда так или иначе должна рассматриваться в масштабе ценностей, корректироваться ими. Если бы цель не представляла собой ценности, то целеполагание носило бы бессистемный и спонтанный характер, а

поскольку реализация целевых установок сопряжена с деятельностью, то в ней и находят свое выражение ценности. Наиболее важные с точки зрения достижения цели действия и оцениваются как наиболее значимые.

В какой-то мере выражение “свободно определить свои цели” является синонимом “действовать со знанием дела”. Но знание дела не единственное условие реализации целей человека. Среди обстоятельств, способствующих осуществлению целевых установок, следует назвать моральные принципы и законы, действующие в обществе, которые, в свою очередь, зависят от характера общественного строя. В процессе постановки и реализации целей человек преодолевает много препятствий, и мера познания необходимости служит критерием уровня достигнутой свободы.

В современной литературе, как отечественной, так и зарубежной, достаточно полно исследованы различные аспекты категории “свобода”.² Но, как правило, исследователи оставляют в тени содержание свободы как внутреннего действия индивида, как реализацию его непрерывно корректируемых целей. В какой-то мере этот аспект затрагивали в своих работах такие философы, как Т.А. Казакевич, А.Г. Мысливченко, А.Е. Давыдович, А.И. Яценко.³ Эти авторы пишут о цели в связи с исследованием свободы как реализации ценностей, не учитывая трансформацию цели в результате коррекции в ее движении к целеосуществлению.

В рассмотрении свободы К. Маркс выделял не только ее объективное содержание, но и субъективный аспект: “... к свободе относится не только то, что я осуществляю свободу, но и тот факт, что я делаю это свободно; не только то, чем я живу, но также и то, как я живу”.⁴ Ленин также писал о субъективной

¹ Laslo E. A. Systems philosophy of Human Values. // Behavioral Science. 1972, vol.18, №4. p.250-259.

² См., например, исследования: Аптекер Г.. О сущности свободы. Пер. с англ., М.: 1961; его же: О природе демократии, свободы и революции. М.: 1969; Давыдов Ю.Н.. Труд и свобода. М.: 1962; Давыдович В.Е.. Проблемы человеческой свободы. Львов., изд. Львовского ун-та, 1967; Янагида. Философия свободы. Пер. с япон., М.: 1958; Корнфорт М.. Открытая философия и открытое общ-во. Пер. с англ. М.: 1972 и др.

³ См. Казакевич Т.А.. Цель и свобода. // Вестн. ЛГУ, 1968, № 23; Мысливченко А.Г.. Человек как предмет философского познания. М.: 1972; его же: Философские проблемы человека. // Ленинизм и философские проблемы современности. М.: 1970; Давыдович С.А.. Грани свободы. М.: 1966; Яценко А.И.. Цель и проблема свободы (на укр. языке) // Проблемы философии. Изд. КГУ, вып. I, 1976.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 68.

стороне свободы, то есть о ее связи с целеполаганием. На полях своего конспекта гегелевской “Науки логики” В.И. Ленин записал со значком “важно заметить” (NB): “...Свобода = субъективность (“или”) цель, сознание, стремление...”.¹ Поэтому очень важно исследовать тот аспект реализации объективных целей человека, который одновременно выступает как реализация и материальное осуществление свободы через внутренне мотивированную, свободную коррекцию целей от замысла к результату.

Все явления причинно обусловлены, равно и все побуждения человеческой воли или какие-нибудь действия человека всегда имеют причину, хотя нередко эта причина неизвестна людям или носит скрытый характер.

Безусловно, причинность в обществе отличается от причинности в природе прежде всего тем, что цели, которые ставит человек, выступают необходимым опосредствующим звеном в цепи причин и следствий. Все бесконечное разнообразие видов человеческой деятельности имеет общую черту - все действия человека целесообразны. Поэтому выбор целей и их масштабность решающим образом сказываются как на выборе средств реализации, так и на результатах деятельности. До начала деятельности человек идеально полагает результат своих будущих усилий и мысленно же объединяет свой образ действия со средствами. Естественно, своеобразие этого процесса и коррективы цели не могут не сказываться на результате деятельности. Однако даже такая большая доля субъективизма не исключает детерминации деятельности человека, потому что цели порождаются условиями его жизни, его потребностями и интересами, а вызванные ими мотивы становятся двигателями его деятельности.

Выбор целей человека зависит от объективно существующих социальных условий, от сложившейся рыночной конъюнктуры, общественного положения, богатства социальных ролей, образования, воспитания и т.д. Выбор целей и средств зависит также и от осознания уровня общественной свободы, поскольку

¹ Ленин В. И.. Полн. Собр. Соч., т. 29, с. 148.

она и есть тот магический кристалл, через который человек видит возможности для выбора и возможности корректировать свои цели.

Следовательно, детерминизм не означает, что человек только следует за ходом событий, напротив, человек во всеобщей связи причин и следствий выступает в роли субъекта действия, и она открывает перед людьми реальные пути к овладению природными и общественными силами, а также возможность корректировать цели на основании растущего объема знаний.

Даже постановка целей, когда их форма сугубо субъективна, определенным образом детерминирована, ибо мышление - процесс специфически обусловленный, опирается на имеющиеся результаты познания. В сфере социальной жизни причинность приобретает очень сложный и опосредованный характер, хотя и в природе причинность не совпадает с механической каузальностью. Следовательно, действительное решение свободы воли и ее связи с объективными законами не имеет ничего общего с механическим детерминизмом.

Характерным примером субъективизма воззрений на соотношение свободы и цели является волюнтаризм, который объявляет волю абсолютно самодовлеющей, автономной силой, оторванной от действительности и стоящей вне закономерности и причинности. Приоритет воли над мышлением Дунс Скот сформулировал как афоризм : «*Voluntas est superior intellectu*» (лат.- «воля стоит над мышлением»). Волюнтаризм отрывает волю от мышления, разума, понимая под волей темные бессознательные инстинкты или же мистическую интуицию, утверждает, что человеческие представления, понятия, теории лишены объективной истинности и являются произвольными конструкциями, которым отведена роль только инструментов человеческой воли. Это деструктивное понимание свободы воли - синоним вульгарного анархизма. Безусловно, эти взгляды никак не проявляются в самой практике функционирования реальных институтов социальной жизни на Западе. Они скорее выполняют роль камуфляжа регламентации общественной жизни, где свобода воли имеет компенсаторный характер.

Материалисты подходят к проблеме с позиций рациональности. Да, свобода воли должна быть обеспечена. Она означает подчинение чувств, эмоций, настроений разуму, осознающему те цели, которые не противоречат развитию объективной действительности. Такое свойство цели находится в связи с объективной необходимостью, придает чувствам и настроениям устойчивость и последовательность. “Укрощаются” те чувства и эмоции, которые препятствуют достижению цели, а вместе с тем дается простор чувствам, которые стимулируют мотивированную активность, а воля и знания позволяют корректировать цели в соответствии с меняющимися условиями и обстоятельствами. В проявлениях свободы воли осознание значимости цели имеет огромную важность. Человек всегда действует свободно именно потому, что действует, учитывая необходимость. Это и есть разрешение противоречия между свободой воли и объективными законами действительности.

Историческая значимость - это не обязательно лозунговый социализм. Это может быть национальная идея, например, “русская идея”, это может быть осознание действительно, реально существующей миссии России в мировом сообществе. Это не общие места, например, недостатки Версальской системы, ущемлявшие национальное самосознание немцев, привели к победе Гитлера, который обещал немецкому обывателю Великую Германию.

В человеческой деятельности момент выбора всегда имеется в виде свободы выбора цели, средств, методов и т.д. Выбирая то или иное направление действий, те или иные средства, человек связывает реализацию цели не только со своими потребностями, но и с последствиями именно данного выбора. Выбор связан всегда с прогнозом последствий и в этом смысле находится в пределах целенаправленной деятельности, которая свободно корректируется, не становясь произволом. “Свобода может быть охарактеризована как целеполагающая избирательная активность общественного человека, осуществляемая на основе познания объективной необходимости”.¹

¹ Давидович В. Е.. Проблемы человеческой свободы, Львов, 1967, с. 10.

Свобода как деятельность связана с целеполаганием через обширную область мыслительной работы, в процессе которой создаются планы деятельности, становящиеся в дальнейшем целями, которые в свою очередь корректируются по мере движения к осуществлению. Формирование научно обоснованных целей служит как бы мостом между теоретическим исследованием законов природы и общества и практической деятельностью, в которой, следовательно, достигается свобода.

Как правило, отсутствие научно обоснованных целей ведет к тому, что внешние обстоятельства навязывают нам способ действия, и это уже по сути дела несвобода. Более того, всеслепое следование ситуации, ожидание ситуации, чтобы действовать согласно ей, есть следствие нецелесообразности и бесплановости, и в дальнейшем ведет к утрате перспективы и снижению уровня мотивированной активности. Целенаправленность, напротив, обеспечивает поиск вариантов действия, дает твердость и упорство в преодолении препятствий на пути к результату. Несомненно, речь идет о свойствах, которыми обладают только те цели, в которых выражена объективная необходимость и учтены тенденции развития объекта деятельности. Следовательно, реализацией свободы воли можно считать только целеустремленную деятельность, соответствующую потребностям общественного развития. Только в этом случае свобода воли участвует в осуществлении исторической необходимости.

Стихийные и планомерные процессы в разной мере подчинены объективным законам, независимым от сознания людей и их воли. Но в первом случае осуществление законов не находится под контролем людей, а во втором - эти законы в большей или в меньшей мере сознательно используются ради коррекции и достижения определенных целей. Условия деятельности человека существуют объективно, но это не исключает различного понимания и отсюда различных методов и способов действий людей в реализации целей, направленных на один и тот же объект. Более того, сама действительность таит

в себе различные возможности своего развития, и это составляет объективную основу выбора тех или иных целей и тех или других средств их реализации.

И, следовательно, правильное соотношение свободы воли и детерминизма заключается не в различном понимании условий, а в многообразии и богатстве действительности, которая представляет возможность выбора тех или иных, не расходящихся с объективными законами, целей и их свободной коррекции на пути реализации. Для более глубокого понимания действия законов общественной жизни надо раскрыть сам механизм связи между сознательной деятельностью людей и материальной детерминированностью их поступков. Иначе можно впасть либо в фатализм, либо в субъективизм. Решить эту задачу можно лишь в результате анализа единства объективных и субъективных факторов с помощью таких категорий, как материальная потребность, общественный и личный интерес, цель, необходимость, свобода.

Понятие цели можно так же соотносить не с самой целью, а с факторами социальной детерминации, которые ее непосредственно порождают. В качестве такого фундаментального фактора, как уже говорилось, можно рассматривать индивидуальные и общественные потребности. Человек удовлетворяет свои осознанные, мотивированные потребности, достигая поставленных целей, которые выступают в этом случае как структурированные в целях потребности. На этом пути он следует различным традициям, поскольку привычка к их соблюдению превратилась в потребность, осуществляет поисковые научные исследования, движимые определенными интересами, духовными запросами. В практике социального бытия оказывается, что человек ориентируется не столько на цели и не только на ценности, сколько на удовлетворение своих духовных и материальных потребностей.

Постановка целей - это свидетельство познанных возможностей, а реализация - это акт мотивированной активности. В то же время в бесконечной цепи реализаций отдельных целей проявляются общественные закономерности человеческой производственной деятельности, через которую складывается общественная цель данного общества.

Каждая новая цель не бывает настолько новой, чтобы не соприкасаться с опытом прежних поколений. В целесообразной деятельности всегда существует преемственность. Можно сказать, что материал для целесообразной деятельности каждому последующему поколению поставляет не только природа, но и деятельность предыдущих поколений. В таком случае каждая новая общественная цель - это ступень прогресса, которая первоначально осознается как потребность общества и сущностная коррекция взглядов, существовавших ранее. И здесь тоже необходимо различать свободу воли и свободу действий.

Речь может идти о свободе действий, в которой находит свое проявление воля человека, тогда как принуждение, несовместимое со свободой действий, исключает проявление воли. Такая несвобода проявляется не только в условиях тоталитарных режимов, но и в условиях демократии, так как ей присущи различные уровни соблюдения прав человека и гражданина. От декларирования свободы до ее законодательного обеспечения, как принято выражаться, «дистанция огромного размера». Утверждение, что люди сами творят историю, не означает, что в постановке целей царит произвол. Цели заранее ограничены условиями общественной жизни, возникшими на основе деятельности предшествующих поколений и корректируются ими.

Следовательно, возможность активной целесообразной деятельности как формы реализации свободы складывается непрерывно от прошлого через цели настоящего к будущему состоянию производства. Смена форм общественной жизни происходит не автоматически, а в результате деятельности самих людей - общественная закономерность прокладывает себе дорогу через массу целесообразных для отдельного члена общества действий, в процессе которых люди реализуют свои индивидуальные потребности, корректируя их по отношению к общественным.

Значит, речь идет об уровне свободы деятельности, которая связана с подвижной структурой потребностей той или иной социальной системы. Выражением этой подвижности является трансформация потребностей под

воздействием различных факторов, из которых наиболее существенным является производство. Оно не только поставляет обществу потребительские стоимости, при помощи которых человек удовлетворяет свои потребности, но и инициирует новые потребности, дающие стимулы перестройке «дерева целей» и новый импульс к дальнейшему развитию экономики.

Следовательно, воздействуя целенаправленно на производство и сознание людей посредством образования, воспитания, обоснованной и реально ориентированной рекламы и т.д., общество может регулировать потребление, не прибегая к силовым методам, целенаправленно формировать гуманистическую систему потребления и тем самым - систему ценностных ориентаций. Все это должно гармонизирующе сближать общественные и индивидуальные цели, снимать их извечную противоречивость, сущностно сближая понятия общественной и индивидуальной свободы деятельности.

Проблему взаимосвязи цели и свободы необходимо исследовать еще и потому, что, по сути дела, ограниченность определения свободы только познанной необходимостью означает обеднение категории. Сейчас необходимо, например, рассматривать субъективно-нравственный аспект свободы, проблему ценностей, которой руководствуется человек в выборе целей.

Осуществляя реализацию своих целей, человек тем самым реализует и утверждает себя как свободное существо. Происходит процесс перехода внутреннего действия во внешнюю реальность, субъективного в объективное. И, что очень важно, человек реализует не просто свои цели, а объективные ценности. В этом смысле его активность становится фактором объективизации, поскольку человек “свободен вследствие положительной силы проявить свою истинную индивидуальность”.¹ Для проявления этой мотивированной активности необходимо сопоставление и совпадение познанной необходимости с внутренним состоянием субъекта - его опытом, убеждениями, моральными установками, представлениями об общественных ценностях, умением скорректировать индивидуальные стремления с этими ценностями и т.д.

Уже сам факт, что через целесообразную деятельность людей складываются и проявляются объективные общественные законы, говорит за то, что реализация цели - это не только очеловеченная необходимость, а и реализация внутренней свободы как автономной ценности. Сфера внутренних стремлений и побуждений человека не изолирована от внешней среды, а формируется и существует под влиянием определенного социального окружения. Большинство законов общественного развития - это законы-тенденции, определяющие основную линию развития общества, но вовсе не жестко предопределяющие полностью линию поведения каждого индивида, раз он корректирует и свободно ставит свои собственные цели.

Безусловно, субъект в своем целеполагании детерминирован природной и общественной средой своего существования, но эта детерминированность целей субъекта еще не говорит о его несвободе. Непосредственной причиной цели является потребность и желание. Собственно, в действии субъекта в соответствии с желанием и проявляется его свобода, и то, что это желание детерминировано, ничего не меняет, поскольку человек есть объект не вне природы лежащий, а частица ее. В данном случае внешние факторы, будучи субъективизированы, выступают как внутренние побуждения человека.

Кроме того, можно назвать и факторы, ограничивающие свободу, например, когда цели навязаны извне и не опосредованы собственными мотивами. Действительная свобода состоит не в манипулировании целями, а в их коррекции и реализации. Для этого необходима, если можно так выразиться, целевая культура, проявляющаяся в правильном понимании своих целей и формировании их, в умении отличить цели по важности и неотложности: важные первостепенные и сопутствующие им несущественные, стандартные или творческие, канонические или коррективные и т.д..

Создавая соответствующие условия и ситуацию, субъект использует те случайные проявления объективных законов, которые служат реализации его целей, непрерывно корректируя их. Можно сказать, что в отличие от этого,

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 145.

свобода есть не что иное, как целенаправленное отыскание и замена случайных форм проявления различных данностей в соответствии с потребностями субъекта. Поскольку человек произвольно не создает и не изменяет законов действительности, то бывает, что открытие законов часто принимает форму случайности (человек для открытия пользуется случайными проявлениями данного закона). Опираясь на природную необходимость, субъект создает необходимость другого порядка, которая содержит в себе в потенции явления, отвечающие цели.

В границах реальных условий человек может ставить и реализовывать столько разнообразных целей, сколько случайных форм может проявить необходимость. Кроме того, случайность является не только формой проявления необходимости, но и дополнением ее, основанием для корректировки целей в связи с новыми обстоятельствами. А это означает, что человек свободен и на свое усмотрение может реализовать бесконечное число целей, которые непосредственно не связаны с данной необходимостью, но и не противоречат ей.

Человек, будучи частицей своей собственной среды, (которая в нем и он в ней), представляет собой диалектическое единство необходимого и случайного, существенного и несущественного, и осуществление случайного и несущественного, порожденного временной ситуацией или переходным моментом, играет большую роль в субъективном ощущении человеком свободы. То же самое можно сказать и о функциях коррекции цели в ее движении к целереализации. Осуществление случайных и несущественных целей возможно потому, что оно не идет вразрез с объективными законами действительности, дополняет свободу и не противоречит существенным целям.

Далее, если в правильном выборе целей главную роль играет знание, то их реализация обуславливается не только выбором, но и главным образом общественными условиями, по отношению к которым корректируется цель. Поэтому гносеологическое исследование соотношения цели и свободы должно

быть исследованием тех социальных условий, которые необходимы для достижения целей.

Иллюзорная свобода при произвольном выборе целей превращается в свою противоположность, когда цель оказывается нереальной. Поэтому свобода связана с познанием потребностей, с одной стороны, и объективной необходимостью - с другой. В одной и той же ситуации субъект может ставить и реализовывать многочисленные цели, контролируя случайные формы проявления необходимости и корректируя цели по отношению к ней. Кроме того, механизм реализации сходных целей может в каждом отдельном случае отличаться методами и средствами, а также уровнем мотивированной активности в зависимости от целевого стимула. Всякая реализованная цель включается в обусловленность последующих действий и событий. Поэтому субъект может в какой-то мере предопределять будущую необходимость и свою собственную жизненную линию. Отсюда берет исток проблема свободы воли и ответственности.

Как уже говорилось, кроме внутреннего побуждения, свобода воли означает также и осознание возможности реализации достаточно широкого диапазона целей. Это вопрос о том, может ли быть свободным само волнение. Это также свобода выбора. Таким образом, свобода воли, будучи в своем первом значении вопросом о свободе действий человека, превращается в вопрос о необусловленности воли извне в качестве конечной причины.

Позиция абсолютной автономности воли означает индетерминизм, альтернативой которому выступает детерминизм, отрицающий свободу воли в качестве только самоопределяющегося явления. Объективная действительность - это не тюрьма, в которой заперт субъект, но и его произвол не ведет к господству над природой и общественными отношениями. Чем более согласует, корректирует человек свои стремления с законами действительности, тем он достигает большего успеха.

Еще Кант занимался проблемой соотношения свободы воли как возможности ставить цели и ее отношением к причинности. Для Канта свобода

воли и причинности - абсолютная антиномия. Кант создает целую систему философских рассуждений, конечным выводом которых является утверждение о невозможности познать бытие в его реальности. Эта антиномия трансформируется в антиномию морального мышления: либо стремление к счастью должно определить заповедь долга, либо заповедь должна вести к счастью. Но подобная связь между долгом и счастьем возможна только в том случае, если она имеет первопричину по ту сторону феноменов. Таким образом, спекулятивному разуму навязываются идеи, которые находятся вне пределов его способности к восприятию. Нравственность, диктуемая извне или существующая априори, покидает сферу науки.¹ Это классический пример отрыва морального закона от материального мира. Такой отрыв не приближает ни на шаг к решению противоречия, которое, как кажется, существует между свободой воли и личной ответственностью, с одной стороны, и закономерностями объективного мира, с другой стороны. Это противоречие невозможно разрешить, если его ставить в форме “или-или”.

Если историю считать системой, в функционирование которой невозможно вмешаться, тогда человек не может верить в действительный характер своих целей и его воля не способна ни на что по объективным причинам. В этом случае вопрос о моральной ответственности снимается сам по себе, а коррективы целей выглядят как безрезультативная гордыня. Если история - результат абсолютно свободной и ничему не подчиняющейся воли, то тогда следует признать, что в истории нет никаких закономерностей. Их место занимает ничем не детерминированные цели абсолютной воли. И в первом и во втором случае свобода отсутствует, так как нет никакой разницы, находится ли во власти случая или быть марионеткой законов.

Здесь есть и конструктивный подход к этой проблеме, если исходить из единства свободы воли и объективных законов общества. При этом цели человека, через которые материализуется его свобода воли, не могут быть абсолютно свободны от мира причинности, который окружает человека, а она

¹ См. Кант И.. Критика практического разума. Соч. в 6-ти томах, т. 4, ч. I, “Мысль”, 1965.

сама выступает как основа коррекции целей. Несомненно, разделение идеалистических воззрений на свободу воли по определенным типам весьма условно, поскольку в большинстве случаев позиции переплетаются, и их общей характерной чертой является индетерминизм. Например, А. Бергсон, В. Виндельбанд в рассмотрении проблемы свободы воли отказываются от причинности.

Бергсон отказывается от причинности на том основании, что каждое душевное состояние и движение уникально и происходит единожды, что оно не может быть подвергнуто верификации с позиции причинности.¹

Виндельбанд, исходя из присущего неокантианству противоречия между оценочной и научной точками зрения, обусловленного якобы различными потребностями разума, рекомендует то считать волевые акты причинно-обусловленными, то считать их абсолютно свободными.² Это тоже скрытый отказ от использования причинности в рассмотрении свободы воли.

Отказ от детерминированности волевого акта приводит философов-идеалистов к неразрешимым противоречиям или к попыткам примирить противоположные точки зрения. Виндельбанд пишет: “При рассмотрении проблемы свободы мы повсюду встречаемся с предвзятым мнением частью научного, частью этического и религиозного характера, повсюду с попыткой соединить при помощи диалектических тонкостей вещи, по существу не соединимые; повсюду остроумие направляется на то, чтобы с помощью таких различий и далеких отхождений спасти одной рукой то, что упустила другая”.³

При оценке с диалектико-материалистических и исторических позиций человеческой деятельности и ее мотивов напрашивается вывод, что человек не волен абсолютно делать то, что он захочет, однако, в определенных пределах он может выбирать среди имеющихся возможностей наилучшую по его мнению, наилучший способ действия, наиболее верную цель. Когда есть свобода выбора

¹ См. Бергсон А. Время и свобода воли. М.: 1911, с. 86.

² См. Виндельбанд В. О свободе воли. М.: 1905.

³ Там же. с. 4.

- есть цель: либо навязанная извне (внешняя), либо собственная, исходящая из индивидуальных потребностей (внутренняя).

Свобода воли предполагает наличие определенного знания тех условий, в которых совершается деятельность человека. Сознвая, в какой степени прошедшее и настоящее таят в себе грядущее, человек предвидит будущее и принимает соответствующие решения. Но это осознание обычно бывает в той или иной степени не полным, не точным, не откорректированным или же вовсе ошибочным. Отсюда - многообразие решений и вытекающих из них действий при наличии одних и тех же условий.

Условия деятельности человека существуют объективно, но они не исключают различного понимания методов и способов действий людей в реализации целей, направленных на один и тот же объект. Более того, сама действительность таит в себе различные возможности своего развития, и это составляет объективную основу свободы воли в выборе тех или иных целей, и их коррекции по мере реализации. И следовательно:

1. Правильное соотношение свободы воли и детерминизма заключается не в различном понимании условий, а в многообразии и богатстве действительности, которая предоставляет возможность выбора тех или иных из не расходящихся с объективными законами целей и их разумной коррекции по мере целеосуществления. В этом случае свобода воли не вступает в противоречие с представлением о мире как системе, находящейся в вечном становлении и изменении.

2. Свобода воли должна пониматься в значении позитивной свободы, связанной с понятием знания, при помощи которого человек может осуществить свои цели, свободно корректируя их в соответствии с меняющимися обстоятельствами. Здесь свобода воли выступает как состояние индивидов, познавших законы природы и своей деятельности и использующих свои знания на практике как принципы коррекции своих целей.

3. Цели человека, через которые материализуется его свобода воли, не могут быть абсолютно свободны от мира, который окружает человека и который всегда выполняет корректирующую функцию.

4. Свобода для человека совпадает с возможностью удовлетворять в результате собственной активностью свои действительно человеческие потребности. Эта возможность должна быть гарантирована обществом. Действительная свобода - это не только возможность реализовать свои цели, это и свобода всех членов общества по отношению к природе, своим производственным отношениям, также господство индивида над самим собой.

5. Для соответствия свободы воли объективной действительности необходимо:

а) чтобы цель была поставлена добровольно; чтобы внешняя необходимость была субъективизирована и превратилась в мотив субъекта;

б) чтобы цели свободно корректировались на основе знания;

в) чтобы поставленные цели реализовались;

г) чтобы реализованные цели соответствовали коренным потребностям субъекта и были моментом общественной значимости и ценности его деятельности;

д) чтобы реализованные цели становились основой для постановки и реализации более сложных целей;

е) чтобы развитие познания способствовало адекватному развитию форм объективной коррекции целей.

6. Исследовать коррекцию целей в социуме следует еще и по той причине, что в отличие от прогнозов цель имеет ярко выраженную эмоциональную окраску, «...помимо познавательной стороны она включает в себя эмоционально-волевые, оценочные компоненты, воплощает отношение к будущему результату деятельности, побуждение к его достижению»¹. Целеполагание корректируется до тех пор, пока его волевой компонент не вступит в противоречие с объективными возможностями.

¹ Гендин А. М. Предвидение и цель в развитии общества. Красноярск, 1970, с.63.

Глава III. Взаимосвязь целеполагания и целеосуществления

§1. Место целей в прогнозировании социальной деятельности

По мере того, как социальная жизнь все больше и больше рационализируется, и противостояние стихийности общественной жизни становится задачей социального управления, складывается стойкая потребность просчета последствий целеполагающей деятельности, потребность в предвидении. Это некий вид социальной игры со временем, в которой прошлое и настоящее состояние длящихся процессов продвигается в будущее, еще не наступившее время.

Понятие времени в его философско-категориальном значении отражает, с одной стороны, последовательность различных событий, состояние и фазы объектов и процессов, их длительность, а с другой, вещи, взятые в продолжительности их бытия, в единстве устойчивости и изменчивости. «Можно сказать, что ... наиболее существенной чертой пространственно-временной структуры мира, определяющей временное отношение первичных организмов к внешнему неорганическому миру, является последовательность воздействий внешнего мира на эти организмы... Этим самым мы вычленим временной параметр отношений организма к неорганическому миру как ... самостоятельный фактор в смысле значения его для приспособительных превращений».¹

Скорее всего, говоря о времени, мы говорим об онтологическом основании опережающего отражения, выводимого из самого существования материального мира, как сущности, лежащей вне сознания и независимой от него, как это не тривиально. Бытие неразрывно связано с цикличностью проявления свойств объектов реальности, и отражение этого, даже в виде описания, дает возможность улавливать тенденцию циклов.Следующей

¹ Анохин П.К. Опережающее отражение действительности // Вопросы философии. М.: 1962, №5, с.107. Об этом же: Бернштейн Н.А. Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой // Вопросы философии. М.: 1962, №8.

особенностью циклов является то, что они следуют друг за другом, вытекают друг из друга, то есть связаны онтологически.

Все исследователи, пишущие о предвидении, относительно к качественной структуре прогноза, говорят или о физическом времени или о биологическом времени (хронобиология). При этом биологическое время выводится из физического как его продолжение. Наличие социально-исторического времени и его самостоятельного онтологического статуса обосновывается аргументами, исключающими наложение друг на друга естественных и социальных наук, совмещение их дефиниций времени как циклов изменений качественных структур разной степени сложности.

Явным фаворитом в определении физического времени является классическая физика, которая сформировала его в процессе создания механической картины мира. "Физическое время характеризуется следующими основными свойствами:

- а) безграничностью и бесконечностью. Это значит, что мы не знаем областей мира, где не было бы времени и не знаем ни начала ни конца времени;
- б) одномерностью, в отличие от трехмерности пространства;
- в) однонаправленностью (от прошлого к настоящему и от него к будущему ...);
- г) необратимостью (нельзя вернуть прошлое);
- д) непрерывностью (течение без остановок);
- е) монотонностью (время течет в одном темпе, не убыстряется и не замедляется).¹ Все эти характеристики связаны между собой и обуславливают характер связей времени, то есть отношения между прошлым, настоящим и будущим".¹

Если исходить из подобных теоретических рассуждений, то настоящее теряет свою актуальность и выглядит некой искусственно выделенной точкой в едином потоке времени, в то время как даже в обыденном сознании реально

¹ Последняя характеристика не учитывает так называемых релятивистских эффектов, проявляющихся лишь в экстремальных условиях: в огромных пространствах и в движениях, приближающихся к скорости света.

существует вчера, сейчас, завтра, неделя, месяц, текущий год и осознание переживаемой эпохи. Это не что иное как многообразие измерения времени как настоящего. Однако даже многообразие измерения показывает, что настоящее имеет конкретную событийную протяженность и соединено с прошлым и будущим не скачкообразно, а плавно. Как известно, Ньютон считал время субстанцией, в которую погружены все тела и для которых время течет без скачков, равномерно и стационарно, а поскольку механическое движение и непосредственно и опосредовано, представлено во всех формах бытия, постольку возникает соблазн мыслить время универсальным и абсолютным.

Физическое время механических, физических и химических процессов имеет расчетные параметры и служит объективной основой для их ранжирования, а биологические и социальные процессы, хотя и содержат в себе в том или в ином виде физическое время, однако содержательно им не выражаются. Поэтому современной наукой для отражения специфики биологического времени введен специальный термин - хронобиология, при этом физическое время не элиминируется в качестве основы отсчета в том числе и социального времени.² Биологическое и социальное время по отношению к физическому несут на себе каждое в отдельности относительно самостоятельный онтологический статус.

Биологическое время и пространство связано с функционированием биологических объектов на основании приспособления к среде жизнедеятельности, как условию, не имеющему альтернатив. Родовая сущность социального пространства-времени реально длится через трудовую и интеллектуально выверенную деятельность с безграничным количеством вариантов, которые не зависят от природного фактора. Действие и влияние природы опосредовано познанием: она не руководит, а руководима. Природной целостности диалектически противостоит и диалектически с ней интегрируется

¹ Методологические проблемы социального прогнозирования. Л.: Изд. ЛГУ, 1975, с.25.

² Кардашова А.С. "Опережающее отражение" в контексте проблемы времени // Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. София, Наука и искусство, в двух томах, т.1, 1981, с. 161-164.

вторая природа - общество. В обществе время не течет линейно, в нем не происходит ни сверхмедленных процессов, ни сверхбыстрых. Этим и объясняется плавность перехода прошлого в настоящее, а настоящего в будущее. Границы между ними осознаются субъективно, тогда как прошлое, настоящее и будущее объединено объективными социальными законами. На этой основе предвидение является процессом обнаружения сквозных тенденций, действие которых не может оборваться в будущем.

Цель как предвосхищение будущего состояния объекта, на который направлена деятельность субъекта, выступает в качестве посредствующего звена между субъективностью и опредмечиванием. Реализуя свои представления и желания, человек вместе с тем реализует свои представления о будущем. В языке издавна сложилось много понятий, обозначающих различные оттенки представлений о будущем: прорицание, откровение, пророчество, предугадывание, предвосхищение, предвидение, предсказание. Часть из них синонимы, с оттенками конечно. Например, предвосхищение и предугадывание, означают попытку предвидения с помощью интуиции, а другие - с помощью неких сверхъестественных сил, как откровение, пророчество. В то же время “предвосхищение” указывает обычно на удачность, достоверность предвидения с помощью основанной на опыте и знаниях интуиции человека без участия каких-то сверхъестественных сил.

С каждым годом становится очевидным, что сложившийся темп общественного развития нашего времени, современная научно-техническая революция требуют научно обоснованного представления о будущем состоянии и социальных последствиях взаимодействия человека с природой и общественной средой. Поэтому сейчас возникла необходимость в науке о способах и методах предсказания будущего - прогностике. Собственно, сама необходимость в предсказаниях и множественность методов предсказания - проблема вечная. Она связана с осознанием, с самопознанием, феноменом единства конечности и бесконечности. Можно сказать, что предсказатель - одна из первых специализаций философов. Специальные жрецы в культах Египта,

Греции, Рима, оракулы, сивиллы, ворожеи, волхвы и т.д. Много в современном знании берет свое начало в мифе, фантазии, мистификации, а в познании стремление заглянуть за пределы, за горизонт - фундаментальная тенденция.

Прогноз в строгом смысле этого слова - это не просто предвидение, а результат представлений о тенденциях развития в будущем, отличающийся высокой степенью научной обоснованности, объективности. Естественно, что предсказательная способность человека возникла и сформировалась в процессе познания и трудовой деятельности в форме целеполагающей активности человеческого сознания, взаимосвязи целеполагания и целеосуществления. К примеру, ядерная энергетика стала одной из отраслей энергетики, но прогноз ее развития требует такого же научного подхода, как и в период поисков способов применения ядерной энергии.

Одной из сторон методологии прогноза является его гносеологическое содержание, и, как уже говорилось, это содержание связано со свойствами отражения. В этом смысле наиболее удачным является определение прогнозирования как опережающего отражения. В качестве наиболее фундаментального онтологического основания опережающего отражения как прогноза можно считать сам факт существования внешнего мира “Онтологической основой предвидения при самом общем и абстрактном подходе является существование объективной реальности”.¹

Формирование представлений о прогнозе связано с рассмотрением времени в качестве онтологического основания опережающего отражения и прогноза. Говорим ли мы об индивидуальной цели или о глубинном прогнозе, сутью всегда являются временные отрезки в направлении будущего.

Понятие времени в его философско-категориальном значении отражает, с одной стороны, длящиеся процессы или ступени бытия, а с другой - продолжительность существования различных объектов, а все это вместе - единство изменчивости и стабильности. Факт устойчивости служит основанием для предсказания равновесия и гармонии объектов со средой, сохранения

стабильности, относительной неизменностью тех или иных их свойств и связей, а факт изменчивости дает возможность предвидеть появление, развитие и исчезновение вещей. Категория времени характеризует неизбежную последовательность различных явлений, их следование друг за другом, наличие фаз, состояний объектов. “Можно сказать, что ... наиболее существенной чертой пространственно-временной структуры мира, определяющей временное отношение первичных организмов к внешнему неорганическому миру, является последовательность воздействий внешнего мира на эти организмы... Этим самым мы вычленим временной параметр отношений организма к неорганическому миру как ... самостоятельный фактор в смысле значения его для приспособительных превращений”.²

Логично предположить, что опережение связано с такими универсальными характеристиками материи, как управление и информация. Эта проблема была строго поставлена в кибернетике. Это вызвано тем, что у кибернетической системы имеется объективная “цель” (т.е. заданное состояние устройства). Это состояние направлено на сохранение достигнутого уровня организации, которая своей активностью гарантирует систему от дезорганизующего влияния среды, энтропия которой возрастает. Суть любого прогрессирующего процесса заключается в том, что система стремится сохранить в последующем функционировании приобретенные положительные антиэнтропийные свойства. Свойства, способствующие развитию системы, оказывают регулирующее воздействие или осуществляют функцию “демона Максвелла”, т.е. закрепление более высокой стадии в изменении и организации системы. Можно сказать, что специфика прогноза состоит в том, что он призван дать такое представление будущего, которое имеет характер определенности, аргументированного представления о будущем, в котором должны закрепиться жизнеспособные элементы настоящего и прошлого.

¹ Никитина А.Г. Предвидение как человеческая способность. М.: Мысль, 1975, с. 13.

² Анохин П.К. Опережающее отражение действительности // Вопросы философии. М.: 1969, №5, с.98.

Несомненно, определение способности предвосхищать ход событий с целью изменять ритм явлений не может не вызвать терминологических трудностей. На наш взгляд, их нельзя решить категориально, в пределах варьирования синонимами - прогноз, предвидение, предсказание. В каждом отдельном случае прогноз должен быть соотнесен с общей диалектической теорией развития систем, а его классификация должна быть проведена по цели, которая подлежит реализации в результате сохранения данного прогноза. Нам также кажется, что в попытках разграничить понятия научного предвидения и прогноза чувствуется стремление отмежеваться от понятия гипотезы, которая возникает каждый раз в теории с появлением потребности выйти за пределы существующих теорий и представлений.

Гипотеза включает в себя как выдвижение предложения, так и его последующее доказательство. Гипотеза может противоречить существующим знаниям, основываясь на фактах, которые не подтверждают существующую ныне теорию. Прогноз же должен соответствовать существующим знаниям и материальным возможностям общества, состоянию операционной техники. Здесь следует сказать, что, по нашему мнению, основное отличие гипотезы от прогноза состоит в том, что гипотезу нельзя вообще рассматривать в качестве вида или формы предвидения. Прогноз и гипотеза разведены по цели: цель гипотезы - дать правдоподобное истолкование нового феномена, не вписывающегося в теорию; а прогноз выполняет функцию описания событий, которые должны наступить и их наступление основывается на совокупности знаний, являющихся нормативной базой прогноза как формы познания закономерностей прошлого и настоящего, на основании которого определяются темпы и тенденции развития того или иного явления в будущем. В этой плоскости прогностическое значение гипотезы, закона и теории совпадают.

Сейчас еще рано говорить о превращении прогностики в метатеорию¹. Она переживает этап становления категориального аппарата и выработки

¹ Ямпольский С.М., Хилюк Ф., Лисичкин В. Проблемы научно-технического прогнозирования. М.: 1969, с.18.

методов прогноза. Несомненно, во всех определениях наиболее важными моментами являются:

- 1) уровень научной достоверности прогноза;
- 2) цель прогноза;¹
- 3) допустимые отклонения при развитии прогнозируемого процесса, количественные и качественные пределы прогноза, связь частных прогнозов с прогнозированием целостного характера развития общества, научная достоверность используемых методов прогноза.

Существует и иная точка зрения, утверждающая, что прогноз - это вероятное суждение о будущем, а предсказание должно быть достоверным без вероятностной неопределенности. Допускается и третье суждение о будущем, в котором степень вероятности достаточно неопределенна. “Прогноз (forecast) - вероятное утверждение о будущем относительно высокой степени достоверности. Предсказание (predication) - аподиктическое (невероятное) утверждение о будущем, основанное на абсолютной достоверности. Антиципация (anticipation) - логически сконструированная модель возможного будущего, с пока неопределенным уровнем достоверности... “Будущее”, упомянутое в этих определениях, включает ситуации, события, взгляды и т.п.”² Здесь предсказание рассматривается как частный случай прогноза с предельной степенью достоверности, которая может быть определена как один к одному.

Общественные потребности задаются в процессе самовоспроизводства общественной жизни, либо как выражение каким -либо образом цели деятельности, либо как система нормативных требований, в которых неявно содержится направленность движения системы. В общественном сознании, в программах деятельности отдельных общественных слоев, групп, институтов эта направленность часто выступает в форме интересов, планов, а также иллюзий, различными путями воздействуя на деятельность людей.

¹ В данном случае, соотнося понятия “цель” и “прогноз”, можно сказать, что прогноз является целью цели, так как предполагает komponирование не только пути реализации, но и результат, без учета коррекции, если результат не предсказан, значит прогноз ложен.

² Янг Э. Прогнозирование научно - технического прогресса. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1974, с.19.

И все же одним только указанием на объективность общественного производства и связь социальной системы управления с законами функционирования общественной системы невозможно раскрыть все богатство реальных человеческих отношений. Очень важным в этом отношении является понятие критерия общественного прогресса. Творцом его первоначальной концепции были А. Ф. Ж. Тюрго и Ж. А. Кондорсэ, предложившие его рационалистическую теорию. Наиболее глубокой была трактовка общественного прогресса Г. Гегелем, представившим историю в виде единого закономерного процесса от низшего к высшему этапам, где от этапа к этапу прослеживается обусловленность и связь всех достижений и изменений. Суть его концепции в том, что прогресс истории трактовался как прогресс в сознании свободы, движение от одной духовной формации к другой - это идеалистическая концепция прогресса. Марксистская концепция связала общественный прогресс с движением от одной общественной формации к другой, в этом процессе создаются условия для успешного развития производительных сил и производственных отношений, а на их основе условия для все более полного становления и развития человека. Критерием общественного прогресса в этом случае является уровень производительных сил, производительность общественного труда. И то и другое, в свою очередь, получает итоговое выражение в мере и степени развития человека как личности.

Этот критерий выражается уровнем осуществления реальных прав и свобод людей. Безусловно, что в достижении этих целей определяющим является развитие сущностных сил общества, но можно и должно говорить о наиболее общем суммарном критерии, отражающем в наиболее общей форме две органически связанные между собой сферы: гармония человека с природой и с собственными общественными отношениями. В своем единстве эти сферы выражают отношение уровня свободы, достигнутого обществом в целом, - свободы в смысле гармонии с силами природы и ее соответствующим использованием в интересах социума, свободы человека в самом широком

смысле слова¹. Это достигается путем глобализации технологического использования естествознания и детального изучения функциональных результатов действия социальных феноменов.

Человеческий труд структурно и содержательно преобразует среду и самое субъект труда. Эта преобразованная объективная реальность и продукты человеческого труда становятся человеческой реальностью, “миром человека”, “второй природой”. Освобождение от биологической ограниченности открыло перед человеком возможность прогрессивного развития его социально и предметно опосредствованной деятельности - труда как специфически человеческой деятельности.

Будучи социально обусловленным, человек в своей повседневной деятельности должен постоянно делать выбор между многими возможностями. Было бы неправильным каждое действие и решение человека связывать с актами познания законов действительности как необходимости.

Все же в теоретическом плане следует выделить два момента реализации цели - субъективную и объективную, которые диалектически взаимосвязаны. Такое разделение имеет смысл, потому что в процессе целеполагающей практической деятельности человека его свобода проявляет себя в различных аспектах: от субъективного стремления реализовать свои цели до реализации этих целей, опираясь на действие объективных законов предмета деятельности. Следует оговориться, что человек выбирает свои цели не произвольно, как это может показаться, а в результате осознания объективных условий своего бытия.

По форме цель не может быть объективной, она субъективна, но через реализацию субъективная цель объективируется, опредмечивается, превращается в предмет, который в начале деятельности содержался в голове

¹Об общем критерии социального прогресса Семенов Ю.Н. пишет: “...общим критерием социального прогресса, мерилом, показателем прогрессивности общества является степень обладания обществом стихийными силами природы, определяемая развитием производительных сил и уровнем производительности общественного труда, а также степень продвижения общества по пути борьбы за освобождение человечества, его трудящегося большинства от гнета стихийных общественных сил, социально-политического неравенства и духовной неразвитости”. Семенов Ю.Н.. Объективный критерий социального прогресса. // Вопросы философии, 1968г., 79, с.25. Помимо традиционного для того времени нажима на господство над природой здесь содержится здравая мысль о глобальной активности целеполагания.

человека в идеальной форме. В.И. Ленин, критикуя гегелевское понимание термина “понятие”, писал, что не “понятие“, как таковое, стремится объективировать, реализовать себя, а человек. “Понятие человек” как субъективное снова предполагает само-в-себе сущее инобытие (независимую от человека природу). Это понятие (человек) есть стремление реализовать себя...” В.И. Ленин сделал вывод: “Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его”¹. Это и есть объективная форма реализации. Здесь чувствуется мучительный поиск форм сохранения сущности как живой функции сущего. Гегель отделяет “понятие” от человека, а Ленин человека от понятия. Для Гегеля сущность - это отделенная самостоятельная активность, а у Ленина активность - форма самореализации человека. Примирение, по всей видимости, в качественном разделении реальности познания, выраженной в понятии и реальности социальной мотивированной активности, принимающей понятийную форму.

Человек возвышается над натурой в той мере, в которой он объективизирует свои знания в предметах своей деятельности. Это возвышение не является ни созерцанием, ни подавлением, а практическим освоением и очеловечиванием природы. Любому акту человеческой деятельности предшествует деятельность сознания, создающая модель результата деятельности в виде цепи целей, которые в большинстве случаев вытекают одна из другой. С расширением познания и производства в их сферу вовлекаются все более сложные и динамические объекты, и это вызвало к жизни необходимость создания моделей, которые сочетают в себе наличную информацию и положения еще недоступные опыту и проверке.

Человек должен представить себе теоретически, хотя бы в известных границах, точные или возможные результаты своих действий, или же результаты длящихся процессов, которые стали объектами его познания. Он должен оценивать заранее предположительные реакции окружающей среды,

¹ Ленин В.И.. Полн.собр.соч. т.29, с.194.

возможные нежелательные последствия своей деятельности. Человек создает идеально, мысленно концепцию своих действий и их последствий, которая будучи проверенной существующим знанием, должна стать руководящей линией практической деятельности. Эта концепция вариантов будущих действий и есть область, которая определяется понятием: “прогноз”, “прогнозирование”, “предсказание” и т.д.

Это сугубо человеческий вид деятельности, продукт интеллектуального совершенства человека. А. Бауэр, В. Эйхгорн и другие в коллективной монографии “Философия и прогностика” связывают предвидение с особым видом функционирования человеческого сознания, который они называют многообразной “антицинаторной функцией сознания”, выделяя три большие группы прогнозов: “описательные (дескриптивные), гипотетические (проективные), установочные (нормативные)”¹.

Указывая на единство и взаимообусловленность этих групп антицинаторной функции сознания, немецкие специалисты указывают на необходимость разделять их методологически и относят прогноз, как и вообще предвидение, к описательной (дескриптивной) форме. Пожалуй, с характеристикой самой способности сознания можно согласиться. Далее они пишут: “Прогноз - научное предвидение. Но существует и ненаучное предвидение. Кроме того, следует отличать и эмпирическое предсказание, которое занимает как бы промежуточное положение между научным и ненаучным предвидением.”².

Пожалуй, нет смысла называть необоснованные прогнозы “ненаучным предвидением”, так как в естественном языке сложились понятия, характеризующие предсказания, лишенные научной основы: “откровение”, “озарение”, “пророчество”. В отношении эмпирического предсказания его промежуточное положение не вызывает сомнения, и, как уже говорилось, оно

¹ Философия и прогностика, М.: ”Прогресс”, 1971, с.15.

² Философия и прогностика, М., «Прогресс», 1971,с.15.

связано со способностью человека закреплять в виде “штампов” повторяющиеся структуры внешнего мира.

В совокупном виде, говорим ли мы о прогнозе или об “откровении”, - все это генетически связано с развитием способности социального человека ставить цели, предварять ими действия, предохранять себя от суетливой спонтанности функционирования целеустремленности.

Иное определение прогнозирования дается в советской “Философской энциклопедии”. Оно характеризуется как “определение тенденций и перспектив развития тех или иных процессов на основе анализа об их прошлом и нынешнем состоянии. В отличие от предвидения научного, прогнозирование решает, как правило, более узкие практические задачи”¹.

В “Философском энциклопедическом словаре” делается упор на количественной стороне содержания прогноза: “...разработка прогноза - вероятного суждения о состоянии какого-либо явления в будущем; в узком исследовании перспектив развития какого-либо явления, преимущественно с количественными оценками и с указанием более или менее определенных сроков изменения этого явления”². По всей видимости, оба определения опираются на дефиницию Вундта, который определял цель как представление о желаемом будущем событии или состоянии, осуществление которых является промежуточным членом на пути к цели, которая есть акцентированное представление результата нашего действия.¹ Из этого определения видно, сколь трудно отделить дефиницию цели от понятия прогноза.

Нельзя согласиться с противопоставлением научного предвидения и прогноза, поскольку складывается впечатление, что для прогноза узких практических задач не требуется научный подход к цели прогноза.

Целеполагание, как и предвидение, есть форма опережающего отражения действительности, и это главное, однако, предвидение не сводится к целеполаганию. Специфика предвидения состоит в том, что оно отражает

¹ Философская энциклопедия. М.: Сов. энциклоп., т.4, с.377-378.

² Философский энциклопедический словарь. М.: 1983, с.533.

объективно-субъективные отношения, оказывает влияние как на объект, так и на субъект деятельности.

Способность опережающего отражения людей реализуется как непосредственно в трудовой деятельности, так и в разработке прогностических программ. Чем больше человек свободен в отношении направлений деятельности, тем шире диапазон его целей и сфера приложений прогностической деятельности. Возможность адекватности прогноза прогнозируемому процессу может предполагаться только постольку, поскольку имеется возможность целеполагающего вмешательства человека в причинно - обусловленные явления природы и общества.

На определенном уровне развития сознания и практики предсказательная деятельность у людей дифференцируется на самостоятельные специализированные акты предвидения, порождая различные ассоциативные формы моделей будущего, опирающиеся на толкование полетов птиц, внутренностей животных, движения планет, расклад карт и т.д., или же на создание типичных вариантов хода событий, и тогда предсказание выражается в приложении этих вариантов к конкретным случаям.

Дифференциация прогностической деятельности способствовала широкому распространению предвидения на все области жизни людей и превращению ее в необходимое условие прогрессивного развития. Прогностическая деятельность подключается к практической деятельности тогда, когда последняя сталкивается с новыми, необычными по отношению к имеющемуся опыту явлениями. И все же прогноз не предусматривает решения проблемы будущего. Его задача иная: содействовать научному обоснованию целей, планов, решений человека на пути достижения идеалов и оптимальных моделей жизни.

Общество должно обладать детальными и надежными знаниями о будущем в формах его научного предвидения. Картина социального будущего, в то же время, не станет инструментом мобилизации общественной

¹Краткая философская энциклопедия. М.: Прогресс, 1994, с. 505.

мотивированной активности, если она попрежнему будет порождением утопической фантазии, беспочвенной мечтой или, что еще хуже, - идеологических спекуляций. Мы нуждаемся в объективной картине исторических перспектив, основанной на теоретическом осмысливании и практическом освоении закономерностей современного социального, экономического, политического, научного и культурного развития.

Прогностические разработки осуществляются во все более локальных областях жизни, но самым важным, конечно, является социальное прогнозирование. Это - составная часть социально-экономических исследований со всеми присущими им свойствами, только имеющая дело специально с проблемами будущего и, в силу специфики анализа данных проблем, по необходимости отличающаяся соответствующими особенностями методов исследования. Повышение научного уровня предвидения открывает путь к свободе, ко все более полному овладению необходимостью, становится важным условием дальнейшего усиления эффективности предсказательной деятельности, - т.е., между предвидением и целевой культурой существует прямая зависимость.

Подлинная целевая культура как целеустремленная деятельность людей осуществляется на основе познания объективной необходимости, включает в себя предвидение хода событий и последствий деятельности, определение реально возможных, научно-обоснованных целей и выбор рациональных способов их достижения. В остальном предсказательная функция человека реализуется автоматически непосредственно в практической деятельности.

Если способность ставить цели в развитой форме предшествует действию, существуя в умозрительной форме как представление будущего результата действия, то в предметно-действенном мышлении прогноз фактически не осознается, хотя и всегда существует в виде обобщенных способов действий в ситуациях, имеющих общие моменты.

В изготовлении первоначальных орудий труда форма предварительно не учитывалась, ее поставляла природа, как и материал орудия. Прогнозировалось

только назначение орудия, его функция заменять определенные естественные органы человека. Следовательно, представление о форме желаемого - это завоевание человека, которое свидетельствует о непрерывном совершенствовании целевого отношения.

Поскольку представление, которое реализуется в понятийной форме, объективируется (в онтогенезе - в звуковой речи), то это мышление возможно как теоретическая деятельность, то есть, деятельность, выходящая за пределы данной ситуации, как деятельность планирующая, которая создает свой результат идеально, до предметной реализации.

Таким образом, именно на этом этапе онтогенеза мышления возникает способность к сознательной постановке цели. Исследователи причинного мышления у детей говорят, что только осознание действия создает возможность его планирования. Это планирование первоначально проявляется в словесном обозначении действия, которое надо выполнить, и не содержит еще указаний на причину действия.

Возникновение в этот период способности к постановке цели подтверждается и тем, что в это время у ребенка формируется произвольная память (на этапе предметно-действенного мышления память у ребенка не является произвольной, дети не могут в этот период целенаправленно запоминать), оказывается, что ребенок может ставить перед собой сознательные цели, запоминать и вспоминать. Более того, ребенок приобретает способность воспринимать словесную инструкцию взрослого как цель своих действий¹.

В рассмотрении генезиса целевого отношения данные о формировании целей у детей имеют огромное значение. Есть все основания полагать, что в филогенезе мышления людей также есть стадия наглядно-образного мышления, когда впервые возникает способность к сознательной постановке цели.

Возникновение мышления с помощью представлений, в конечном итоге, связано с развитием производства, потому что как раз развитие производства

¹ Лурия А.Р., Юдович Ф.Я.. Речь и развитие психических процессов у ребенка. М.: Высшая школа, 1966, стр. 73-79.

создало факторы, вызвавшие необходимость становления такого мышления. Специализация орудий, усложнение их обработки (процесс изготовления орудий разделяется на несколько этапов), наконец, разделение труда - все это обусловлено необходимостью представлять трудовые акты в последовательности, ведущей к необходимому результату. Это и есть схема целевого отношения.

Очевидно, первоначально сознательная постановка целей имеет место лишь в процессе производства, а впоследствии, с усложнением общественной жизни, распространяется на остальные сферы деятельности людей (социальная организация, моральные, религиозные и другие отношения).

Следующий этап - это членение целей. Возникают целые цепочки целей и человек на этом этапе представляет все более отдаленные результаты своей деятельности. На этом этапе цель приобретает прогностическое содержание, выражаясь не только в представлении уже имеющихся в опыте методов действия для получения желаемого результата, а и в поиске новых способов реализации цели. С возникновением общественного разделения труда и социальной организации людей возникает новая функция человеческого языка. Развитие разделения труда и становление мыслительной деятельности приводит к тому, что языковые функции направляются теперь не только на общение, но и на теоретические цели¹.

В результате бесконечного повторения видов деятельности человек образует устойчивые “штампы”, отражающие повторяющиеся структуры внешнего мира. Это наиболее простая форма предвидения из опыта, составляет нижний предел опережающего отражения, тогда как верхний предел составляет специализированные акты предвидения, включающие элементы творчества, внутренней сущностью которых выступает взаимосвязь и единство целеполагания и целеосуществления.

Достаточно полная информация о настоящем является посредствующим звеном между прошлым состоянием развивающегося процесса и будущим.

Прошлое - это в соответствующих условиях реализовавшаяся возможность определенных исторических условий и знание об этих условиях, скомпонованное как модель закономерностей объекта деятельности, составляет информационный аспект прогноза.

Более того, говоря о прошлом, настоящем и будущем надо точно определить, какой объект имеется в виду, изменения чего именно рассматриваются в этих временных координатах, ибо сами эти координаты определяются в конечном итоге не формальным указанием на время, а конкретным состоянием и тенденциями изменения исследуемого объекта. Взаимосвязь и взаимодействие трех координат исторического развития любого типа носит сущностно-диалектический характер, они не последовательно воздействуют друг на друга. Если прошлое определять как то, что уже перестало быть, настоящее - как то, что есть сейчас, а будущее - как то, что еще не актуализировалось, то ни одному объекту нельзя будет установить предикат существования. В реальности же развитие любого объекта характеризуется последовательностью и преемственностью, и чем сложнее объект, тем многообразнее в нем сочетание свойств и качеств, связанных с различными историческими координатами. В сложном целом, даже отдельные части структуры имеют собственную привязку ко времени, а время целостности носит векторный характер.² Для фиксации реальности, реального бытия объекта здесь широко применяется метод экстраполяции и распространения выводов, полученных из наблюдения над одной из частей триады времени (прошлое, настоящее, будущее) на другие.

Социальная реальность чрезвычайно сложна, противоречива, круг воспринимаемых явлений репрезентует сущность лишь частично, а порой и в виде кажимости, но функционально будущее не является чем-то совершенно,

¹ Леонтьев Л.М.. Проблемы развития психологии. М.: 1965, с.309.

² Известный исследователь прогнозирования Яхонтов Б.А. выдвинул идею, позволяющую построить логическую модель соотношения прошлого, настоящего и будущего при помощи концепции политемпоральности (то есть разнотемповости) развития на разных уровнях движения материи и в разных сферах бытия. См. Яхонтов Б.А.. Предвидение как способность и деятельность. М: МГТУ, 1993, с. 6-13.

абсолютно отличным от прошлого и настоящего. Будущее не прямолинейно и не однозначно, оно таит в себе массу возможностей, хотя и с разной долей вероятности. В этом смысле информация о настоящем показывает, какая из имеющихся возможностей материально обоснована, предпочтительна и вытекает из конкретной социальной деятельности людей. Социальный прогноз должен показать, какая из реальных возможностей предстоящего развития воплотится в действительность. В этом смысле будущее - это развивающееся настоящее.

В проблематике собственно социальных прогнозов выделяются по своему значению перспективные разработки характеристик развития социальных структур и организаций общества, социальной психологии, общественного сознания, управления, морально-этического содержания целей, проблемы становления личности, социологических аспектов брака и семьи, труда и свободного времени и др. Большой интерес в прогнозировании целесообразной деятельности общества (прежде всего в плане нормативного прогнозирования) имеет проблема социальных потребностей, которые во всех своих аспектах (производственные, материальные, духовные потребности) отнюдь не сводятся к экономике.

Задача социального прогноза состоит в том, чтобы при помощи анализа и синтеза рассмотрения множества объективных и субъективных, внутренних и внешних для данного общественного процесса факторов, добиться наиболее убедительного и практически достоверного прогноза. Прогноз должен быть комплексным, поскольку современное производство обладает комплексностью.

“Главные функции прогнозирования состоят в научном анализе социальных, экономических и научно-технических процессов и тенденций, в оценке сложившихся ситуаций и выявления узловых проблем хозяйственного развития; в анализе мирового уровня и направлений изменений в соответствующих областях; в оценке действия этих тенденций в будущем и предвидении новых экономических ситуаций, новых проблем, требующих

своего решения. Эти функции состоят также в выявлении возможных альтернатив развития в перспективе, накоплении достаточного научного материала для всесторонне обоснованного выбора той или иной возможности развития и принятия оптимальных плановых решений”¹.

Это развернутое определение социального прогноза, охватывая его основные функции, все же не указывает на то, что любое направление прогноза проверяется степенью возможного приближения к определенной цели. Это приближение посредством деятельности и есть критерий для принятия именно данного прогнозируемого пути, а не иного. Поскольку цели субъектов производства различны, то и различны требования к содержанию прогноза и заинтересованность в объеме прогностических исследований.

Собственно, сам процесс индивидуального и группового планирования, его подготовка к выполнению предполагает нарастание субъективного момента. Начиная с анализа и далее, прогноз требует выбора целей, выработки целенаправленных научно-технических и хозяйственных мер, поисков резервов производства и т.д. Прогностическая цель приобретает большую конкретность и определенность, поскольку прогнозируется не только конечный результат определенного экономического процесса, но и его этапы.

При помощи прогнозирования складывается на научной основе также определенная хозяйственная концепция, которая и определяет собой цели развития экономики и само поэтапное прогнозирование в пределах познанных общественных законов и имеющейся экономической информации. Современная экономика России ситуационна по двум причинам: во-первых, из-за отсутствия глобальной экономической концепции, а во-вторых, из-за разрушения экономического пространства утрачена методологическая и научная основа для органически необходимого прогноза последствий экономических процессов. Экономика как бы не ощущает себя, последствия деятельности, в силу их непредсказуемости, становятся диспропорциональными. Это с наибольшей силой ударяет по низшим слоям потребителей, и, более того, диспропорции

¹ Научные основы экономического прогноза. М.: Мысль, 1971, с. 108.

неизмеримо расширяют количественный объем этих самых низших слоев. Это эффект движущегося состава - ухудшение качества полотна с наибольшей силой увеличивает дискомфорт в последних вагонах.

Парадоксально, что социализм в СССР, характеризуясь четко определенным планом экономической игры, давал возможность прогнозирования на довольно большую временную глубину.

Несомненно, чем больше растянуты временные пределы прогноза, тем больше требуется необходимой экономической информации, содержание которой определяется целевой установкой прогноза. “Но, в конечном счете, решающее влияние на надежность прогнозов оказывает взаимоотношение между временной глубиной прогноза и циклом воспроизводства прогнозируемого объекта. Слишком большая временная глубина снижает надежность прогноза”.¹

Безусловно, долгосрочные прогнозы можно непрерывно улучшать, вводя в них новейшие научные данные и используя новую оперативную технику. Таким способом, сохраняя нужные пределы прогноза, мы увеличиваем его надежность.

Чтобы выполнить эту задачу, необходимо также создавать экономико-математические модели, отражающие реальный экономический процесс. Необходимо выявить свойства этих моделей и определить границы, в которых данная модель может успешно использоваться. Широкое развитие прогностических исследований создает возможность для выбора наиболее эффективных вариантов экономического развития в соответствии с реальными возможностями и поставленными целями.

Прогноз связан с социальной целью потому, что от нее зависит, как будут использованы имеющиеся средства. Например, если ставится цель поднять жизненный и культурный уровень народа, то прогноз будет связан с тем, что этому в какой-то период будет уделяться преимущественное внимание до достижения какой-то стабильной достаточности этого уровня.

Очень много споров вызывает классификация прогнозов, и поскольку она осуществляется по множеству критериев, которые среди прогнозистов не согласованы, то и разброс оснований для классификации весьма широк. В качестве примера можно привести в свое время очень известную систему из пятидесяти типов прогнозов, которые авторами выделялись по восемнадцати признакам², или систему Лисичкина В. А., выделившего четыре аспекта для классификации и в них поместившего тридцать три признака прогноза³.

Можно все же, с известной долей условности, выделить три основных направления классификации прогнозов, которые сейчас наиболее часто встречаются в литературе по прогностике:

а) классификация по объему прогнозирования (социальные и естественно-научные);

б) классификация по прогнозируемым отрезкам времени (нижний и верхний предел) - это классификация по периоду упреждения;

в) в качестве основы для классификации берется методика прогнозирования⁴.

Относительно временной глубины экономических прогнозов принята следующая классификация: краткосрочные - в пределах от нескольких месяцев до двух-трех лет, среднесрочные - сроком на пять-шесть лет, методология которых использовалась в советских плановых разработках, долгосрочные прогнозы, протяженность которых в будущее достигает 15-20 лет, и перспективные, не связанные временными рамками. И опять же, пределы прогноза связаны с полнотой наличной информации о закономерностях развития данного экономического процесса.⁵

Указанные выше временные пределы прогнозирования не являются абсолютными в каждом отдельном случае и зависят от специфики

¹ Эделинг Г.. Прогнозирование и социализм. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1970, с. 195.

² Ямпольский С., Хилук Ф., Лисичкин В. Проблема научно-технического прогнозирования. М., 1969, с.20.

³ Лисичкин В. А. Теория и практика прогноза. М., 1972, с. 91-111.

⁴ См. об этом подробно в кн. Рабочая книга по прогнозированию. М., 1978, с.132-270, 173-300.

⁵ Рабочая книга по прогнозированию. М.: Мысль, 1978, с. 12-13.

прогнозируемого объекта. Например, считается, что цикл внедрения в производство современной научной технологии и идей длится 20-25 лет, и прогноз для того, чтобы быть завершенным и научно-достоверным, должен составляться в пределах этого срока. Или капитальный цикл, соответствующий сроку жизни вводимых в настоящее время основных фондов и охватывающий процесс замены их накопленной величины составляет 15-20 лет. Эта особенность не может не влиять на закономерности прогноза.

Таким образом, прогноз имеет определенную временную глубину, а значит и предел. Этот предел достигается тогда, когда нет объективных возможностей осмыслить будущее при помощи уже сформулированных закономерностей экономического развития и где статистические закономерности из-за недостатка данных не смогут толковаться однозначно. Естественным, чем больше растянут прогноз во времени, тем более возрастает степень его неопределенности и поэтому, на наш взгляд, должно быть введено понятие предела прогноза, которое в каждом отдельном случае будет критерием его относительной достоверности.

В связи с этим встает задача расширения пределов прогнозирования, в какой-то мере свободных от ведомственных ограничений, принятых отраслевых классификаций, введения в прогноз новейших достижений социологии, с ее опросами, определением рейтингов, анкетированием, т.е. в этом случае прогноз новейших достижений приобретает программный характер. “Такое функциональное или программно-целевое проектирование должно служить переходным этапом от общей формулировки целей к детальным отраслевым и ведомственным проектировкам”.¹ Наличие такого программного прогноза сохраняет возможность в дальнейшем при отраслевом планировании сохранить логическую и количественную связь этих планировок с общей хозяйственно-политической целью и при социализме и при свободном рынке.

¹ Научные основы экономического прогноза. М.: Мысль, 1971, с. 48.

Удлинение прогнозируемого периода ослабляет инерцию и влияние сложившихся тенденций развития и повышает степень свободы, которой располагает общество в деле существенного изменения направлений своего развития. Соответственно могут быть усилены элементы нормативного прогноза в микромоделировании. Содержание прогнозируемого периода повышает роль сложившихся тенденций развития и усиливает значение метода экстраполяции и статистических закономерностей.

Конкретный ход процесса производства данного объекта прогнозирования определяется экономическими законами и эффективность прогноза определяет его временную глубину, а значит и пределы. В изданных в прошлом десятилетии в Германии “Принципах для разработки прогнозов в области естествознания и техники” говорится, что временная глубина прогнозов существенным образом определяется прошлым ходом и темпами развития соответствующих научных дисциплин или главных научных направлений, воплощенных в прогнозируемом объекте, требуемой долгосрочностью планирования взаимосвязанных научно-технических и экономических процессов, а также политическими соображениями. Чем быстрее развивается данная отрасль науки, и чем интенсивнее в соответствии с этим растет объем знаний в единицу времени, тем большее расхождение между прогнозом и действительностью.¹

Наиболее трудным в методологическом отношении и по объему информации, вводимой в прогноз, является прогнозирование целостных общественных систем. Круг явлений, подлежащих такого рода прогнозу, на наш взгляд, можно разбить на три большие группы:

- 1) проблемы, возникающие в процессе общественного развития;
- 2) ресурсы (в первую очередь экономические или производственные возможности), которыми страна или группа стран будет располагать на определенный момент времени;

¹ Grundsätze zur Erarbeitung von Prognosen auf den Gebieten von Naturwissenschaft und Technik, Wissenschaftsprognostik, B., 1981, p. 4.

3) политика или средства, с помощью которых данные проблемы будут решаться при наличных экономических ресурсов.

Попытки построить прогноз развития экономики на 10-15 лет, т.е. социальный прогноз, удовлетворяющий необходимый процент надежности, показали, что имеющаяся статистическая информация не соответствует этим требованиям, поэтому абстрактность плановых разработок на такой срок возрастает. Следовательно, при существующем уровне научных изысканий в области экономического прогноза эти сроки сейчас можно считать пределом целесообразности рабочего социального прогноза. Огромное количество взаимно не связанных данных и показателей создают иллюзию достаточности информации, и трудность перехода от информации об одной отрасли к информации о другой усложняет социальный прогноз и снижает его длительность. Однако это не снимает необходимости поисков методологии разработки прогнозов на более длительную временную глубину. К примеру, советские плановые и исследовательские центры разрабатывали перспективные планы на 25-50 лет. Конечно, это были вероятностные прогнозы, эффективность которых упиралась в идеологически определенную точку, когда количественные изменения должны были привести к новому качеству - коммунизму. Прогноз как бы упирался в этот сверхпрогноз.

Пределы прогнозирования, таким образом, связаны с необходимым количеством информации для того, чтобы получить знание о тенденциях развития отраслей экономики. Информация должна быть достаточной и не противоречивой. Если же этой информации не хватает, а есть только знание о предельно общих социальных закономерностях, то здесь начинается область гипотезы. Трудность определения понятия социального прогноза вынуждает некоторых авторов, пишущих об общественном прогнозировании, прибегать к многозначным определениям типа “обозримое будущее”.¹

¹Философия и прогностика. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1971, с. 305, 308.; Раздумья о будущем. М.: 1987; Кронрод Я.А. Производительные силы и общественная ответственность. М.: Наука, 1987; и др.

Понятие “обозримое будущее” представляет собой неопределенность, так как лишено временных рамок. Для марксистской социологии теоретически обозримым будущим, как уже говорилось, было построение коммунизма, и здесь разговор о сроках был неуместен, поскольку был связан со структурными преобразованиями в сознании больших масс людей. В научном прогнозировании такая неопределенность не конструктивна, поскольку прогноз связан с созданием научно-обоснованных моделей будущего. Говорить о пределах прогнозирования необходимо потому, что прогноз не должен вырождаться в беспочвенные мечтания, в маниловщину. Такой подход есть одно из условий правильного решения проблемы объективного и субъективного в процессе создания конструкций, моделей, которые бы как цель были основанием для расходования ресурсов.

В самом содержании прогнозов расположение данных и рекомендаций основано на законах, которые проверены практикой. Предел же научно обоснованного прогноза характерен также и тем, что в нем уже закон выступает как тенденция, как абрис. Эта особенность прогноза отражает путь реального познания от знания первого порядка к более высокому уровню.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие промежуточные выводы:

1. Специфически человеческое опережающее отражение, которое развилось и сложилось в процессе производства, существует первоначально как неосознанное обобщение действий, потом - цель - представление (которое включает уже не только желаемый результат, но и методику действий); после этого - цель - понятие (в сфере умственного труда), наконец - представление - прогноз, имеющий понятийное содержание (когда практика осуществляется с учетом теории).

2. Цель и прогноз в их единстве выступают в качестве связывающего звена между деятельностью и реализацией свободы как осознанной необходимости (институцированной и реализованной).

3. Помимо решения вопроса о характере экономических процессов, происходящих в посткоммунистических странах (это должны решить профессионалы-экономисты), значительной трудностью в прогнозировании является феномен товарного фетишизма. Марксов вывод о туманном мистическом покрывале, которое набрасывает на общественные отношения абсолюта товарного производства, не снимается чисто идеологическими реминисценциями о трансформации капитализма в “народный”, “общество всеобщего благоденствия” и т.д. Реальным шагом к снятию противоречия является, по всей видимости, замена золотого эквивалента производства на товарный эквивалент. Соответственно должны быть переориентированы приоритеты прогноза. С этим связана также проблема изменения ценностей, без решения которой прогноз становится обычной фантазией на тему о прогрессе. Примером, весьма характерным, является в свое время очень популярная книга С. Лема “Сумма технологий”.

4. Прогнозирование, планирование, управление социальными процессами это организующий феномен, форма противодействия социальной деструкции. По всей видимости, это генерализованная форма поиска всечеловеческого единства.

5. Настоятельная необходимость разработки долгосрочных перспективных прогнозов связана прежде всего с огромным возрастанием возможностей науки, техники, и на этой основе возможностей производства. Это приводит к увеличению степеней свободы, которыми располагает общество в определении и формировании своего будущего. Будущее общества становится все более управляемым и предвидимым. Степени вероятности будущего развития все больше поддаются направленному воздействию.

6. Социальное предвидение позволяет предотвращать локальные конфликты, в процессе накопления такого опыта должны родиться глобальные методики предотвращения конфликтов путем снятия противоречий сторон. Этим занимается отраслевая наука конфликтология.

7. Социальные прогнозы дают те ориентиры, по которым можно сверять предпринимаемые для приближения будущего действия, наилучшим образом организовывать и направлять их к желаемому результату. Предсказание грядущего выступает, следовательно, как необходимая предпосылка и вместе с тем мощное средство корректировки сегодняшней практической деятельности, повышения ее эффективности, сознательного использования субъективных факторов исторического процесса в достижении гармонии социальной жизни.

До недавнего времени методики прогнозов в бывшем Советском Союзе и на Западе шли расходящимися путями. Ведущая идеологическая доктрина неотвратимости коммунизма делала прогноз историко-познавательным. Его значимость возрастала только в плане предсказания негативных процессов, могущих затормозить движение к конечной цели, чтобы кинетически устранить эти препятствия. Отсюда термины, субъективизирующие процесс: “ускорение”, “человеческий фактор”, “перестройка” и т.д. Естественно, что политический и экономический крах системы не может не вызвать кризис существовавших методик социального целевого прогноза.

Футурология на Западе пошла совершенно другим путем, более глобальным¹. С момента своего возникновения футурология ставила задачу объединения прогноза развития земли и технотронной цивилизации в судьбе человека и человечества. В узком смысле она ставила проблему формирования локальных прогнозов. Футурологи занимались систематизированным изучением прогнозируемых процессов, происходящих как в сфере образа жизни, так и в сфере научно-технического прогресса, а также разработкой математических методов обработки статистической и иной информации для составления верифицируемых прогнозов. Под воздействием советской плановой системы, которая на Западе всегда считалась сильной стороной

¹ Термин «футурология» ввел немецкий социолог О. Флехтхейм (1943). «Философия будущего», как он ее называл, рассматривалась им в качестве альтернативы идеологическим утопиям. Наиболее интенсивный период в развитии футурологии - 60-е годы нашего столетия, в 70-80-е годы интерес к социальной прогностике снизился.

советского государства, футурологи стремились к созданию прогнозов как основы для планирования не только в области экономики, науки и техники, но и в социальной и политической сфере.

Несомненно, сама декларация о намерениях не предвосхищает результат, а только ориентирует процесс исследования. Советскую прогностику и западную футурологию объединяет только взаимная идеологическая непримиримость, поскольку первая утверждала финальность коммунизма, а вторая его напрочь отвергала, но катаклизм развала СССР ни в коей мере не снимает проблему неопределенности социального развития и не делает футурологию победившей теорией.

Отдельной проблемой является скорость происходящих перемен. Лидеры субъектов Советского Союза, собравшиеся в Беловежской Пуще, решили судьбу огромной страны, находящейся на восьмом десятке своего существования, практически за один день. Теоретики недоумевают, большинство обычных людей, не искушенных в политике, берет оторопь от всего происходящего. Ускорение перемен сегодня само по себе является стихийной силой. Оно влечет за собой как личностные, психологические, так и социальные последствия, которые нобелевский лауреат, американский футуролог Алвин Тоффлер еще в 1965 году назвал «футурошоком». Проведя обширнейшие исследования и опросы, он пришел к следующим двум выводам:

«Во-первых, стало абсолютно ясно, что боязнь будущего является не просто возможной отдаленной опасностью, а реальной болезнью, от которой страдает все большее количество людей... Это болезнь - боязнь перемен.

Во-вторых,...те, кто требует больших перемен и создает их, и те, кто, по общему мнению, готовит нас к приспособлению, очень мало знают об адаптации. Убежденные интеллектуалы смело говорили об «обучении переменам» и о «подготовке людей к будущему». Но в действительности никто не знает, как это сделать. К сожалению, мы абсолютно не сведущи в том, как человеческое сообщество приспосабливается в нынешней обстановке,

меняющейся стремительно, чем любая другая, в которой когда-либо оказывался человек».¹

Кроме идеологической, футурология имеет и чисто утилитарную задачу: разработать теоретические основы для плановой деятельности буржуазного государства - индикативного регулирования капиталистического производства, о чем также свидетельствует сравнительно небольшой опыт российского неокapитализма. И все же попытки планирования капиталистического производства чрезвычайно затруднены, так как сама природа его исключает единую и скорректированную направленность производства. И все же отрицать успехи применения методик индикативного регулирования, как это делалось в материалах XXVII-го съезда КПСС, было бы крайне неразумно. Это пример достижения идеологического эффекта путем смещения акцентов научной проблемы.

“Капиталистическое государство перераспределяет, в частности, через бюджет, значительную часть национального дохода в пользу крупного капитала, стремится поставить себе на службу новейшие научно-технические достижения. Механизм эксплуатации стал сложнее, изощреннее. Все больше прибыли выжимается из квалификации интеллектуальных сил и нервной энергии работников”². Далее ставилась задача: «...интенсификации социалистического производства путем внедрения в производство наукоемких технологий, интенсификации труда»³, т.е. признание того, что проблема интенсивного развития, внедрения результатов познания в производство или превращение производства в технологическое приложение науки, стала мировой проблемой. Отказ от научно-технического сотрудничества, с одной стороны, привел к краху экономики социализма, с другой стороны - сдерживает темпы глобального развития человечества, как суперсистемы.

¹ Тоффлер А. Футурошок. Санкт-Петербург, 1997, с.5.

² Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986, с. 130.

³ Там же.

Справедливости ради стоит сказать, что изначальный марксизм в своем глубинном содержании не грешит чрезмерной идеологической закомплексованностью.

Принцип, согласно которому предвидение должно опираться на реальную действительность в ее различных моделях, даже противостоящих друг другу, отражает возможности и тенденции развития, получил обоснование во всех без исключения прогностических концепциях.

Марксизм рассматривает общество как целостную структуру во всей сложности взаимодействия материальных и идеологических, “естественных” и социальных отношений. Классическую формулировку значимости отдельных сфер существования человеческого общества дал К. Маркс в предисловии “К критике политической экономии”:

“В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения, - производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производственных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще”¹.

Эта классическая формулировка выделяет из всего многообразия социальных связей материальные производственные отношения, которые складываются объективно и в этой своей особенности не зависят от воли и сознания отдельных индивидов и оказывают воздействие в качестве сущности на идеологические отношения. Такое подчеркивание вещности мира и значимости отношений по поводу создания материальных предпосылок чрезвычайно важно как фундамент цели прогноза; но марксизм новейшего времени как бы закомплексовался на материальном факторе, хотя ведь

производственные отношения - это отношения людей, но де-факто, реальные люди превратились из цели развития в средство. За это футурологи критиковали марксизм, но сами, пытаясь не впасть в грех нивелирования личности, нивелируют социум, пытаясь конструировать вечные законы без вечной деятельности человека.

Формационный подход к истории тоже обеспечивает марксизму локальную основу для рассмотрения целей социума, глобальный социум как бы квантуется и внутри каждой части действуют специфические законы, значение которых делает цели реальными уже на постановочном этапе.

Выделение общественно-экономических формаций в качестве этапов развития общества служит для марксизма отправной точкой определенной организованности людей в процессе деятельности и ...общественного производства своей жизни.² Элементами этого процесса выступает производство материальных средств жизни, производство людей как общественных индивидов и производство “самой формы общения”, т.е. наличного типа отношений между людьми. Безусловно, сложность общественного процесса предполагает определенную систему управления, характер которой тоже зависит от типа общественных отношений: для докапиталистических обществ характерен механизм обычаев, для капитализма характерен механизм конкуренции, рыночного регулирования производства, спроса, общественного мнения и вкусов, при социализме растет роль сознательного планового воздействия на общественные процессы и т.д.

Концептуальная стройность построения моделей завораживает, но абстракции заслоняют мир конкретного человека, цели которого выступают в этой неотвратимости, в этой поступи объективных факторов, как явления, не имеющие самостоятельного значения, а только в том смысле, что ведут к общему, к закону. И тогда индивид - прах, который можно «отряхнуть с наших

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.14, с. 6-7.

² Маркс К. и. Энгельс Ф. Соч., т.13, с.6.

ног». В интересах актуализации будущего, когда конечный результат все, а настоящее всего лишь этап - переходное общество, развитой социализм и т.д.

Действительно, действие механизма управления в обществе обеспечивает функционирование системы как целостного социального организма, отдельные элементы которого прямо или косвенно подчинены общей цели общественного производства и поэтому могут описываться под углом зрения выполняемых ими функций. В то же время система управления жизнедеятельностью общества должна характеризоваться подчинением средств цели, а настоящее должно осуществляться в какой-то мере и ради будущего. Только в этом случае развитие общественной системы расценивается как прогрессивное. И в то же время нельзя исключать деструктивность целей человека, которые можно называть личными. Они могут и не вписываться в глобальную социальную целесообразность, и если государство пытается отсечь их, исключить из модели автономного человека, оно становится тоталитарным.

Действительно, сам термин “прогноз” в какой-то мере не свободен от возможности включения в его объем указанных ненаучных попыток создать представление о будущем. Прогноз происходит от греческих слов: “про” и “гнозис” и переводится как “предвидение”, “предсказание”. На современном уровне развития науки понятие “прогноз” включает в себя действительную диалектическую способность сознания и функционально выражается в экстраполяции динамических рядов на основе имеющейся информации и балансового анализа с целью выявления состояния развивающегося объекта на определенный отрезок времени в будущем.

В прогнозе физическое настоящее стремится в качестве грани между прошлым и будущим к неизмеримо малой величине, поскольку люди всегда живут в предвосхищении будущего, при наполнении этого настоящего конкретно-историческим социальным содержанием как таковым, приобретает объемность целеосуществления, измеряемого мерами различного масштаба, от “сегодня” через “наша эпоха”, “сбывшаяся мечта”, “реализованная цель” до “новая эра”. Другими словами физическое настоящее в глобальном масштабе

включает в себя наше экономическое и технологическое прошлое, настоящее и будущее. Политемпоральность проявляется также и в том, что один и тот же социальный объект, состояние которого прогнозируется, может одновременно находится как бы в разных временных координатах. В каком-то одном отношении его развитие идет сравнительно медленно, и тогда прогнозируются темпы развития, а в каком-то другом быстро, и тогда прогнозируются тенденции и содержание.¹

Принцип будущего представляет собой единство онтологической и гносеологической сторон. Онтологический план принципа будущего включает рассмотрение факторов, от которых зависит будущее системы, детерминация будущего - важнейшая часть представлений о грядущем. Сюда входит и анализ самого содержания будущего в его диалектическом развитии. Гносеологический план принципа будущего раскрывает процесс познания будущего, пределы его предвидения.

Следовательно, предвидение будущего выступает в качестве звена научного познания. Оно обусловлено диалектическим характером объективной действительности и ее отражением в человеческом сознании. Постигание грядущего - это свойство, которое присуще каждой науке в качестве принципа задач научного исследования, независимо от предмета науки.

Наибольшее количество сведений о “триаде” времени - прошлое, настоящее и будущее - падает на прошлое и настоящее, хотя это требует глубокого проникновения в их сущность. Получение любого прогноза начинается с анализа уже имеющейся информации о событии или явлении, дальнейшее развитие которого собираются прогнозировать. Как правило, информация носит комплексный характер. В ней должны объединяться сведения многих наук, их аналитическое значение. Это позволяет всесторонне познать изучаемое явление в единстве его качественных и количественных уровней. Познание нынешнего уровня и познание завтрашнего состояния

¹См. Яхонтов Б.А. Предвидение как способность и деятельность. М.: МГТУ, 1993, с. 12, а также Методологические проблемы социального прогнозирования. Под ред. Козакова Л.П. Л.: Изд ЛГУ, 1975;

любого объекта непрерывно связаны и представляют собой различные стороны процесса, протекающего в поле исследований целого комплекса наук.

Произвольное расчленение этого процесса, этой “триады”, сделало бы невозможным научное предсказание будущего. Именно такое расчленение, основанное на субъективистском подходе к фактическому материалу, и характерно для футурологов. По их мнению, обществознание должно ограничиться изучением настоящего, а функции и задачи постижения грядущего передаются футурологам, что существенно способствует повышению его качества.¹

Статистика при помощи своих методов в какой-то мере дает представление о тенденции изменений объекта, и все же этого недостаточно, например, для определения динамики экономических процессов. В подходе к изучению социальных процессов надо избегать односторонности, плоскостных взглядов, основанных на перечисляющей индукции. При помощи одних только статистических методов без учета качественного состояния объекта невозможно уберечься от ошибок при анализе общественных процессов, ибо в таком случае за деревьями исчезает лес, за горами цифр - отдельный человек с его целями и стремлениями, более того, и это чудовищно, он кажется величиной, от значения которой можно отвлекаться.

Безусловно, при прогнозировании будущего состояния природных объектов цель может быть выражена предельно точно, и предел такого прогноза выражается в непосредственной надобности. При прогнозировании экономических и социальных процессов вообще дело весьма усложняется. Например, идет ли речь о прогнозе среднего дохода или об изучении общественного мнения - в самом истоке прогноза необходимо найти форму введения в информацию прогноза данных о социальной природе процесса, так

Никитина А.Г. Предвидение как человеческая способность. М.: Мысль, 1978.

¹ Можно согласиться с критикой футурологии в книгах Гвишиани Д.М., Лисичкина В.А.. См. Система прогнозирования в планировании и управлении научными исследованиями и разработками. М.: 1968, и Супруна В.И. Современная буржуазная футурология: проблемы, тенденции. Новосибирск., 1986., исключая попытки чрезмерно идеологизировать футурологию, без ее на то согласия.

как в противном случае полученный прогноз может носить фиктивный характер и поставленная цель не будет достигнута. Это необходимое условие для получения достоверного прогноза, который максимально снижает количество неожиданностей в развитии экономических процессов. Это условие зависит от полноты информации, экономических данных о состоянии процесса в данный момент. Фактическая сторона должна быть репрезентована с возможной полнотой и включать в себя также и факты, которые противоречат исходной концепции. Если же они будут исключены из анализа, тогда результат субъективизируется и совпасть с тенденцией саморазвития объекта или процесса может только случайно.

Можно сказать, что количественные данные, которые отражают прошлое и настоящее прогнозируемого экономического явления, имеют статистический характер, а качественная сторона зависит от правильного выделения основных закономерностей того или иного экономического процесса, и общая достоверность прогнозов, а значит, и достижение его цели, зависит от их единства.

В литературе встречаются попытки определить различие между плановой разработкой и прогнозом. Н. Лебединский в статье “Перспективные планы и прогнозы” прогнозом называет то, что должно произойти и при каких условиях, а планом - комплекс целей и задач на заданный период, с указанием способов их решения, и указывает, что прогноз помогает найти эти способы и определить сами задачи.¹

На наш взгляд, в системе определений как категории плана, так и категории прогноза, необходимо акцентировать внимание не на их различии, а на единстве. По сути дела, цель прогноза и плановой разработки одна и та же и выражается в активности общества по отношению к законам его необходимой деятельности, а различие состоит в богатстве вариантов. Для плановой разработки, если она выступает в качестве таковой, характерна обязательность, план имеет целевую напряженность на любом уровне деловой жизни, и в этом

смысле он одновариантен. Можно дать следующее определение плана: план есть теоретически мотивированная система действий по достижению определенной цели, основанной на суммарном знании о возможных в будущем ситуациях, событиях и реалиях и имеющихся в наличии средствах и методах достижения желаемого будущего, зафиксированного в цели.

Существенно, что прогнозирование основывается на закономерностях и статистических данных прошлого и настоящего состояния экономического процесса, и в этом отношении оно - органическая часть процесса планирования. В социальном прогнозе понятие гипотезы тоже может быть применено в смысле научно обоснованного, познавательного предсказания будущего состояния деловой активности, например, в связи с ускорением темпов научно-технического прогресса.

Социалистическое планирование, сделавшись глобальным, доходя до последней иголки, поглотило возможности самопланирования и самопрогнозирования малых коллективов и подавило тот самый человеческий фактор, о котором так много говорилось с трибун съездов и форумов. В условиях тоталитарно-командной, но зато плановой системы, научно-познавательная функция планирования была полностью подавлена управленчески-целевой. В этих условиях объективность прогноза заменяется субъективным волением, а это приводит к волюнтаризму, составлению нереализуемых плановых заданий, к росту дефицитности и разбалансированности экономики. Эти недостатки приходилось компенсировать идеологическими лозунгами повышения активности, интенсивности трудовых усилий. По тем же причинам проваливались попытки контроля времени выполнения плановых заданий, отсюда необходимость всяких “встречных планов”, лозунгов типа: “Выполним пятилетку за четыре года” и т.д. На наш взгляд, основное достоинство целевого прогноза - это многовариантность, которая дает возможность ресурсного маневрирования, расчета этапов деятельности по времени и т.д.

¹Ж.Коммунист, 1968, № 9, с.31.

Необходимо также подчеркнуть относительную научную самостоятельность прогноза как цельного тематического исследования со своей логикой и методологией, которая имеет самостоятельное значение независимо от окончательных результатов разработки. Результаты прогноза должны содержать как характеристику наилучшего из возможных путей развития, так и характеристику других альтернатив, отражающих наиболее эффективные решения, связанные с другими комплексами научно-технических и хозяйственных возможностей и условий. С помощью прогноза осуществляется эротематический, диалогический обмен информацией не только с прошлым состоянием общественных ценностей, но и с их моделью в будущем.

Очень часто прогноз отождествляется с многочисленными статистическими выкладками и специальными расчетами экономической эффективности производства товаров. Несомненно, в основу его всегда положена объективная статистическая информация, но не только. В процессе осуществления прогнозов статистическая информация служит одной из сторон диалектического процесса реализации качественного содержания, и в этом смысле, статистические данные и использованные в составлении прогноза общественные закономерности выступают в единстве.

Прогноз в общем виде выступает в качестве возможности, которая может превратиться в действительность только в том случае, если он включается в систему резонов уже не в качестве научного поиска, а в качестве содержания действий, становится целью.

Прогноз касается только тех объектов, которые находятся в сфере интересов социума. В этом смысле он связан с деятельностью, и поэтому в его содержании присутствует субъективный фактор. Следовательно, прогноз всегда содержит возможность реализации цели. Здесь просматривается как прямая, так и обратная связь между настоящим и будущим, причиной и следствием, деятельностью субъекта и ее результатами. Механизм обратной связи уточняется при анализе детерминирующих факторов как потребность, цель, интерес. Цель выступает связующим звеном между настоящим и будущим в

деятельности людей и в то же время не тождественна прогнозу и наряду с единством содержит и противоречие

Во-первых, цель отражает настоящее и обусловлена им. Во-вторых, цель в определенной части своего содержания совпадает с прогнозом, ибо она тоже отражает в себе вариант желаемого будущего. В-третьих, противоречие между целью и прогнозом выступает в качестве побудительного стимула, источника саморазвития социальных процессов, потому что прогнозы всегда оказывают влияние на окончательное формирование целей и корректировку направления процесса человеческой деятельности.

Можно сказать, что цель прогноза как научного поиска впоследствии находит свое выражение в реализации цели социального процесса, поскольку прогноз составляется на основе имеющейся экономической информации о процессах, которые совершаются в данном потребительском обществе. В определенном смысле прогноз как научный поиск вариантов не связан со средствами, но учитывает их изменения в течение прогнозируемого периода. В этом отношении общие и частные цели прогнозирования представляют собой единое направление поисков оптимального пути.

Прогностические разработки увеличивают эффективность управления, поскольку управление есть совокупность воздействий управляющей системы на управляемую систему. Управление в социальной системе выражает степень эффективности соответствия субъективного фактора как сознательной, планомерной деятельности людей, требованиям объективных условий, т.е. объективных законов, ведущих тенденций, объективной “цели” системы.

Прогноз выступает в виде развернутой карты обстановки перед продвигающимся социальным фронтом, тогда как плановые разработки - это направление главного удара. Для экономического прогноза характер поставленной цели варьируется в масштабах данных условий производства, а для плановой разработки необходимо четко сформулированная цель и наличие определенности средств и ресурсов, которые будут при этом использоваться. И в этом своем значении прогноз является не вспомогательным средством

достижения основной цели экономического процесса, а основным научным поиском направленности объективного действия экономических законов.

Кроме того, прогноз содержит в себе оценку различных вариантов, ведущих к одной и той же цели, а также рассматривает варианты, которые находятся во взаимном противоречии. В этой плоскости прогноз выступает как диалектическая форма поиска в функционировании экономики. Противоречие возможных путей социального развития снимается при помощи сопоставления целей развития и результатов прогнозирования.

В литературе встречаются попытки уточнить области приложения существующих методик прогнозирования. Отдельные авторы пишут, что можно прогнозировать демографические процессы, научно-технический прогресс, использование природных ресурсов, но не основные фонды и капитальные вложения, цены, доходы населения и т.п.¹ Это попытка свести функции прогнозирования к решению только отдельных вопросов экономического процесса, что вообще было характерно для экономических воззрений 80-х годов,

Само определение прогноза и его целей невозможно без рассмотрения диалектической связи факторов, входящих в него:

1) коррекция плановых разработок и анализ их выполнения, а также анализ новых факторов развития производства и непрерывно меняющихся условий производства (внутренних и внешних);

2) анализ состояния экономики или отдельных ее качественных структур и тех социально-экономических условий, которые складываются в процессе производства;

3) соотнесение достигнутых результатов с соответствующими отраслями мирового хозяйства, с достижениями передовых капиталистических государств;

4) предвидение результатов развития данной отрасли или всего производства в конкретных условиях уже принятой государством концепции, особенно это характерно для так называемых естественных монополистов;

5) научная разработка целенаправленных и скорректированных начинаний и условий по наиболее оптимальному и скорейшему достижению целей.

С развитием рыночных отношений возрос динамизм развития всех сторон общественной жизни, появилось множество вариантов, путей, и средств решения социально - экономических проблем. В этих условиях возросло значение субъективного фактора, т.е. множественности целей и активности в их реализации, хотя при произвольном выборе пути развития цель производства реализуется лишь частично и не дает того наивысшего сочетания количественных и качественных показателей, необходимых для ускоренного развития сферы производства и потребления.

Сама прогностическая способность была бы феноменом из области благих пожеланий, которыми, как говорил великий Данте, “дорога в ад вымощена”, если не опираться на реальную особенность жизненного планирования личности, где цель - один из методов самореализации. Одним из первых, кто попытался объяснить значение области субъективного будущего для реального поведения, был И. Кант. Называя возможность представлять себе нечто как будущее способностью предвидения, он писал: “В этой способности мы заинтересованы больше, чем какой бы то ни было другой, ибо она условие всякой возможной деятельности и цели, осуществлению которой человек отдает свои силы”.²

Интерес к феномену человеческого поведения, когда ведущая роль в регуляции поведения принадлежит антиципационным процессам, не ослабевает и по сей день, хотя это было замечено 100 лет назад. Способность человека действовать в настоящем с упреждением ожидаемых событий будущего, несомненно уникальна, конструирование личностью собственного будущего нам представляется как сложный мыслительный процесс, основанный на опыте прошлого, тесно связанный с мотивациями и потребностями, с выдвижением и

¹ См. ж. Плановое хозяйство за 1986-1987 гг.

² Кант И. Соч. : В 6 т., М.: 1966, т. 6, с. 423.

проверкой гипотез, постановкой жизненных целей и принятием решений о реализации этих целей и отнесением других к целям - мечтам, целям - идеалам.

Для фиксации этого феномена польский психолог К.Обуховский предложил понятие “концепция собственного будущего”, которое в дальнейшем введено в научный обиход Б.Ф. Поповым как элемент направленности в общей структуре личности, связанный с переживанием времени с будущей временной перспективой, создаваемой личностью¹.

Концептуальность в осмысливании собственного будущего как определенная система представлений подчеркивает ее содержание - цели, ценности, идеалы, т.е. жизненную перспективу. К. Обуховский пишет: “...личностный уровень психологической организации индивида - это способ, средство или инструмент овладения человеком своим будущим, осуществление будущего при помощи творческих действий”.²

Наиболее убедительным выражением мотивационных предпочтений человека является его постоянное стремление в наиболее полной форме реализовать себя во вне себя в социальной сфере, это стремление к максимальному соответствию со “своей средой”, это и есть самореализация или самоактуализация. Если человек теряет перспективу во времени, то это выражается в осознании бессмысленности бытия, названного В. Франклом “экзистенциальным вакуумом” (чувство отсутствия смысла жизни).³

Предвидение, прогноз необходимы для сохранения в будущем социальной комфортности, если таковая есть в настоящем, или же достижения ее, если она отсутствует. Будущее играет регулятивную роль. Возможность регуляции достигается на основании относительной самостоятельности субъективного будущего от других временных областей. Будущее в индивидуальном сознании богаче прошлого и настоящего. Над прошлым человек уже не властен, над настоящим еще не властен, поскольку это

¹Попов Б.Ф., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. М.: 1980, с. 112.

²Обуховская К. Психологическая теория строения и развития личности // Психология формирования и развития личности. М.: 1981, с. 45-67.

³Frankl V. Logotherapie und Existenzanalyse. Munchen. 1987. p. 26.

длящийся процесс, то будущее представляется как нечто производное от выбора, желаний, представлений и знаний. В конструировании будущего, в сознании и в подсознании важную роль играют механизмы компенсации, например, временное контрастирование, отведение событий в долговременную перспективу¹.

Другой, не менее важной стороной концепции собственного будущего является функция организации смысла жизни. Не вдаваясь в столь сложную и пограничную для философии проблему, отметим, что, начиная с 60-х годов, в зарубежной психологии разрабатывается теория логотерапии, где основным акцент делается на прохождение человеком смысла своего существования непосредственно связанного с осмысливанием и созданием своего собственного будущего. Суть можно передать через короткое высказывание В. Франкла: “Без фиксированной точки отсчета в будущем человек, собственно, просто не может существовать. Обычно все настоящее структурируется исходя из нее, ориентируется на нее, как металлические опилки в магнитном поле на полюс магнита”².

Таким образом, прогноз как бы вырастает из собственного будущего человека, далее идет представление о ближайшем окружении в будущем, потом представление социума, его этноса, потом снова как бы возвращение к исходному собственному будущему, но уже в глобальном контексте “я и мир”. Значит, концепцию собственного будущего можно определить как имманентное свойство личности, выраженное в избирательной, относительно устойчивой, в определенной мере осознанной и обобщенной системе представлений человека о своем собственном будущем, основанной на жизненных целях, идеалах и ценностях, это временная, длящаяся организация жизненного пути. Будущее как бы становится целью, а сам человек средством, реализующим эту цель.

¹Василюк В.Ф. Психология переживания. М.: 1984, с. 70.

² Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: 1990, с. 141.

Концепция собственного будущего - это как бы начало отсчета и в то же время результат квантования представлений данного социума. Они тесно связаны с онтогенетическим развитием психики человека, с одной стороны, и с качеством интеллекта - с другой. Когнитивный компонент концепции собственного будущего позволяет говорить о таких ее характеристиках, как структурированность, широта, сконцентрированность или диффузность, а также о способностях человека существовать во времени, циклируя его в сознании, отодвигая на второй план физическое состояние организма. Главное здесь - мыслительное конструирование, выделение и проверка некоторых гипотез, простейшими элементами которых являются события жизни, а более сложными - ситуации как системы событий. Это когнитивный компонент, который позволяет человеку познавать бытие во всей полноте его взаимосвязей и циклов времени.

Конструирование будущего происходит за счет формирования как подобразов представлений, так и использования понятий, зафиксированных в знании об обществе. Понятия переводят представления на более высокий уровень: это скачок от лопаты к экскаватору, переход к более высокой разрешающей способности, на их основе становится возможным возникновение концептуально понятных обобщений, построение схем и структур будущего, т.е. это переход к зачаткам прогноза. Человек смотрится в социум, как в зеркало, с целью увидеть в нем себя, а не раствориться в нем. Советский эксперимент по созданию особого типа личности, в структуре которой постоянно доминантными были бы общественные, а не личные интересы, закончился сокрушительным провалом. Любой прогноз социальных феноменов должен исходить из феномена собственного будущего личности.

На основе изложенного можно сделать следующие интегральные выводы:

1. Поскольку необходимость предвидеть результаты целесообразной деятельности является постоянным фактором социальной жизни, научный прогноз становится важнейшим условием стабильности социума.

2. В совокупном виде все способности предварять деятельность моделями ее результатов выступают как предвидение, реализующееся в виде целеполагания, прогнозирования и планирования.

3. Предвидение в качестве атрибутивного компонента является родовой особенностью любого вида социальной деятельности.

4. В условиях возрастающего дефицита необходимых компонентов самореализации социума (материальных ресурсов, энергии, информации) актуализируется постоянная потребность в разработке новых методов целеполагания, прогнозирования и планирования.

5. Общество должно также защищаться от негативных последствий ускорения темпов социального развития. При отсутствии научного прогноза возможных последствий воздействия общества на природу (экологические эффекты) возможны значительные ресурсные потери.

6. В процессе социализации и профессиональной подготовки новых поколений людей необходимо активно вводить в программы и практику образования (среднего и высшего) развитие способностей предвидения.

7. В связи с децентрализацией планирования необходимо создавать региональные центры прогнозирования и индикативного планирования.

8. Много споров вызывает показатель полноты прогноза, который, в сущности, является показателем полноты описания прогнозируемого процесса, объема различных свойств, связей и сторон. Достоверность и точность прогноза, как правило, снижаются при наличии стремления к исчерпывающей полноте описания. Уровень полноты описания должен быть задан, тогда достоверность и точность оказываются между собой в обратной зависимости. В конкретных прогнозах чем долгосрочнее прогноз, тем меньше его достоверность при заданном уровне точности и полноты, в то же время растет количественное выражение степеней вероятности. Очевидно, что полная адекватность прогноза недостижима в принципе, как вообще недостижимо окончательное, исчерпывающее, абсолютное знание.

Из сказанного совершенно очевидно, что для каждого прогноза должно быть введено понятие адекватности. Это даст возможность оценивать достоверность не после получения результата, который прогнозировался, а до реализации, т.е. в процессе формирования прогноза. Это очень важно, т. к. требования к достоверности прогноза все время возрастают.

§ 2. Целеосуществление в структуре социальной деятельности человека

По всей видимости понятие реализации цели не передает содержания сложнейшего, наполненного коррективными процедурами, пути движения к намеченному результату. Скорее всего, это процесс, связанный с необходимостью соизмерения объема действий и наличных средств, изыскания новых возможностей и привлечения новых средств, а также поиск новых методов содержательного функционирования, даже форма коррекции должна быть отспециализирована согласно содержанию данной, а не другой цели. Вся эта процедура в своем интегральном единстве есть целеосуществление. Действие таким способом делает процесс целесообразным и целенаправленным.

Целенаправленное поведение человека имеет социальную природу. Оно является продуктом общественного разделения труда, как специфически человеческой формы коллективной, социальной деятельности. Люди обмениваются формами труда как мыслительными функциями и процедурными моделями того, что должно сложиться в результате деятельности. Основные механизмы целеполагания, начиная с определения социально одобренных целей и средств и кончая оценкой сферы деятельности с помощью форм социального сравнения, формируются социумом. Таким образом, целеосуществление есть результат сложной, многоуровневой и многокритериальной системы детерминации.

Очевидно, что внутренний индивидуализированный механизм целеосуществления, который не просто отражает и качественно преобразует эту детерминацию, но и активно взаимодействует с ней, должен обладать не меньшей сложностью и необходимой гибкостью.

Между тем, обычно описания форм целеосуществления тяготеют к простоте и очевидности, в отличие от описания других типов поведения, например, эмоционального, где всегда описывается ситуация, мотивы, подсознательные процессы и т.д.. К его объяснению привлекаются в качестве постоянного фактора некие иррациональные сущности. Описание целеосуществления всегда сближается с операциональной сущностью средств, проблемой выбора, коррекцией этапов цели, которые якобы сами по себе требуют очевидности и простоты. Поэтому возникает потребность заново оценить существующие формы целеосуществления в структуре социальной деятельности человека и уточнить подходы к взаимосвязи целеполагания и целеосуществления.

В целеосуществлении в наибольшей мере реализуется целенаправленное поведение, цель - это то, по отношению к чему целесообразно целенаправленное поведение. Хотя здесь и присутствует тавтологический элемент, но все же отражается и тенденция, ведущая к целеосуществлению. Достаточно известна типология социального поведения, предложенная в свое время М. Вебером, которая построена на фиксации типов ориентаций, существующих наряду с целерациональным поведением.¹ Дэвид Рисман идет дальше Вебера, изображая изменение типа личности от активного (ориентированного изнутри субъекта эпохи свободного предпринимательства) к личности, “ориентированной извне”, подчиненной бюрократической организации, поклоняющейся идолам потребления и развлечения. Типология Д.

¹Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994, с.43-73.

Рисмана, построенная как описание исторически сменившихся социальных характеров, фиксирует наличие нецелевого поведения человека.¹

В западной социологии используется система специальных подходов к целенаправленному поведению в процессе реализации цели (целеосуществления), а также рассматриваются различные модели социального поведения как элементы интегрального целенаправленного поведения человека. К примеру, Н. Смелсер при описании социального действия выделяет четыре основных компонента:

а) основополагающие цели или ценности, которые осуществляют генерализированное управление социальным действием;

б) общезначимые регулятивные правила целеосуществления, которые следует находить в нормах права, морали;

в) нормативная система соотнесения, мобилизирующая индивидуальную энергию целеосуществления;

г) наличные ситуационные условия, которые используются индивидом как средства.²

Можно считать, что здесь указаны ключевые точки целеосуществления как социального действия, конечно, без необходимой полноты. Не называется, к примеру, наиболее употребляемое, подсказанное здравым смыслом понимание цели, как планируемого результата. По Гегелю, “цель есть ... субъективное понятие как существенное стремление и влечение положить себя вовне”.³

Кроме того, цель и ее реализация должны быть отражены с различных сторон, в том числе и с позиций технизированных целенаправленных систем. В теории информации цель определяется следующим образом: “Утверждение, что система стремится к цели означает, что ее действия сводятся к минимуму рассогласования между наличным состоянием или величиной на выходе и

¹Грэхэм Л.Р. Естествознание и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991, см. в кн. с.112-118.

²Smelser N. Theory of collective behavior. N.I. Free press, 1963, p. 24-25.

³Гегель. Наука логики. М.: Соцэкгиз, 1939, ч. 4, с. 189.

некоторым заданным состоянием. Этому состоянию соответствует величина, обозначаемая термином “цель”.¹ Значит, цель - это заданное состояние, а результатом функционирования должно быть целеосуществление. В психологии цель характеризуется как осознание без указания на ее функциональность и направленность к целеосуществлению: “Осознание, то есть выраженное в словах предвосхищение будущего результата действия, и называется целью”.²

В этих определениях заметны акценты то на побуждение, то на механизм, то на направление усилий, но не на целеосуществление. Это говорит о необычайной трудности выявления и описания целей, которые выступают как единство мотивов, средств и результатов. Здесь очень важно отметить переходные состояния деятельности от собственно цели до результата (целеосуществления):

- выбор цели субъектом или даже обществом существенно недоопределен и ограничен “встроенными мотивами” (например, витальными потребностями), целевым назначением исторически сложившихся средств деятельности, побуждающим воздействием природной и социальной среды, следовательно, целеосуществление не есть лишь результат свободы воли социализированного человека;

- в целеосуществлении происходит опредмечивание стремления удовлетворить некоторую потребность, некий мотив деятельности, который формируется из “материалов” самой среды. Цель здесь имеет конкретную форму, содержание, масштаб, а мотив же сам по себе не имеет такой предметной определенности;

- поскольку формы целеосуществления имеют только социальное содержание, речь идет всегда о цели абстрактного “человека вообще”. Применительно к социуму цель и целеосуществление приобретают совокупный

¹ Макаров М.Г. Категория цель в марксистской философии и критика теологии. Л.: Наука, 1977, с. 116.

² Проблемы социального планирования (под ред. З.И. Файнбурга). Пермь: Политех, институт, 1974, с. 5.

характер, суммарный результат индивидуального целеполагания или же делегированное индивидами всеединство;

- целеосуществление как процесс - это встреча цели со средствами (возможностями, условиями, ресурсами, инструментарием). И поскольку цель имеет ценностно-рациональный характер, в процессе целеосуществления отразившиеся в ней интересы, влечения, предпочтения, установки, подвергаются рассудочно-логической обработке, а также корректируют по отношению к условиям реализации;

- результат, полученный в итоге целеосуществления, не идентичен первоначальному содержанию цели, а скорректирован с нею, связан с нею генетически, ибо взаимодействие мотивов воспроизводит не только содержание целей, но и некий побочный эффект, “нерастворимый осадок” единства условий, средств и методов;

- характер общественного целеосуществления зависит от вида социальных целей, на наш взгляд, существует три их вида: цели-задания, цели-ориентации, цели-системы.

Названные цели - базовые, достижение которых связано и вызывает множество вторичных производных целей - воспитание и социализация новых поколений, развитие духовного производства, обновление технологий, улучшение условий труда, совершенствование управления, соблюдение прав человека и т.д..¹ Подобное разделение целей характерно в целом для общества, которое функционирует в направлении целеосуществления всего многообразия целей, созидания глобальной целесообразности социума.²

Цели-задания формируются на широкой организационной основе и не входят непосредственно в систему индивидуальных мотиваций, хотя их дальние последствия интегрируют людей в формах общественной пользы. В

¹ Здесь автор не стремится ко всеобъемлющей классификации индуктированных целей, речь идет о “дереве целей”.

²Лапин Н.И., Наумова Н.Ф., Коржова Э.М. Теория и практика социального планирования. М.: Политиздат, 1975, с. 106; Павлеченко В.И. Экономические проблемы управления научно-техническим прогрессом. М.: Наука, 1973, с. 91; Вопросы целенаправленного функционирования социально-экономических подсистем. М.: ЦЭМИ АН СССР, 1976. С. 15-19 и др.

большинстве случаев эти цели декларируются. Цели - ориентации представляют собой групповые интересы, соотнесенные со всей человеческой общностью; в них снимаются телеономические и целеустремленные свойства человеческого фактора. Цели-системы имеют этно-социальное, глобальное содержание, в них выражена родовая сущность человеческой цивилизации. Осуществляются не разовые цели, а растянутые во времени их промежуточные состояния.

Определение целевой длительности, целевой цепи предполагает некоторое преимущество конечных декларированных целей, которые не детализированы, и по меньшей мере, называются или всенародными, или общегуманистическими; именно для “конечных” целей характерна крайняя неопределенность и общие формулировки. Тем не менее, именно они являются оправдательной базой для непопулярных решений и действий.

Перевод цели из одного ранга в другой в их движении к глобальному результату вызывает ее содержательное преломление на возрастающее от уровня к уровню число подцелей, образующее таким образом “дерево целей”, скрепленное логикой целеосуществления в узлах своих бесчисленных структурных звеньев. Много раз разложенные интегральные цели на ряды более частные теряют исходное содержание, в какой-то степени деградируют, происходит рассеивание целей. Измельчание целей неизбежно приводит к утере перспективы и темпов развития общества. Следовательно, в процессе целеосуществления постоянно актуальна проблема сохранения цели и связи всех коррекций с ее первоначальным содержанием. Здесь применяется количественное и качественное выражение ближайших и перспективных целей, которые ранжируются в планах.

Определение целей-ориентаций в их связи с формами целеосуществления также составляет сложную методологическую проблему по причине несовпадения общественных и коллективных целей, коллективных и личных. Только в конкретных случаях можно установить, в каком смысле некая

общность людей выступает как субъект, и есть ли ее цель - сумма индивидуальных целей, цель ее лидеров, цель большинства и т.д..

Точка зрения на объединение людей в общность, коллектив как на тактическую коалицию подразумевает постоянную координацию индивидуальных целей, при которых идет поиск целевого консенсуса, каждый что-то уступает ради будущего целеосуществления, и некая результирующая сущность этого массового соглашения принимается за общую цель, вполне приемлемую при рассмотрении целеосуществления. Индивидуальные особенности цели теряются в безличностном результате, формируя понятие общности интересов.

Концепция коллектива как многократного субъекта считает его целью только совпадающий сектор разнообразия целей. В этом совпадении происходит деноминация индивидуальных целей в общую. Реализуется только общая цель, а цели, индивидуально преследуемые каждым человеком, переходят в разряд потенциальных, для которых возможен только следующий цикл совпадения. Первая концепция может быть проанализирована при помощи теории игр, а вторая может быть понята на основе экономического стиля мышления.¹

Для целеосуществления эти “модели” неравноценны, так как в одном случае обобщенная цель нестабильна, так как индивидуальные критерии цели плывучи, переменчивы, а в другом - формально однозначны и создают иллюзию постоянного совпадения целей индивида и коллектива, что опровергается многомерностью целеполагания и утопическим характером вывода о возможности совпадения интересов личности и коллектива. Пока работа в сообществах является для людей главным источником получения средств существования, ведущая роль материальных стимулов сохраняется, и тогда, как утверждает марксизм, сущностное развитие каждого становится условием сущностного развития всех.

¹ Drabek T. An Alsessing Organizational Priorities: Consept and Method/ - Sociological Quart, 1973, vol 14, №3; Perrow Ch. The Short and Glorious of Organizational Theory. - Organizational Dynamics, 1973, vol 2, №1 и др.

Однако социально и экономически неприемлем опережающий рост зарплат в сравнении с производительностью и усилением дифференциации, что должно существенно суживать диапазон реализуемости индивидуальных целей и приводить к деструкции социальных целей. Как и любая другая социальная функция, целеполагание в условиях суждения вариантности целеосуществления входит в цикл кризиса, период преобразования созидательных целей в цели, направленные на разрушение общественной системы, сдерживающей свободу целеполагания и целереализации.

Осуществление целей может интенсифицироваться в условиях контролируемого межцелевого напряжения, то есть противоречивым соединением параллельных целей в одной социальной плоскости. Цели одного и того же содержания и уровня могут иметь разных носителей, имеющих различные возможности в использовании средств реализации целей. Суть этой ситуации в том, что при некоторой взаимопротивоположности подцелей оказывается более достижимой конечная цель коллектива или даже общества в целом. Иначе говоря, если в процессе деятельности коллективов и групп появляются или задаются конкурирующие установки, то это будет весьма функционально для общества. Столкновение, противостояние целеполаганий стимулирует поиск неординарных форм целеосуществления. Конечно, эта конкуренция должна регулироваться правовыми нормами, обеспечивающими равные права самореализации в полях целеполагания и целеосуществления. Если нельзя избежать бокса, то он должен быть по правилам.

Как уже отмечалось, если цель представляет сложное общественное интегральное целое, то, переходя в состояние реализации она начинает дробиться на промежуточные, этапные подцели и т.д.. В этих случаях всегда возникает необходимость в координации усилий, проще сказать, в управлении целеосуществлением. Это управление неизбежно приобретает характер социальной иерархии. Однако неизбежность этого процесса в социуме оборачивается неизбежностью проблем, им вызываемых. Именно здесь

происходит ранжирование целей, формирование их ступенчатости, а значит, складывается необходимость управления их реализацией и, как следствие, формирование иерархии с ее характерными особенностями - отношениями подчинения, неравенства, зависимости. Форма может быть достаточно изощренной, но суть одна и та же - ответственность за этапы реализации общественных программ, социальных целей.

В социалистическом движении еще в прошлом веке интенсивно шла дискуссия об авторитетах, и многие двинулись тогда “в поход против авторитетов”. Большинство было твердо убеждено, что следует покончить с властью человека над человеком, в том числе и на промышленных предприятиях. Решение же производственных вопросов должно происходить через избираемых работниками делегатов, представителей большинства, которые все будут решать голосованием. Следовательно, проблема выбора пути целеосуществления будет решаться большинством голосов.

Ф. Энгельс резко выступил против этих утопических прожектов, так как достаточно хорошо знал практику промышленного производства. Техническая база всякого крупного производства, утверждал он, требует централизации в определении цели функционирования, “а это значит, что вопросы будут решаться авторитарно”.¹ Движение к реализации любых целей требует их координации и управления трудовыми усилиями. К этой проблеме обращался и К. Маркс в “Капитале”, рассматривая производство как высшее выражение целесообразной деятельности: “Всякий непосредственно общественный или совместный труд ... нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами ... оркестр нуждается в дирижере”.²

Не вдаваясь в детали проблемы, можно заключить, что речь идет о важнейших проявлениях иерархии в процессе целеосуществления как важнейшего продукта социального опыта и фундаментального принципа

¹ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. т. 23, с. 303.

² Там же.

построения социума. И вместе с тем видно: здесь - один из чувствительных пунктов целесообразной деятельности, что в какой-то мере объясняет столь настойчивую политизацию этого явления.

Общая теория систем определяет иерархию как разноуровневое распределение частей (элементов) целого по степени общности их функций (свойств). В общественной жизни иерархия выступает в качестве упорядочивающего начала в условиях целевого и функционального разброса. Во-первых, иерархия функционирует как власть, устанавливающая пределы совершаемым поступкам и ограничивающая произвол целеполагания.

К. Маркс определял власть как “присвоение чужой воли”. Это может быть достигнуто только путем ограничения свободы социальных функций человека и наличием принуждения.

Во-вторых, иерархия - это возрастающая снизу вверх централизация. По этой вертикали индивидуальные цели теряют свою актуальность и уступают место целям всеединства. Это следствие невозможности непосредственного взаимодействия большого количества людей в форме взаиморегуляции, и по этой причине требуется выделение посредника - должностного лица. На этом уровне требуется консолидация совместной деятельности в виде рациональной координации действий по целеосуществлению и ранжированию использования средств согласно не здравому смыслу, а приказам, распоряжениям, указаниям.

В-третьих, как власть и централизация, иерархия представляет собой форму разделения труда по координации действий в направлении реализации социальных программ не только по вертикали, но и по горизонтали на общие и частные функции, на решение и исполнение. В рамках иерархии управление целесообразной деятельностью структурируется, а сама управленческая элита стремится к кастовой замкнутости, создавая особый тип целей - цель сохранения и присвоения функций управления.

В-четвертых, иерархия стремится к безличности власти (особенно в среднем своем звене), стремиться прикрыться снизу необходимостью

координации, а сверху - нормативным регулированием в виде законов, приказов и распоряжений на основе делегированных законом полномочий. Здесь цели приобретают обязательный характер и их исполнение контролируется.

В-пятых, иерархия выступает и в виде человеческого отношения как модель односторонней личной зависимости одного человека от другого, и на этом уровне также выстраивается приоритет целей: цели субъекта зависимости предпочтительнее целей объекта зависимости. Это значит, что один из людей может воздействовать на положение, цели и поведение другого без того, чтобы этот другой мог также поступать по отношению к нему.

В-шестых, ступени иерархии приобретают непререкаемый статус и функциональную определенность, и соответственно, выстраиваются приоритеты целеосуществления, они становятся не имманентными, а делегированными.

В-седьмых, связь по субординации в иерархии не может регламентироваться полностью. Административно-правовые нормы не носят абсолютного характера: в идеале, в зоне запрета находятся только поступки разрушающие систему, поэтому существует диапазон выбора характера и способов влияния и воздействия на субъектов нижних слоев власти. Опираясь на юридические нормы можно сказать, что решение многих вопросов остается на “личное усмотрение” вышестоящего должностного лица.¹

Таким образом, в совокупности всех этих особенностей целевое управление и власть существуют как административно-правовое явление, планирующее и ранжирующее исполнение ступеней социальной “лестницы целей”, где реализация личных целей есть следствие реализованных целей глобального социального характера.

Однако как бы жестко ни функционировала вертикаль власти, на нее всегда оказывают побочное влияние результаты реализации индивидуальных целей, которые по причине их социальной атомарности не входят в

регулятивное поле. Они влияют на социальную обстановку, что называется в конечном итоге, например, движение “несунов” на самом излете существования СССР. Каждый из производителей что-то уносил домой с предприятия, и этот поступок в отдельности не мог влиять на систему распределения в стране, но в совокупном виде это движение стало одним из факторов развала плановой экономики. Это феномен чеховского злоумышленника, который отвинчивал гайки на железной дороге с целью использовать их как грузило рыболовной сети, не подозревая о возможности крушения поезда.

Такие явления обнаруживаются как “боковые” воздействия на власть, или же как формальное не канонизированное воздействие на целесообразность исполнительского поведения непосредственно. Властная вертикаль оказывает воздействие на цели отдельного человека, законодательно закрепляя его положение в совокупности социальных ролей, а индивидуальное целеосуществление воздействует на систему управления и власти, опосредованно через совокупность индивидуально целесообразных поступков.

Кроме того, само социальное управление формирует особую сферу целей, реализация которых совершенствует уровень упорядоченности социальных процессов, обеспечивает предвидение их будущего состояния и планирование форм соединения социальных целей с наличными средствами реализации.

Главной характеристикой деятельности по реализации целей выступает ее целесообразность, то есть степень соответствия самого процесса и технологии реализации их результатов данной цели. В этом смысле можно говорить о задачах целеосуществления: интеграция, единение отдельных целесообразных действий и субъектов деятельности в направлении совместных целей, корреляция целей, предупреждение отклонений от цели, координация достижения несовпадающих, но одновременно осуществляющихся целей и т.д..

Формирование цели не тождественно ее принятию в качестве модели деятельности, здесь происходит непрерывный процесс селекции целей, когда цели одной подсистемы - лишь средство для другой и т. п. Сложности

¹ Яковлев Г.С. Аппарат управления: принципы организации. М.: Юридическая литература, 1974, с. 63.

целеосуществления связаны с безостановочной эволюцией самих целей, их корреляцией по отношению к естественным и социальным факторам среды деятельности, с изменением их соотношения и последовательности.

Нельзя не сказать здесь о соотношении “прошлых” целей и “живых”. “Прошлые” цели, находясь в снятом виде, в достигнутом, выступают в роли корректирующего начала в определении “живых”, то есть еще не материализовавшихся целей, в них - мера, соотношение между здравым смыслом и поиском новых форм целеосуществления. Темп социальной жизни ускоряется, поэтому традиционные формы целеосуществления могут стать фактором стагнации, если не подвергаются коррекции с позиций открывшихся новых возможностей и средств.

В целесообразности и мотивациях труда в системе распределения социальных функций особое место занимает целенаправленное управляющее воздействие, ибо его осуществление возможно не только при наличии фиксированной ценностной ориентации, но и при соответствующей “технологической” разработке (соотношения полномочий, методик, процедур, целей и средств). В развитых системах разделения труда выделяется социальная категория людей, занятых квалифицированным производством и воспроизводством названного взаимодействия. Это не что иное, как профессионализация деятельностью по управлению целесообразной деятельности, то есть это - цели целей. Отношения управления и власти означают относительное - профессиональное обособление целей от исполнителя, или, точнее сказать, здесь цель принимает форму решения, обязательного к исполнению. Система власти, существуя как особый институт, на всех уровнях, хотя и в разных формах, воспроизводит отношение между двумя стремящимися к целеосуществлению системами, как отношения между управлением и исполнением.

Другой вид целенаправленного управляющего воздействия - самоуправление. Это означает, что, кроме независимой иерархии управления, в каждом социальном подразделении, группах и подсистемах существует своя

система регуляции целей и целеосуществления, и в этом смысле любую социальную организацию можно считать самоуправляемой. Следует различать кибернетическое и социальное понимание самоуправления. С точки зрения теории информации система может считаться самоуправляющейся, если она обладает структурной и функциональной автономией по отношению к внешней среде, и ее поведение не полностью детерминировано извне, то есть она имеет некоторые степени свободы. Это же в значительной степени можно отнести и к любой целесообразной социальной общности. С философской точки зрения самоуправление носит целесообразный характер и выступает как форма участия всех членов коллектива, группы или организации в формировании локальных целей и методов их реализации, поскольку любая форма централизации власти не может быть абсолютно глобальной.

Основные типы целеполагания и целенаправленной, ориентированной, информационно наполненной, имеющей субъективный смысл деятельности человека, стремящейся к целеосуществлению, рассматриваются философией, психологией, теорией управления и теорией организации. И в каждой из наук и научных направлений отсутствует незаинтересованная полнота и всесторонность описания взаимосвязанных диалектических этапов целеполагания и целеосуществления. Отсюда можно сделать вывод, что проблема имеет междисциплинарный характер и требует системного подхода.

При описании системы целей (в глобальном содержательном смысле) деятельности, ее этапов и ориентиров имеет смысл использовать два измерения. Первое означает направленность деятельности человека на себя или на внешний мир. Второе отражает нормативный характер ориентиров деятельности, которые могут быть продиктованы естественными потребностями и наличными средствами, и поэтому не свободным или же свободным (продиктованным знанием о должном) целеполаганием. Это позволяет учитывать характер целей (запечатленный, предваряющий образ поведения), классифицировать их по характеру связей со средствами, по

личностным и социальным ориентирам, по содержанию и методам их реализации.

Очень сложной и плохо изученной является важнейшая проблема рациональности, осознанности цели в процессе целеосуществления как формы поведения. Здесь отмечаются три фундаментальных ограничения целерационального поведения:

- основание цели этого поведения лежит вне его, в сфере ценностей и идеалов человека;

- только в ситуациях, хорошо ему известных, человек использует логику целерационального действия, только когда он отчетливо осознает свои цели и может рассчитывать на их соединение со средствами;

- целерациональное действие, «технически» относясь к средствам, то есть давая им некий статус самостоятельности, оценивая их только по их полезности, но не содержательно, тем самым делает возможным подмену целей средствами, утрату целей и как результат утрату моральной определенности средств, используемых в процессе целеосуществления.¹

Наиболее существенен третий тип ограничений, так как связан с философской интерпретацией целенаправленной деятельности человека, которая сформировалась за последнее столетие. Для него характерно, во-первых, вынесение феномена целеполагания за пределы функционирования и деятельности и, во-вторых, однолинейная интерпретация рациональности. В современных трактовках целенаправленного поведения человека механизм и структура целеполагания или вообще не учитываются (цель берется как данность), или отождествляются с механизмом целеосуществления (при этом часто утверждается, что цели выбираются так же, как и средства). Целерациональность, в лучшем случае, понимается как осознание

¹См. Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969, с. 73-144; Дробницкий О.Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М.: Наука, 1974, с. 388; Наумова М.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1988, с.50-78; Огурцов А.П., Юдин Э.Г. Деятельность // БСЭ, 1972, т. 8, с. 180-181.

последовательности и логичности поведения или как способность теоретически обоснованно, а не интуитивно переходить от этапа к этапу целеосуществления¹.

Между тем существовал и другой подход к проблеме. Он рассматривал целеполагание в качестве необходимого и системообразующего элемента деятельности, имеющего сложную структуру и специфические механизмы функционирования.² Сейчас происходит возвращение именно к этой модели рассмотрения, которая имеет единственный недостаток: она интерпретирует целеполагание без сложной диалектики целедостижения, на протяжении которой цели корректируются и преобразуются. Полагается, что в сознании цель уже объединена со средствами и в деятельность адресуется как план, которому человек неукоснительно следует, боясь искажения первоначального содержания замысла.

Но описание ориентиров различных типов поведения в целедостижении, на наш взгляд, позволяет показать функциональную избыточность механизмов и структур целеполагания, которые показывают многовариантность жизненной стратегии. В этой стратегии отдельная цель мыслится как момент, этап и уже поэтому подлежит коррекции согласно включенным в целедостижение системам ценностей и моральных критериев средств. Здесь можно говорить только о генетической связи цели с процессом ее реализации. В целедостижении цель выступает как проектная сущность использования средств, как идея должного, как отражение социальных и культурных норм, как инструментальная модель, как ориентир деятельности на основе культурных универсалий. Следовательно, целереализация - это одномерная модель многообразия целеполагания, свершившийся факт ориентированного поведения, где замысел непрерывно корректируется под воздействием практически примененных средств в их функциональном единстве в сознании. Следует также заметить, что этот процесс имеет существенный побочный

¹ Огурцов А.П. Юдин Э.Г. Деятельность // БСЭ, 1972, т. 8, с. 180-181.

² См. Психологические целеобразования. М.: Наука, 1977, с. 5-20; Юдин Э.Н. Отношение философии и науки как методологическая проблема // Философия в современном мире. М.: Наука, 1972, с. 146-179; Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975, с. 89-105 и др.

результат, не фигурировавший в первоначальном замысле деятельности, - это самореализация человека и его свободы.

На основании изложенных аргументов можно сформулировать некоторые итоги рассмотрения:

1. По мере ускорения темпов общественной жизни и возрастания роли субъективного фактора усиливается роль качества управляющего воздействия системы власти в обществе (новые формы, средства, новое содержание, новые цели). Расширяется сфера социального управления, и в нее включаются ранее не управляемые объекты. Этот механизм строится на взаимодействии таких его механизмов, как целеполагание и целеосуществление. Суть не только в получении результатов деятельности, а в получении результатов, заранее спланированных.

2. Главной характеристикой творческих усилий по реализации цели является ее целесообразность, то есть степень соответствия процесса и технологии достижения, их результатов данной цели.

3. В наибольшей мере сложность целеосуществления связана с необходимой эволюцией самих целей, их коррекцией и преобразованием, изменением их соотношения и последовательности.

4. Единство целеполагания и целеосуществления - это важнейшая основа эффективности социального управления. С точки зрения конечного результата, определение целей-заданий и разработка технологии их реализации равноправны. Выбор и выработка человеком целей является социальным творчеством, так как целевое поле многообразно, и в нем субъективные и объективные факторы находятся в сложном переплетении.

5. Этапы целедостижения не могут быть прямо выведены, “определены” из объективного хода развития какой-то социальной системы (коллективы, группы, общества), ибо их содержание подвержено воздействию непрерывно воспроизводящих себя интересов (общественных, коллективных, личных), приоритетных в данных условиях.

6. Сущностно главной характеристикой совокупных усилий по реализации цели выступает ее целесообразность, то есть степень соответствия процесса и технологии достижения их результатов соответствующей цели. Поэтому основополагающими можно назвать следующие задачи целеосуществления: коррекция целей в процессе их соединения со средствами, координация разных, но одновременно осуществляющихся целей, предупреждение отклонений от цели, интеграция факторов и субъектов деятельности в направлении интегральных, общих целей, ранжирование на переходные и перспективные цели и т.д..

7. Формы целеосуществления имеют многовариантный характер, зависящий от состояния и интенсивности средств, от социальных возможностей, от взаимовлияния целей, от форм их внешней коррекции и от состояния и уровня социального прогноза, который играет роль наложенного предваряющего знания на образ желаемого, мыслимого, вариативного.

8. Структуры социальной деятельности через множественность внешних, по отношению к личности причин корректирующе влияют на содержание самодетерминации целей через их субъективные мотивы, которые оказывают обратное и формообразующее воздействие на характер и структуру социальных целей.

9. В структуре социальной деятельности целеосуществление играет роль критерия эффективности сознательного самопроектирования человека, который в локальных формах деятельности реализует свои интересы, создает и себя как субъекта целеполагания.

10. В целеосуществлении проявляет себя культура целеполагания, его правовые и моральные критерии, а также гуманность или антигуманность используемых средств реализации личных и общественных целей.

11. В системе целеосуществления управление циклами и формами соединения целей со средствами и планирование осуществления целей имеет характер иерархии, которая и выстраивает целевые приоритеты от социально-атомарных, личных до глобально спроектированных социальных.

12. Субъективно реализация цели выглядит, как снятие психологического дискомфорта, неудовлетворенности по отношению к тому, что уже реально освоено. Следовательно, это снятие противоречия между реальным и желаемым.

§3 Формы коррекции целей в процессе их реализации в социальной среде

Формирование цели - очень сложный и многоплановый процесс. В нем, в снятой форме, содержится вся история человека как активно действующего субъекта, который сначала отделяет себя от природы и предмета деятельности, а потом это внешнее, закреплённое познанием, делает объектом целеполагания. Это и есть начало отстраненности от власти среды, которая присутствует в функционировании не как условие, а как знание этих условий. С этого, собственно, начинается ощущение свободы, некая независимость от среды, от натуры. Расширение фронта взаимодействия со средой, запараллеленное с расширением социальных связей деконкретизирует само осознание и сущность свободы. Это вызывает многоплановость ее понимания, но точкой отсчета по-прежнему является цель, так как, будучи независимой в момент формирования от отягощенности действием, создает иллюзию полной независимости от материальной среды. Это состояние дает возможность многопланового толкования вариантов опредмечивания, реализации цели. Американский социолог-публицист С. Ниринг, анализируя развитие буржуазного общества, так говорит о причине внимания к понятию свобода:

“В поисках лозунга, который стал бы аксиомой и саморекламой, современные западные лидеры перебрали целый ряд эпитетов, как-то: “цивилизованный”, “христианский”, “западный”, отвергнув их по причинам неэффективности и неубедительности. Они остановились на слове

“свободный”, услышав в его звучании самый вдохновенный всеобъемлющий и убедительный панегирик западному образу жизни”.¹

В.И. Ленин еще в 1919 году писал, что “капитализм и против нас выдвинет знамя свободы”.² И был совершенно прав. Действительно, политика большевиков, задача которой была сформулирована достаточно откровенно: “ликвидировать эксплуататорские классы”, не могла не восприниматься как нарушение свободы личности. Преследование социальных слоев, которые были лишены собственности, было целью алогичной, так как гражданская война этими слоями была проиграна, и разумнее было бы поставить вопрос о национальном примирении.

В категориальном смысле слово свобода - это социальное понятие, хотя существовали, да и сейчас существуют идеалисты, которые писали о наличии свободы в неорганической и органической природе (например, о свободе воли в микромире писали А. Эддингтон, Д. Джинс и др.).

В наше время, как и раньше, вокруг понятия свободы идут бесконечные дискуссии. В истории философии вопрос о свободе и необходимости, как уже говорилось, сводился в основном к проблеме свободы воли. Метафизический материализм этой проблемы решить не смог и не пошел дальше противопоставления свободы необходимости и довел это противопоставление до взаимоисключаемости.

По-настоящему успешную попытку связать свободу и необходимость предпринял Гегель. Он писал: “Свобода, которая не имела бы внутри себя никакой необходимости, и одна лишь необходимость без свободы - суть абстрактные и, следовательно, неистинные определения. Свобода существенно конкретна, вечным образом определена внутри себя, и, следовательно, вместе с тем необходима”.¹

Осознание необходимости, однако, автоматически не ведет к свободе, а всего лишь к постановке на основании этого познания целей, реализация

¹ Ниринг С.. Свобода: обещание и угроза. М.: изд. “Прогресс”, 1966, с. 75-76.

² Ленин В.И.. Полн. собр. соч., т. 38, с. 247.

которых и есть один из моментов всеобщего процесса превращения необходимости в свободу через деятельность.

Реализация свободы предполагает осуществление главнейших целей; в свою очередь достижение определенного уровня свободы становится возможностью для движения вперед, для постановки качественно новых целей.

Цель, целеполагание и свобода являются предметом рассмотрения современной философии, и наибольшее внимание ей уделяют прагматисты (С. Хук, Г. Каллен, Д. Рэнделл и др.), операционалисты (П. Бриджмен, А. Рапопорт), экзистенциалисты и другие течения и школы современной философии. Это рассмотрение характеризуется предельной субъективизацией категорий цели. Большинство этих теорий сходятся в отрицании предметного содержания целей индивида. Есть даже случаи отказа от постулата зависимости цели не только от внешнего мира, но и от мышления человека (феноменолог М. Мерло-Понти).

Выступления современных философов субъективистского направления в прессе и на философских конгрессах в Мексике и в Вене по данной проблеме позволяют сделать вывод, что они стремятся сначала истолковать материалистические воззрения как проблему, а затем подвергнуть критическому анализу свои измышления под видом критики действительной концепции марксизма.²

Они считают, что если быть логически непротиворечивым, цель как категория, характеризующая стремление субъекта, не может быть применена к истории, поскольку тем самым отрицается субъективный характер исторического процесса. На XIV-ом Международном философском конгрессе с такой концепцией выступали американский философ Ф. Адельман, известный французский философ П. Рикер и др.¹

Неатомист иезуит Ф. Адельман пытался “подправить” диалектико-материалистический детерминизм с помощью воспринятого Фомой Аквинским

¹ Гегель В.Г. Соч., т. I, М.-Л., 1929, с. 73-74.

² См. Человек и эпоха. М.: 1964; Философия и современность. М.: 1971.

учения Аристотеля о четырех родах причин: причине целевой, причине формальной, причине действующей, причине материальной. Это не что иное, как попытка дополнить детерминизм телеологией, а материальную обусловленность всех проявлений действительности - божественным предустановлением. В своих рассуждениях о свободе воли он говорит о ее независимости от мотивов, что люди могут следовать объективной необходимости (или поступать вопреки ей) лишь постольку, поскольку они обладают свободной, независимой от необходимости волей.² Неопозитивист К. Поппер впадает в другую крайность, разрывая деятельность и необходимость: “Будущее зависит от нас самих, а мы не зависим ни от какой исторической необходимости”.³ Это утверждение вытекает из отношения

К. Поппера к возможности познания общественной жизни. Он доказывает, что наше знание законов общественной жизни можно получить только в терминах ограниченных гипотез, которые можно проверять индивидуально.⁴ И цель человека состоит не в стремлении подтвердить в опыте действительность своих знаний и стремлений, а в опровергаемости, т.е., по К. Попперу, настоящими научными доказательствами являются те, которые могут быть опровергнуты опытом.⁵ На этом основании К. Поппер отвергает марксизм, как теорию, в которой отсутствует принципиально “опровергающие” возможности.

Излишне доказывать, что это утверждение является ложным, поскольку марксистская методология содержит в себе требование принципиальной опровергаемости научных теорий. Если и критиковать марксизм в данном отношении, то за скрытое игнорирование субъективных целей в пользу глобальных общественных целей. На фоне утверждения, что основным противоречием эпохи является противоречие между двумя системами, декларация “все для человека и во имя человека” выглядит как идеологическое

¹ См. Философия и современность. М.: 1971.

² Там же, с. 29.

³ См. Философия и современность. М.: 1971, с. 117.

⁴ Хилл Т.И. Современные теории познания. Пер. с англ., М.: 1965, с. 418.

⁵ Хилл Т.И. Современные теории познания. Пер. с англ., М.: 1965, с. 419.

уничтожение капитализма, а мирное сосуществование -условие, на котором капитализм может капитулировать.

Для того, чтобы ставить и реализовывать свои цели, человек должен не “примысливать” своего существования, а быть твердо уверенным в реальности существования мира и познаваемости его. В.И. Ленин о субъективно-идеалистической концепции “примысливания” человеческого сознания к природе до человека писал следующее: “Софистика этой теории так очевидна, что неловко разбирать ее. Если мы “примыслим” себя, то наше присутствие будет воображаемое, а существование земли до человека есть действительное. На деле быть зрителем раскаленного, к примеру скажем, состояния земли, человек не мог, и “мыслить” его присутствие при этом есть обскурантизм, совершенно такой же, как если бы стал я защищать существование ада доводом: если бы я “примыслил” себя, как наблюдателя, то я мог бы наблюдать ад”.¹ Исходя из этого, можно сказать, что марксизм ориентируется на конкретный фактический анализ конкретной ситуации. Только таким образом понимание человеческого познания и целесообразной деятельности людей конкретизируется, объясняя в себе здравый смысл и научную позицию.

Особенно широко в идеалистической философии представлены пессимистические теории, проповедующие полное бессилие человека как перед общественной машиной, так и перед природой или перед лицом “судьбы”, представляющей все явления в мире. Напротив, родившийся в условиях жестокой капиталистической конкуренции прагматизм и ряд других субъективно-идеалистических школ буржуазной философии считают, что человек абсолютно произвольно выбирает линию своего поведения и средства реализации своих целей. При всей своей противоположности эти две точки зрения исходят из общей предпосылки: они метафизически противопоставляют необходимость и сознательную деятельность людей, которая характеризуется, прежде всего, возможностью ставить цели и реализовывать их.

¹ Ленин В.И.. Полн. собр. соч., т. 18, с. 74.

Эта позиция в значительной мере присуща современным экзистенциализму, прагматизму, неотомизму и др. За небольшим исключением под свободой понимают независимость от познания, а цель или заранее определена, или играет роль некоего пробного камня, при помощи которого человек каждодневно убеждается в своей бессилии что-нибудь изменить в окружающей действительности.

Предтечами современных волюнтаристических мотивов в буржуазной философии были А. Шопенгауэр, Ф. Ницше. Весьма характерным примером волюнтаристического отношения к свободе и причинности является современный прагматизм, представители которого совершенно откровенно заявляют, что они “штурмуют” принцип причинности. В прагматизме свобода воли приобретает характер авантюризма, а в реализации целей предлагается руководствоваться “инстинктом”. Активность трактуется как жажда наживы и власти, а методы и средства не подвластны моральным оценкам.

Один из создателей прагматизма У. Джемс пишет, что стремление человека - это его единственная реальность. Мы можем предположить существование реальности, физического мира, но никаких заслуживающих доверия доказательств его действительного существования у нас нет и быть не может. У. Джемс отрицает возможность проникновения, а значит и использования в целесообразной деятельности мира сущностей, для него это некий недоступный науке идеальный мир. Он утверждает, что мы не знаем, каков мир в действительности, не можем знать его внутреннего смысла, уподобляясь в этом смысле комнатным собакам: “Они ежеминутно присутствуют при внешнем течении событий, внутренний смысл которых совершенно закрыт для их ума”.¹ И все же следует оценить четкость познавательного сомнения не только в данной фразе, а концептуально, что всегда было плодотворно в философии.

¹ См. Джемс У. Зависимость веры от воли. СПб., 1904, с. 65, а также его же: Вселенная с плюралистической точки зрения. М.: 1911, с. 170.

Связь науки с целями человека У. Джемс скрывает в тумане скептицизма и агностицизма, приближаясь в этом отношении к философии жизни В. Дильтея, с его представлениями о жизни как неподвижности многообразия переживаний и о внешнем мире как объективизации жизни.¹ Таким образом, цель человека замкнута в себе, и не человек реализует свои цели на основе познания, а чувства, переживания, субъективное проецируются вовне, формируя внешнюю реальность.

Воззрения прагматизма на целесообразную деятельность чисто интуитивны, в них “акт познания совпадает с актом, порождающим действительность” и “исчезает различие между тем, кто познает, и тем, что познается”. По сути дела, такое понимание познания и деятельности стирает грань между объективным и субъективным, бытием и познанием. Особенно это характерно для А. Бергсона, который широко открывает дорогу субъективизму и религиозной фантастике.²

Вполне в духе философии жизни У. Джемс замыкает круг на иррациональном “Я”: “Индивидуальность покоится на чувстве тайны: темные, слепые складки характера представляют единственные в мире точки, где мы касаемся живой текучести реальности, где непосредственно познаем, что и как происходит. В сравнении с этим миром живых индивидуальных чувств мир обобщенных объектов, созерцаемых нашим разумом, представляется нереальным и безжизненным. Как в стереоскопических или кинематографических снимках, рассматриваемых простым глазом, в этом мире разума нет третьего измерения, нет движения, нет жизни”.³ В дальнейшем воззрения У. Джемса определили аморализм англо-американского прагматизма в оценке индивидуальных целей человека, ведь для прагматизма “ось

¹ См. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах. // Новые идеи в философии. № 1, СПб., 1912.

² Философская энциклопедия. М.: т. I, с. 147.

³ Джемс У. Многообразие религиозного опыта. М.: 1910, с. 491.

реальности проходит исключительно через эгоистические центры, которые нанизаны на ней, как четки”.¹

Утилитарный подход прагматизма к знанию выражается в следующей установке У. Джемса: любую проблему, сколь бы абстрактной и метафизической она ни казалась, ставь в непосредственное отношение к целям, нуждам и запросам отдельного человека. “Какая получится для кого-нибудь практическая разница, если принять за истинное именно это мнение, а не другое? Если мы не в состоянии найти никакой практической разницы, то оба противоположных мнения почти одно и то же, и всякий дальнейший спор здесь бесполезен”.²

Следовательно, прагматизм признает единственно правомочными только ближайшие цели и недоверие к науке превращает в недоверие к перспективам деятельности.³ Свобода в выборе цели превращается в бесцельный произвол, поскольку прагматизм отказывается от детерминированности целей человека объективной действительностью. Теоретически понять мир как причинную обусловленность, в которую входят и законы человеческой деятельности, для прагматизма означает встать на позиции материализма, неприемлемые для него прежде всего по идеологическим соображениям. И суть не только в идеологической заостренности марксизма, а и в идеологической заостренности прагматизма против материализма вообще.

Экзистенциалисты считают, что сущность свободы заключается в том, что человек делает выбор, на что-то решается. Следовательно, и экзистенциалисты отрывают свободу от обусловленной социумом деятельности, переносят ее лишь в сферу сознания, но даже проблему “или-или” они трактуют в чрезвычайно узком, субъективистски-иррациональном плане. К примеру, К. Яспере связывает выбор с существованием: “Свобода есть

¹ Там же, с. 489.

² Джемс У. Прагматизм. Спб., 1910, с. 33.

³ См. об этом более подробно: Богомолов А.С.. Англо-американская буржуазная философия эпохи империализма. М.: 1964; Уэллис Г.. Прагматизм - философия империализма. М.: ИЛ, 1955; Ермоленко Д.В.. Современная буржуазная философия США. М.: 1965; Хилл Т.И.. Современные теории познания. Пер. с англ., М.: с. 281-359; Соколов В.В.. Европейская философия 15-17 веков. М.: 1984.

выбор моей самости... если меня нет, то я не выбираю”.¹ Таким образом, понятие свободы доведено до парадокса, у человека нет возможности выбирать, он не может освободиться от своей свободы.

Согласно С. Кьеркегору, человек не ставит цель по своему выбору, а лишь следует своей природе, и его свобода воли выражается в том, что, отвернувшись от социальной действительности, он выбирает самого себя и тем самым получает возможность выбрать абсолютную субъективность - бога. Следовательно, передавая свою свободу богу, человек уже не может ставить цели. С. Кьеркегор пишет: “... если захотеть достигнуть полного равенства, необходимо начисто устранить “мирское”, а когда полное равенство достигнуто, тогда “мирское” прекратило свое существование... Лишь религиозное может при помощи вечного провести до конца человеческое равенство, человечность, богоугодное, священное, не мирское, подлинное, единственно возможное человеческое равенство...”.² В действительности, выбрав себя, передавая свою сущность богу, человек должен приобрести свойства ранее не присущие ему, “...стать чем-то таким, что он еще не есть, а именно эгоистом, эгоист же этот определяется как “всемогущее Я”, в котором своеобразная мощь превратилась из действительной мощи в «Я», во всемогущество, в фантастическое представление мощи”.¹

Марксизм признает существование проблемы свободы воли. Эта проблема входит в более широкую проблему диалектики взаимоотношений субъекта и объекта. Внутренняя свобода человека - это специфически человеческая согласованная работа сознания, воли и нравственных сил человека в процессе его целенаправленной и целесообразной деятельности, возможность самостоятельно осуществить выбор, поставить цель и реализовать ее.

К сожалению, политическая практика отошла от первоначальной теоретической чистоты положения о свободе воли. В государственной практике

¹ Yaspers. K. Philosophie, Vol. II, Berlin, 1932, s. 181.

² Кьеркегор. С.Единичный. // Б.Э. Быховский. Кьеркегор. М.: 1972.

до 50-х годов преобладало требование жертвенности ради великой цели, которая оправдала себя только во время войны с фашизмом. Сохранение этого требования в условиях мирного строительства ради скорейшего построения коммунизма означало ничем не оправданный отход от гуманистических принципов самого марксизма.

Экзистенциалисты, отрывая человеческую сущность от общественных отношений, составляющих среду жизнедеятельности человека, тем самым отказывают человеку в праве созидать свою свободу путем целесообразной деятельности, возможности самостоятельно осуществить выбор, поставить цель и реализовать ее. Научный анализ социума свидетельствует, что свобода реализуется путем материализации целей человека через деятельность, которые он непрерывно корректирует с социальной практикой и культурными универсалиями. Человек, осознавая и реализуя потребности, созидает свою общественную свободу. Эта свобода через познание и общественные институты созидает свободу воли как возможность трудиться, самореализуясь. Думается, что если приписать человеку каждодневную заботу о благе человечества, это будет беспочвенным преувеличением, но признать каждодневную коррекцию индивидуальных целей, в том числе и с вечными ценностями, вполне разумно.

Условно свободу можно разделить на внешнюю социальную и личную внутреннюю. Внутренняя свобода - это есть свобода воли, свобода целеосуществления, взятая как уверенность в совпадении личных целей с объективными закономерностями действительности и как постоянная возможность коррекции целей в соответствии с изменившимися обстоятельствами и личными предпочтениями.

Право и мораль выступают в качестве регулятора внутренней свободы. Однако проблема свободы в морали и праве как формах общественного сознания не может быть сведена к свободе воли потому, что содержание морального, правового и политического регулирования зависит от достигнутой степени социальной свободы. Более того, социальная свобода - главнейшее

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 258.

условие свободы воли. От нее зависит, получит ли человек возможность реализовать свои необходимые цели или укрепитесь в сознании своего бессилия перед природными и социальными силами.

Господство человека над собой в том и состоит, что его силы направлены на достижение общественно значимой цели. В то же время общественная свобода проявляется и существует через осознание отдельными людьми необходимости активной деятельности и уверенности в ее полезности.

Значит, с одной стороны, свобода - наличие условий деятельности, с другой стороны, - мотивированная активность членов общества в реализации общественных и личных целей. При этом свобода воли не исчерпывается свободой выбора. И дело состоит не только в том, что свобода выбора лишь первая ступень свободы, а и в том, что в наиболее высоких стадиях она переходит в свободу общества.

Важно также заметить, что свобода воли есть условие целеполагающего фактора, некий феномен, превращающий идеальный процесс целеполагания во внутренне мотивированный, потенциально осуществимый, корректируемый. Напротив, представитель персонализма У. Э. Хокинг утверждает, что первичными являются цели, которые ставит персона (бог), что цель является господствующей и управляющей по отношению к причине.¹

Для субъективного идеализма характерен отрыв цели от объективных условий, цели для него - явление первичное, связанное с ничем не детерминированным сознанием человека, следовательно, целеполагание и в этом отношении ничем не отличается от произвола. "Единственное реальное основание, которое я могу придумать, почему вообще что-либо появилось на свет, - писал У. Джемс, - это то, что кто-то желает, чтобы оно появилось".²

Безусловно, любой подход к проблеме соотношения цели и свободы предполагает серьезное исследование проблемы личности. В современной

¹ См. Богомолов А.С.. Англо-американская буржуазная философия эпохи империализма. М.: 1964.

² Джемс У. Прагматизм. Спб, 1910, с. 176.

буржуазной философии проблема человека ставится или крайне абстрактно, или через описание конкретных форм функционирования.

Французский философ М. Дешу в докладе на XIV-м философском конгрессе предложил некое “соломоново решение”: пусть одни занимаются философским обобщением конкретных наук, и это будет “философская антропология”, а другие - решают чисто философский вопрос “что такое человек?”, и это будет “антропологическая философия”.¹

Среди признаков, характеризующих человека, американский философ А. Стерн назвал интеллект, способность к созданию символических систем, ценностное отношение к миру и сознательное творение своей истории.² Активность человека ее характер, динамика и взаимосвязь целей остались за пределами определения, так как субъективистская философия не знает общественного человека.

Будучи вытесненным из сферы управления, человек теряет свою индивидуальность. Его цели становятся только его личными целями, и их общественное содержание проявляется только суммарно. Цели же общества, по сути дела, враждебны ему, они лишают его возможности проявить свою истинно человеческую сущность не только в производстве, но и в межличностных отношениях; он не только не может их корректировать, но и отчужден от них. Естественно, что в таком социальном климате индивид воспринимает общество и других людей как нечто чуждое, от чего он не в состоянии избавиться.

Справедливо пишет Р. Миллс: “Жизнь в обществе изолированных друг от друга, социально инертных людей вселяет в человека неуверенность и способствует развитию чувства собственного бессилия: такая жизнь заставляет людей ощущать какое-то беспокойство и неясную тревогу”.³ В результате человек теряет веру в свои силы, чувствует бессмысленность своего

¹ Философия и современность, М.: 1971, с. 336-337.

² Миллс Р. Властвующая элита. М.: 1959, с. 23.

³ Миллс Р.. Властвующая элита. М.: 1959, с. 431-432.

существования. Это питательная почва для пессимизма в понимании целеполагания и свободы. А. Тоффлер назвал современное общество «обществом одноразовых стаканов», в котором перемены происходят гораздо быстрее, чем человек успевает их осознать. Ответом на это могла бы стать унификация целей и снижение их коррективности. Человек всегда соотносит свои цели со своим положением в обществе, которое он стремится сделать стабильно оптимизирующимся, но...

А. Тоффлер пишет : «Перемены создают совершенно новый климат и набор проблем. Изменение организационной структуры ведут к сокращению отношений человека и любой организации. Человек должен постоянно менять ориентиры. Современный человек слишком часто переходит из одной подчиненной структуры в другую. Но даже если он остается на том же самом месте, сам отдел перестраивается согласно быстро меняющемуся табелю о рангах, и его положение в общем лабиринте изменяется»¹. Дестабилизация отношений человека и организаций приводит к утере связи индивидуальных целей человека с общественными, к потере уверенности в возможности коррективного воздействия на общественные цели. Ответным ходом человека может стать то, что он на выборах голосует против тех, кто в данное время находится у власти. Однако, пришедшая к власти оппозиция, - это смена персоналий, а не социальной обстановки.

Экзистенциалистическая интерпретация проблемы свободы тесно связана с ее религиозной интерпретацией. Это четко проявилось, к примеру, в докладе на XIII философском конгрессе известного итальянского спиритуалиста М. Шакка “Структура свободы в онтологической “конституции” человека”. Шакк усматривает источник свободы в перманентной связи человека с богом, в мистической ориентации на трансцендентальное. По его мнению, человек проявляет себя как свободное существо только тогда, когда он отрешен от

¹ Тоффлер А. Футурошок. Санкт-Петербург, 1997, с.99.

своих мирских целей и планов, и это его состояние не его автономное свойство, а свойство мистического “бытия”.

Реальное бытие свободно, поскольку оно индетерминировано. «В этом смысле свобода, - заявляет Шакка, - не проявляется, она утверждается, она есть акт, из которого рождаются все проблемы, которые ей присущи...»¹

Испанский философ Адольф Муньес Алонсо в докладе “Человек без крова” на этом же конгрессе приходит к выводу, что свобода для современного человека - это тягостное бремя. И в силу ее враждебности своей сущности человек стремится освободиться от нее. Алонсо заявляет: “Свобода оголяет человека, освобождает его от естественного одеяния, которое его укрывает, и помещает в область полного отчуждения, оставляет без крова. Находясь без крова, во власти стихии и перед насилием, споря с непогодой или поддаваясь ей, - это и есть страшное состояние человека”.²

Следовательно, свобода не есть свойство, присущее самому индивиду, поскольку он стремится от нее освободиться, а внешняя враждебная сила, навязываемая общественным развитием. Значит, человек в своих целях не реализует свою сущность как свободное существо, а только стремится защитить свою индивидуальность от враждебной ему среды. Экзистенциализм здесь в значительной степени отражает кризис личности, ее целевой голод, т.е. невозможность в существующих социальных условиях сочетать личные цели с условиями среды целеполагания, корректировать одно с другим. Это отражение несомненного противоречия - между личностью и социумом как ее внешней средой. По всей видимости, возможность достижения полной гармонии - утопия. Новейшие технологии, прогрессирующий техницизм не снимает, а порождает новые проблемы.

Целеполагание очень широко фальсифицируется защитниками философского иррационализма в различных школах прагматизма и

¹ Цитируется по тематическому сборнику докладов философов на XIII Международном философском конгрессе в Мексике Человек и эпоха. М., 1964, с. 55; Об этом же Философия и культура. VII философский конгресс. М.: “Наука”, 1987.

² Человек и эпоха. М.: 1964, с. 54.

операционализма, а также экзистенциализма. Если экзистенциалисты фальсифицируют целеполагание в рассмотрении этических проблем, то прагматисты искажают эту проблему в гносеологии. С. Хук утверждает, что данные опыта не даны, но всегда взяты как цель или результат.¹

Таким образом, через абсолютизацию выработки цели прагматисты и операционалисты приходят к определению активного опыта как идеального целеполагания. Кроме того, такие теоретики прагматизма, как С. Хук, Д. Кора, Д. Рэндэлл, Д. Гайтер заявляют, что их понимание “практики” и целеполагания есть развитие марксистского понимания этой проблемы, хотя это декларативное утверждение, так как любая абсолютизация субъективного не вписывается в марксизм. Таким образом, как они ее называют, “чистая”, абстрактная интерпретация гносеологических проблем целеполагания и практики - безысходна и в какой-то мере даже беспомощна, поскольку это попытка объяснения, а не модель функции.

Многообразие точек зрения свидетельствует о действительной сложности проблемы цели как свободы воли, большой трудности в формулировке проблемы:

1. “Человек умер” - так охарактеризовал положение индивида в современном обществе философ и социолог Э. Фромм. Это выражение краха, замкнутости личности, раскола внутреннего мира, вторжения туда социума в качестве внешней мотивации.

2. Трактовка проблемы характеризуется отсутствием исторического подхода к проблеме целеполагания и свободы.

3. Отсутствует комплексный и системный подход, т.е. всесторонний учет (с наибольшей информационной полнотой) социальных связей и взаимодействий с возможностями материального производства, а также учет их коррективного воздействия на целеполагание.

¹ См. Philosophy in the Mid-Century. Firenze, 1959, v. IV, p. 24.

4. В отсутствии социального идеала, который, в лучшем случае, характеризуется как функция, в худшем - как проблема выбора без критериев. Сюда также следует добавить важнейшее положение о взаимной корректировке цели и средства как условия реализации свободы целеполагания.

По сути дела, категории «цель» и «средство» - это выражение проблемы смысла жизни, которая воспроизводится с помощью этих категорий. При этом «средства» приобретают собственную относительную логику бытия, которая не связана с первоначальными целями, и превращается в возможность реализации целей в данной качественной структуре. Всевластие науки и техники, средств массовой коммуникации необратимо нарушает глубинные законы социальных мотиваций, даже нарушает экзистенциальный смысл самих мотивов человеческого существования. Появляется эффект зеркальности, взаимного движения - традиционное «цель - средство» дополняется феноменом «средство - цель», т.е. наличные средства индуктируют содержание целей.

Технологическое общество конца XX века, сделавшее в своей социальной, политической и экономической жизни ставку на исключительную роль рационально-логической инструментальности, оказалось перед лицом неконтролируемого потока целей, суть которого, - инверсия целей и средств. Хрупкий мир индивидуального целеполагания оказывается под прессом стандартизирующего воздействия целей социума, которые стали превращаться во все более развитый и могущественный мир средств. Логика мира средств отрывается от логики целей человека и живет по своим законам, и этот отрыв выражается в проецировании средств через цели, более того, она сама становится целью для общества. Например, цели потребления существуют в сфере непропорционально огромного предложения, которое есть результат реализации глобальной цели производства, которая сталкивается с целью потребления не в момент ее формирования, а в вариантной осуществленности, где реализация есть не производство предмета цели, а выбор уже готовых изделий.

Гегель, выражая воззрения характерные для XIX-го века, на соотношения целей и средств писал, что “в своих орудиях человек обладает властью над внешней природой, хотя по своим целям он скорее подчинен ей”.¹ Здесь в явной форме выражена убежденность, характерная для эпохи Просвещения, что человек - органическая часть природы, способная духовно властвовать над нею. Сейчас эта точка зрения - явный анахронизм. Природа - статист, а порой и жертва технотронной цивилизации, в которой масса целей и устремлений перемещается из сферы природы в область прогрессирующих от цикла к циклу материальных и организационных средств.

В логике здравого смысла прогресс средств должен привести к феномену содержательного освобождения людей от подчинения силам природы, хотя эта свобода есть не произвол, а знание законов естества. И все же этот прогресс приводит к новому типу зависимости - зависимости уже от средств. Начинается имманентная эскалация, необходимое движение этих материально-технических средств, и если на другом полюсе не защитить традиционные ценности человеческого существования, прежде всего, автономию индивидуального бытия, то и сам человек становится средством в реализации целей глобальных социальных экспериментов типа “тысячелетнего рейха” или “всемирного коммунизма”.

Совершенно очевидно, что общество, открывшее шлюзы организационных и технологических средств, должно в то же время позаботиться о страховке на случай превращения средств в самоцель, грозящую заслонить те исходные цели-идеалы, под знаком которых формировались представления о содержании будущего прогрессивного этапа.

Одним из первых еще в начале 60-х годов на это обратил внимание К. Ясперс, констатируя, что западная техническая цивилизация, вкусив блага материальной насыщенности, оказалась малоспособной выработать надежное “идеологическое” противоядие против искустельного торжества “средств производства” и “средств потребления”. Отсюда К. Ясперс сделал вывод, не

¹ Гегель Г.В.Ф. Соч., т. 6, М.: 1939, с. 205.

утративший своей актуальности и по сей день, что “технократическому социуму”, пропитанному духом техницизма и экономоцентризмом, угрожает “парализующий триумф средств над целями”.¹ Э. Гуссерль увидел кризис человеческих ценностей в том, что логико-рациональная доминанта в европейском мышлении материализовалась в неконтролируемый мир средств, в результате чего первичные интенции человеческого бытия оказались пренебрежительно редуцированы до карликового и малоавторитетного состояния.²

Собственно говоря, сама проблема не в росте материальных средств (лучший способ решения, например, экологических проблем, ничего не добывать, не производить, а только усиливать воспроизводство природных факторов, но это вульгарный утопизм), а в неконтролируемости их функционирования, когда цели, ради которых средства употребляются, теряют свою связь с ценностями, логикой социума и его историей. Это коллизии с такими не редуцируемыми принципами человеческого бытия, как гармония с природой, разумность потребностей, которые принося удовольствие, не должны разрушать человека, сокращать его жизнь, лишать его свободы и счастья. То есть традиционные ценности бытия людей с ростом материальных средств не должны утрачивать свой гуманистический “трансцендентный” пафос и содержание. Нельзя также допустить, чтобы вездесущий дух рекламы вырывался из-под контроля, культивируя и воспитывая антигуманные цели и искусственные потребности, эксплуатируя и консервируя пороки.

В 80-е годы в самый разгар “потребительского оптимизма” английский социолог Р. Хиггинс писал: “Массовое общество превращается в деморализующую силу; человек расплачивается за материальный комфорт потерей надежды, смысла и цели, короче говоря, дюркгеймовской аномалией».”³

¹ Yaspers K. Vom Ursprung und Zeit der Yeschichte. Munchen, 1952, s. 189.

² Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, изд. Агенство Сагуни, 1994, с. 135.

³ Higgins R. The Sewenth Enemy. The human factor in the global crisis. L, 1978, p. 157.

Инверсия целей и средств формально предполагает, конечно же, значительный успех в технической оснащенности всех сторон материальной жизни, мировой уровень научно-технического прогресса, но реально сопровождается девальвацией культурных ценностей и социальной значимости личности.

Огромную опасность таит в себе отставание законотворчества от целетворчества и деятельности, порядок превращается в антипорядок, ибо “жизнь творит порядок, но порядок бессилён сотворить жизнь”.¹ Кроме того, ничто не должно мешать функционированию естественных и традиционных форм регулирования, например, морали, церкви и т.д.

Другим следствием преимущества средств над целями является все возрастающая уязвимость технологического общества. Переход к рыночным отношениям, во всяком случае, в своей начальной стадии, вызывает падение морали, формирование культа легкой наживы, способствующей превращению технических средств в инструмент эгоистического давления на государство со стороны преступных, мафиозных структур, которые даже могут рядиться в одежды борьбы за национальный суверенитет. К сожалению, Россия присоединилась к порокам, о которых писал глава Римского клуба А. Печчеи: “Наше в высшей степени интегрированное индустриальное общество оказалось настолько уязвимым по отношению ко всякого рода диверсионным акциям, саботажу и вымогательствам, что порой невозможно устоять перед соблазном”.¹

Приоритет средств по отношению к целям, изменяя их традиционный статус, трансформирует преимущественно не только и не столько объективные материальные ценности, сколько мир человека, субъективный заповедник индивида, его образ мыслей и поведения. Он лишается привычного сознания автономии и реально ощущает экспансию в область его свободы воли. Рационально-логическая технология и методология становятся внутренним

¹ Сент-Экзюпери А. Соч. М.: 1964, с. 131.

содержанием образования, государственного управления и производства и порождают настоящую вакханалию электронного мышления. Это ведет к ажиотажному спросу на специалистов этого профиля, занимающихся хранением и выдачей неких интеллектуальных канонов, как это присуще современной сети Интернет. Часто это выглядит как своеобразное порабощение свободного времени человека с помощью технических средств информации, распределяющих информационные консервы в обществе.

Упрощая и унифицируя поиск и хранение информации, средства “технизированного мышления” сами по себе не имеют собственной цели, ранее само явление поиска знания во времени, на протяжении которого индивид самонаполнялся знанием и вырабатывал индивидуальную методику своих познавательных усилий, было самодостаточным, а современная унификация процесса ведет к потере ощущения социальности знания. На первый взгляд об этой утере не стоит жалеть, но только на первый, если поставить цель выработать homo standart с функционированием по типу “запрос-получение информации-использование”, но у человека есть свой путь: “цель-средство-результат”. Если цель и средство меняются местами, то под угрозой оказывается гомеостатический дуализм узкопрофессионального, общечеловеческого, узкоспециализированного и корпоративного в модели поведения, мышления и стиля жизни, кроме того, подавляется психология индивида, она становится рецессивной по отношению к доминантной технической казуальности. Современный технизированный практицизм поощряет “полноту специалиста”, а не широту культуры личности.

В связи с этим индустриальное общество смещает традиционные культурные ценности в область несущественных приоритетов, имеющих социально-историческое, а не сущностное значение и все слабее реагирует на цели, по отношению к которым “технизированный комплекс” должен выступать всего лишь как средство. Если общество создает комфортные условия только для специалистов, которые готовы идти по пути системологии,

¹ Печчеи А. Человеческие качества. М.: 1980, с. 193-194.

большей специализации, роботизации, функциональной полноты, то на первое место для человека встает стандарт полноты потребления, с помощью универсальной потребительской мотивации, провоцируется индифферентность ко всему, что выходит за пределы искусственного мира услуг и товаров массового потребления. Принявшие условия игры становятся элитой, а не способные вскочить в скоростной экспресс технического прогресса на ходу, становятся «косной массой», остающейся на периферии технотронного прогресса в ожидании естественной утилизации.

“Технотронная цивилизация”, лишаясь традиционной социальной коррекции, становясь самодостаточной, торжествует победу средств над целями и порой трактуется западными интеллектуалами как вызов этой цивилизации, всей предыдущей истории человечества. Они настроены алармистски и возлагают надежды на силы, которые находятся вне “мира средств” и в инверсии целей и средств не видят никакой опасности. Для них это всего лишь “естественный”, закономерный эффект новой цивилизации, хотя совершенно очевидно, что новые технологии, позволяя ставить грандиозные “гетерогенные” цели, фактически блокируют функции многих традиционных гуманистических ценностей. Выход, якобы, состоит не в том, чтобы инверсию целей и средств признать нормой и не упорствовать в поиске средств для однажды выбранных целей, а в данности обратной ситуации. Эту коллизию американский экономист и социолог Ч. Линдблом сформулировал совершенно капитулятивно: “Вместо простого приспособления средств к целям необходимо, чтобы цели выбирались сообразно доступным средствам”.¹

Этот подход в теории менеджмента, известный под названием “инкрементализм” - (incremental - постепенный, частичный) санкционирует решение проблем целеполагания за счет отречения от “мира целей” и основных ценностей в пользу посибилистской тактики постановки лишь тех целей, которые достижимы наличными, локальными средствами. Сам по себе подход противоречит прагматизму, в методологическом русле которого пребывает

инкроментализм, прагматизм ведь снимает даже моральные запреты в применении средств для достижения цели.

Наиболее последовательную позицию в отношении инверсии целей и средств занимают социологи, экологи, экономисты, этологи, примыкающие к Римскому клубу, действующие согласно императива сформулированного председателем Римского клуба А. Печчеи: “Пора подумать о целях”² Эта группа ставит задачу поиска методов контроля над “тиранией средств” и применения всего производственного потенциала для улучшения “качества жизни”, увеличения меры свободы и достоинства человека. Следует отметить, что некоторые проблемные доклады публиковались в СССР в качестве доказательства имманентных пороков капитализма и констатации гармонии целей и средств при социализме. Сейчас совершенно ясно, что это был чисто идеологический трюк, а инверсия целей и средств является мировой проблемой.

Можно сделать вывод, что одним из средств противодействия инверсии целей и средств является социальная миссия культуры, в системе которой техника и экономика трактуются не автономно, а как средство совершенствования “мира людей” и поэтому они не могут корректировать цели генерализированного прогресса “второй природы”. В сфере культуры возможно формирование целей, свободных от рационально-утилитарной логики материальных средств, корректирующих функционирование метасистемы технических ресурсов в пользу человека.

Австро-английский философ Л. Витгенштейн, имея в виду широкий диапазон изобретений и теорий не только в технике, но и в области теории организации, теории систем, экономики, политики, писал незадолго до своей смерти: “Может быть, когда-нибудь из цивилизации возникнет культура...Когда это произойдет, появится подлинная история изобретений 18-20 веков, которая будет очень интересна”.³

¹ Sistem Thinking. Emery S. (ed). N.Y., 1978, p. 358.

² Печчеи А. Человеческие качества. М.: 1980, с. 173.

³ Wittgenstein L. Culture and value. Oxford: Blackwell, 1980, p. 64.

По нашему мнению, если средства становятся самопричиной, то это есть кризис в их развитии, сущностная природа средств не может самоуправляться. Это может сделать только внешняя им социальная сила, коей и является культура, принципы которой традиционно формулируются столь широко и глубоко, что в них находят отражение фундаментальные нужды социума и всего сущего.¹ Кроме того, в содержательном смысле в наше время одна культура не в состоянии противостоять инверсии цели и средств, необходима моральная ответственность, как в стадии постановки цели, так и в сфере ее реализации через средства. Любая попытка поставить средства вне критериев гуманистической морали оборачивается значительными интеллектуальными потерями, а порой и регрессом в культуре. В единстве культурных и моральных критериев-противоядие против ограничения целей в пользу самодовлеющих средств.

Следует также обратить внимание еще на один аспект соотношения цели и средств, который является внутренней дефиницией данного исследования - это проблема творчества. Процесс опредмечивания цели - всегда процесс решения не стандартизованных проблем и коллизий. Ведь творчество не является чем-то самоценным. Его ценность определяется конкретным содержанием цели, а не просто качеством новообразования самого по себе. Результаты творческой деятельности, результаты познания могут быть применены и во благо и во зло, в этом смысле известна очень глубокая библейская сентенция, что во многой мудрости много печали. Сама по себе цель не оправдывает средств, если средства дегуманизируют цель.

Рефлексия смысла творчества предполагает выявление содержания и цели творческой деятельности, а также ценности ее процесса и результата. Результат в определенном социальном смысле начинает существовать отдельно от предшествующей цели, он как бы отрывает свою пуповину и сам становится

¹ См. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: 1994; Лики культуры. Альманах. М.: 1995; Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: 1994; Померанц Г. Выход из транса. М.: 1995; Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: 1995; Трельч Э. Историзм и его проблемы. М.: 1995 и др.

объектом других целей. Все это, однако, должно быть связано с целостными гуманистическими идеалами, как единство высших целей и высших ценностей. В противном случае смысл творчества может погружаться в сугубо потребительскую, утилитарную сферу, в потребительно-прагматическом ключе, в масштаб целей и ценностей, выражающих групповые, приходящие интересы.

В соответствии с уже рассмотренной проблемой инверсии целей и средств исключительное значение имеет своевременная объективная оценка общественной значимости цели как творческой деятельности, прогноза, вызываемых ею отдельных следствий. Смысл творчества в целеполагании предполагает в качестве одного из “измерений” осознанную ответственность субъекта целеполагания за результаты творчества.

Любая глобальная цель должна быть сопоставлена с уже имеющимися промежуточными результатами комплекса целей в данной качественной структуре. Даже творческие решения, реализация частных практических целей не состоятельны, если углубляют экологический кризис или ведут к деградации жизни и нравственности. К примеру, реализация цели оборонной достаточности может перерасти, как это не раз уже бывало, в результат в несколько раз превышающий эту оборонную достаточность, монополизирующий львиную долю экономического и научного, творческого потенциала общества.

Отсюда можно сделать вывод, что любая бесконтрольная глобализация творческой деятельности ведет к ее дегуманизации. На изломе тысячелетий целью человечества делается не преобразование природы, предметного мира, а преобразование человека на основе уже имеющихся общечеловеческих идеалов. Самопознание и самосовершенствование - вот важнейшая область творчества, отражающего высокий гуманистический смысл в наше переломное время.

По отношению к средству цель определяется как системообразующий фактор деятельности, структурно и функционально обеспечивающий организацию мотивированной активности человека в определенном

направлении. Цель - это субъективный регулятор деятельности с гибкой коррекцией. Она, как закон, определяет содержание и способ деятельности (даже когда ее коррекция имеет вид “проб и ошибок”). Сам процесс регуляции осуществляется на основе векторов: “мотив - цель”, “цель - результат”.

Понятие коррекции связано с понятием ценностей, на основании которых глобально осуществляются коррективные процедуры. В работах системотехников нашло отражение определение ценности с точки зрения коррекции потребностей на основании затрат и оптимизации используемых средств¹. Важность коррекции в достижении цели определяется еще и тем, что в определенном смысле потребности человека складываются независимо от его воли и желания, индуктируются социальной средой. Без этой индукции жизнь человека становится дискомфортной, а его мотивированная активность проявляется в коррекции опредмечиваемой социумом действительности в соответствии с субъективными предпочтениями, которые и есть индивидуальные цели на фоне социальных, реализованных в полученных человеком благах.

Кроме проблемы коррекции потребностей, в целях существует еще проблема соизмерения потребностей и соответствующих им ценностей. В этой области наиболее глубоких и тонких проявлений человеческой деятельности количественные методы применяются еще недостаточно эффективно. Для коррекции количественное соизмерение ценностей целеполагания крайне затруднено, даже если речь идет об относительных ценностях. Тогда коррекция целей на основании ценностей осуществляется через отношения порядка или предпочтения.

Следовательно, не существует в развитии общества целей, которые, находясь в динамике реализаций, не уточнялись бы содержательно и по форме, бесконечно не сопоставлялись бы с изменяющейся социальной средой, т.е. не корректировались бы в процессе деятельности. Об этом свидетельствуют когнитологические методики, широко используемые в практике работы

социологических служб разных уровней в развитых странах и регионах, в частности в ходе систематических опросов общественного мнения. Это позволяет получить реальную картину целей и стремлений людей. Так создаются современные способы формирования общественных целей - суммирование множества индивидуальных устремлений, коррекция их с материальными возможностями общества, контроль их с точки зрения закона и нравственности.

Индивидуальное запечатлевается в социальном и в качестве культуры начинает жить самостоятельной жизнью. Через общественные цели воздействие и трансляция культурного опыта, приобретшего универсальный характер, протекает независимо от сознания и воли его создателей. В процессе трансляции культурный опыт находится в творчески активном состоянии и не закрыт для коррекции в соответствии с изменением социальных потребностей и задач. Универсальность культурного процесса приводит к образованию общечеловеческой культуры, которая является одним из аспектов общественного прогресса.

§4. Взаимосвязь целеполагания и планирования в социальной деятельности

Исходя из деятельной природы человека, можно утверждать, что действенность человека как субъекта проявляется в первую очередь в способности целенаправленно воздействовать на мир, в том, что, выходя за границы природы в создании новых формообразований, не природных, искусственных объектов, открывая принципиально новые возможности, проявляя способность планировать свою деятельность и ее результаты, он создает себя и свой мир.

Человек выходит за границы природы путем реализации своих сущностных сил, творя “мир человека” и самое себя. Человек в своей жизнедеятельности не получает адекватно ни самой природы в объективном

¹ См. Churchman C. W. Prediction and Decision: Philosophical Issues of a Science of Values. N.Y., 1961.

смысле, ни природы в субъективном смысле. Он получает только объективную основу. Поэтому фактическим способом его бытия является целеполагание, планирование, уникальная, не имеющая пока аналогов, форма функционирования разумного существа в непрерывно меняющемся мире.

Именно творящая сила как надприродная (т.е. человеческая, в отличие от природной) выделяет человека из состава наличного бытия, из мира объектов в качестве культурно-исторического субъекта, способного к суверенному целеполаганию. Целеполагание - феномен, проявляющий субъективные характеристики динамичного существа, сущностную направленность процесса его деятельности. Здесь проникнуть в “ядро” субъективности - значит понять присущий ей способ полагания и обусловленную им смысловую характеристику всего внешнего, что оказывается в поле деятельности не естественным, а волевым путем.

Следующей особенностью является самодеятельность на основе овладения универсально-всеобщими законами действительности, логикой предметного мира. В зависимости от меры овладения природной, непосредственно-естественной необходимостью и меры воплощения ее в логике своей деятельности, превращения ее тем самым в социальную детерминацию, от меры превращения внешнего во внутреннее, человек как субъект выходит в своей самодеятельности на уровень самостоятельности и суверенности, самопричинности, на уровень свободы, на основе сконцентрированного в культурных универсалиях сущностного опыта и гносеологических ценностей. Отсюда, резонно заключить, что самодеятельность субъекта заключается в свободе целеполагания. Как творческая мотивированная активность, так и свобода - как свобода волеизъявления, проявляющаяся в свободе целеполагания, - взаимообусловленные характеристики деятельности человека как субъекта.

Содержащаяся в сущностной характеристике человека творческая мотивированная активность как выход за пределы данного, познанного и созданного, активность преобразования данности, необходимо предполагает

культурную универсальность как характеристику субъекта в его мотивированной активности. С одной стороны, универсальность деятельности проявляется в непрерывно длящемся процессе унификации приспособления среды, и поэтому это выход на деятельность по типу всеобщего, с другой - в беспредельной самореализации возможностей в индивидуе, возможностей рода, в способности предвещать результаты, планировать их. Подняться до субъекта, обрести деятельную сущность человек может только путем присвоения, актуализации родовых способностей, которые ему делегирует общество как метасистема. Он носитель социального и опосредован общественным целым, является индивидуализацией тотальности социума и его культурных универсалий.

Человек в своей жизнедеятельности ограничен мерой своей биологической состоятельности и актуализированных способностей, поэтому, чем шире возможность осуществления его целей, тем выше эффективность его существования и планирования, шире спектр возможностей привести свое существование в соответствие с сущностью. Отсюда, человеческая деятельность направлена в будущее, являясь непрерывным процессом целепродуцирования и целереализации. Мотивированная активность вытекает из общественной основы индивида и тем успешнее реализуется, чем более совпадает с тенденцией реально-исторического процесса, в котором интерес рода совпадает с интересами обычных, стандартных индивидов. Способность осознать целеполагание в своей самореализации с позиций родового существа, ощущать сопричастность вселенной и роду, единство с ними как свою собственную целостность - условие самодетерминации в творческой самодеятельности субъекта, плюс многоуровневое планирование поступков и действий. Отсюда можно сделать вывод, что действительность человека как субъекта деятельности вообще, целеполагания в частности, заключается в способности его к самодеятельности как планированию, к самореализации на основании идеалов и принципов в реализации общественного (родового), в его

индивидуальном существовании на основе выраженных культурных универсалий всеобщих стереотипов.

Планирующий аспект усиливается еще и тем, что в целеполагании личность как бы остается наиболее сама собой. Это одиночество отдельного человекомира, который как бы самодостаточен, но его деятельность гарантирована метасистемой социума, ожидающего его целеосуществления, потому что эти отдельные акты планирования мотивированной активности, реализации целей есть явления мегасистемы, ведущие к сущности, к формированию социальных закономерностей, выраженных в культурных универсалиях.

В акте свободной самодетерминации, ориентируемой всеобщностью социума, человек постоянно подвигает себя, преодолевает себя, как конечного индивида, превращается в трансцендирующего за границы самого себя субъекта, выходя тем самым на деятельность по законам планирования. Это планирование выглядит как соотнесение его потенций с возможностями, представляемыми ему его второй природой - обществом. Более того, здесь действует момент самоограничения, критичности, так как сам механизм превращения цели в результат, не содержит полной гарантии реализации, поэтому необходима постоянная коррекция, некая даже изощренность, так как объективная сфера, на которую направлена целеустремленность, многофакторна и текуча.

Темп вносимых корреляций различен, а содержание одно и то же - планирование. Внутренние мотивации цели подвижны, на них воздействуют понятие должного, необходимого, но эти мотивации опираются на практику более широкого исторического масштаба, а поэтому способны проникать через обыденность функционирования, через факты обыденной действительности в сферу логики объективных процессов, которая является основой целеполагания как планирования.

Цель всегда является духовно-практическим выбором, ей тоже предшествует альтернативность: иметь или не иметь, действовать или не

действовать, иметь цель или пассивно созерцать, быть или не быть. Цель входит в систему приоритетов, обладание которыми отделяет одного субъекта от другого, невзирая на общую объективную основу. Можно даже сказать, что многообразие субъективного не стиснуто объективным, а выходит за его рамки в виде фантазий, прогнозов, предсказаний, которые уже не цель, но индуцированы ею.

В гносеологическом смысле существование предшествует сущности, сущность извлекается из существования, она о чем-то. По этой причине целеполагание гармонично связано с целями уже осуществленными, которые есть прецедент для постановки новых целей. Сущность выступает в исторически последовательных формах существования, имея имманентную цикличность, будучи познанной, отраженной, дает возможность предвидения и планирования своих состояний в тенденции, в перспективе.

В социальной жизни каждого исторического периода действуют конкретные субъекты, которые с предыдущими имеют только генетическую связь и пользуются наработанными приемами целеполагания, планирования с коррекцией на изменившиеся обстоятельства, а в качестве основы преемственности выступают культурные универсалии. Тем не менее каждая реальная форма исторического проявления человеческого бытия характеризуется наличием абстрактно-всеобщего момента как носителя снятой человеческой сущности. Мера воплощения или не воплощения этого момента в реально фиксируемой действительности, интегрированной как жизнедеятельность, - показатель уровня осуществления человеческого в конкретном индивиде, уровня самореализации его, уровня адекватности его сущности и существованию зависимости этого уровня от социальной детерминированности, от способностей предвидеть и планировать деятельность.

Условия реализации человека как субъекта деятельности в соответствии с целеполаганием, исходящие не только из социальной функциональной целесообразности, но из самых фундаментальных потребностей общественного

развития, никогда не могут быть абсолютно адекватными его собственным представлениям об их идеальном состоянии. Набор целей всегда будет шире материальных условий их осуществления, и это различие не количественное, а качественно-творческое, постоянно себя воспроизводящее.

На уровне управления социальными процессами различных масштабов целеполагание облекается в форму принятия решений, концепций действия. В качестве ключевой модели, например, рассматриваются некоторые обобщенные представления о рациональном, целеустремленном человеческом поведении, нашедшие наиболее выпуклое выражение в работах по проблемам социального управления, управления персоналом, интеллектуальными системами, управления организацией и т.д.¹ Концепция целевого планирования строится здесь прежде всего как пригодная для формализации и математического моделирования система принятия решений, конечным результатом которой является обоснованный выбор целей в их единстве со средствами. Планирование выступает здесь как средство, при помощи которого выбранные цели соединяются со средствами их реализации. При этом единство целей и плана должно опираться на научный прогноз возможных вариантов путей реализации, где план - один из выбранных вариантов. Целенаправленная деятельность человека в пределах этой модели характеризуется некоторыми особенностями:

Во-первых, несомненно, наличие целей как некой готовности к активным действиям. Для этого у человека должна быть некая упорядоченная структура (“дерево целей”), в которой данная цель занимает согласованные и скорректированные с другими целями место. В то же время в упорядоченности целей должен наличествовать элемент дискретности, позволяющий содержательно фиксировать реализацию цели или ее этапов. Кроме того,

¹См. Акофф Р. Эмери Ф. О целеустремленных системах. М.: Соврадио, 1974, с. 272; Ладенко И. С. Интеллектуальные системы в целевом управлении. Новосибирск 1987; Современное управление. в 2-х т. М. 1997; Кнорринг В. И. Искусство управления. М., 1997; Управление персоналом в условиях социальной рыночной экономики. М.,1997; Управление организацией. М.,1998; Егоршин А. П. Управление персоналом. М.,1997 и др.

упорядоченная структура целей должна находиться в состоянии постоянной сравнимости целей друг с другом;

Во-вторых, цели - это состояние человека, фактор его мотивированной активности во вне его субъективной реальности, в верифицированную субреальность, а не его стабилизированная воля, как утверждают позитивисты;

В-третьих, гипотеза, что планирование и цель есть только элемент деятельности человека, возникающий внутри процедуры функционирования и детерминированный ею, что цель как планирующий феномен не может быть выведена, дедуцирована из сущности социального человека, из всей сложности его функций, - оказывается здесь неприменимой, неоперационализируемой;

В-четвертых, план имеет некую совокупность поэтапных целей, каждая из которых конкретна, а план является их интегральным единством в границах обозримой, конкретизированной предыдущими действиями ситуацией, на которую он опирается, которая есть его точка отсчета. Конкретность планов снимает неопределенность, так называемой, генеральной цели, хотя и находится в ее границах. В нем зафиксированы границы достижения цели как замысла;

В-пятых, достигнутый результат для человека всегда эмоционально окрашен и осознается как социальная награда за работу по реализации плана. Через реализацию целей человек осознает свою социальную значимость, компетентность и самооценку.

Формирование именно такого представления о целенаправленном планировании имеет достаточные основания. Оно хорошо воспроизводит специфику целеполагания в управленческой деятельности и основных сфер ее применения - экономики и политики. В социологии эта модель получила название модели экономического человека (*homo economicus*). Кроме того, человек, активно формирующий свои цели, участвующий в реализации планов и заданий, предсказуем и относительно управляем, ибо основные компоненты его мотивированной активности (цели, средства, результаты) служат в то же

время и компонентами систем взаимодействия, управления, регулирования, стимулирования, воспитания.

В работе неоднократно говорилось, что содержание целей в основной своей части детерминировано общественными потребностями. Единого взгляда на эту категорию пока не существует, так как содержащаяся в ней тайна интересует не только философов, экономистов, психологов, но и биологов. Понятие потребности выражает неравноправность связей самоорганизующихся социальных и биологических систем со средой реализации функций жизнедеятельности и друг с другом. “Потребность - частое проявление всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. Данная категория выражает специфическую природу связи самоорганизующихся биологических и социальных систем со средой, своеобразную неравноправность сторон этой связи, проявляющуюся в зависимости организма, человека, общества от определенной совокупности факторов среды, являющихся необходимой предпосылкой существования и развития этих систем”.¹

Следовательно, весь диапазон функционирования социального человека протекает и зависит от бесчисленного прейскуранта потребностей, знание этих потребностей и их классификация входят в состав социального планирования. В потребности рациональное осмысливание на понятийном уровне и непосредственное переживание того, что необходимо находиться в слитом виде. Начальный побудительный мотив потребности осознается как интерес, некий субъективный образ объективной потребности, взятый в нерасторжимом единстве эмоциональной чувственности и рационального осознания, в рамках определенной культурной среды.

“Интерес - это продукт перенесения потребности в индивидуально - субъективный план, преломления ее через индивидуальные психологические, личностные особенности. Потребность лежит вне субъекта, хотя ему она может представляться как сугубо внутренняя, сокровенная, глубоко личная. Интерес же, будучи индивидуально субъективным образом потребности, всегда

находится внутри субъекта, вместе с тем его содержание может быть экстериоризировано (то есть вынесено вовне) в первую очередь через поведение, деятельность субъекта, а также с помощью речи, жестов, других знаковых систем. Говорить об объективности интереса можно лишь в этом смысле, что его содержание включает в себя компонент, адекватно отражающий потребность”.²

В приведенном определении есть существенные противоречия между понятиями «интерес» и «потребность». Потребность трактуется как лежащая вне субъекта, но присвоенная им в сознании сущность. В этом утверждении за основу берется скорее всего то, что общество является для индивида чем-то внешним. Однако общество в тоже время является ассоциацией индивидов, а их потребности - формой их социальной целесообразности, поэтому утверждать, что потребность лежит вне субъекта, даже с оговорками, означает механически разрывать понятия интереса и потребности.

В новейшем издании философского энциклопедического словаря понятие «потребность» считается или очевидным, или относящимся к экономической теории, поэтому не определяется. Однако и современные экономические словари дают определение понятий «потребитель», «права потребителя» и т.д., не давая определения корневого понятия³. В то же время следует отметить, что развитие современного потребительского общества не-измеримо усложняет смысл и содержание потребностей человека, тем самым лишая понятия «потребность» очевидности, ранее ему присущей.

По всей видимости, потребность становится состоянием индивидуума, базовой основой для целеполагания и сравнения своего положения с положением других людей в обществе, тем более, что реклама непрерывно повышает стандарт потребления. Потребность - это целевая надобность, даже необходимость в услугах, товарах, ценностях культуры, необходимых для

¹ Гендин А.М. Предвидение и цель в развитии общества. Красноярск. Красноярский пединститут, 1970, с. 107.

² Яхонтов Б. А. Предвидение как способность и деятельность. М.: МГТУ, 1993, с. 65-66.

³ См.: Философский энциклопедический словарь. М. 1997; Словарь-справочник менеджера. 1996; Современный экономический словарь. М., 1997; Большой экономический словарь. М., 1996.

существования современного человека, а по-этому комплексно выступающих в качестве источника его мотивированной активности. Следовательно, потребность является основой целеполагания человека.

В психологическом плане потребность - исходная форма активности живых существ, организующая и направляющая познавательные процессы, воображение и поведение; в ней проявляется основная движущая сила развития человека¹. Благодаря потребностям, существование человека приобретает целенаправленный характер, побуждается к действию. В результате деятельности либо достигается удовлетворение цели, либо предотвращается неприятное столкновение со средой, в чисто личном плане, потребность - это динамическая сила, исходящая из организма. Общей особенностью личных и общественных потребностей человека является их динамический, подвижный характер. Они меняются и совершенствуются в зависимости от структуры культурных универсалий, от знаний человека о действительности и от отношения к ней.

Связь потребности с деятельностью начинается с состояния неудовлетворенности существующим положением вещей. На этом этапе цель еще не сформирована, потребность выражается в состоянии беспокойства, поиска информации. Второй этап характеризуется осознанием потребности как цели. По классификации Харольда Меррея, список потребностей человека насчитывает двадцать типов. В истории общества потребности людей как функции их деятельности являются следствием развития производства, в котором объекты природы перестают быть просто добычей, имеющей лишь биологический смысл пищи. Потребности становятся целями, которые реализуются при помощи искусственных орудий, а деятельность становится не биологическим функционированием, а трудом. Так потребности получают возможность реализации, вовлекаются в социальный процесс, становятся элементом истории человека.

¹ См. Словарь практического психолога. Минск, 1997, с.422-427.

Производство связано с субъектом не непосредственно, а через связку «потребность - цель». При этом потребность не имеет характера данности, она скорее всего состояние, поскольку животные, органические потребности преобразуются в человеческие, в «неорганические» потребности, опосредованные предметной деятельностью. Кроме связи с трудовой деятельностью, потребности выступают в качестве предпосылки познавательных процессов. По мере развития общества управление людьми осуществляется путем воздействия на их потребности, через воздействие на возможности реализовывать свои цели. Потребности обусловлены процессом воспитания в самом широком смысле - потреблением культурных ценностей, как отношение, выраженное в культурных универсалиях. Этот процесс выражается материально (материальные потребности) и функционально (духовные потребности).

Различие этих двух форм культуры и, соответственно, материальных и духовных потребностей относительно, и определяется содержанием развития производства. Сформировавшиеся потребности оформляются в целях, требующих своей реализации, - это в сущности процесс присвоения определенной формы деятельности, обусловленной общественным развитием.

Процесс удовлетворения потребностей всегда выступает как целенаправленная деятельность, поэтому потребности являются источником мотивированной активности личности. Осознавая цель как потребность, человек убеждается, что реализация потребности возможна только через целеосуществление. Это позволяет ему соотнести свои субъективные представления о потребности с ее объективным содержанием, осуществляя творческий поиск средств овладения целью как объектом.

Современная жизнь показывает, что количественный рост потребностей должен регулироваться через систему социальных ценностей, зафиксированных в юридических нормах и моральных кодексах, чтобы становиться качественно целесообразным явлением. Значительное давление на формирование потребностей оказывает потребительская реклама, которая не содержит в своем

содержании представлений о потребительской достаточности, поэтому воспитание потребителей - одна из важнейших задач формирования современного человека. Потребности отражаются в мотивациях целей, предубеждениях, побуждениях, желаниях, влечениях и т.д., побуждающих человека к деятельности и становящихся формой проявления потребностей.

Если в потребности деятельность по существу зависима от ее предметно-общественного содержания, то в мотивах эта зависимость проявляется как собственная и осознанная активность человека. Поэтому система мотивации и сформировавшихся целей содержательно богаче будущей деятельности, более подвижна и многовариантна, так как всегда готова к коррекции на путях целеосуществления. Это, по сути дела, уже коррекция опредмечивания, являющегося процессом «узнавания», потребностью своего предмета, а формой «узнавания» становится цель. Можно сказать, что через опредмечивание потребность получает свою конкретизацию, а цель свою реальность.

Американский психолог и философ, один из лидеров так называемой гуманистической психологии Абрахам Маслоу является создателем иерархической теории потребности. Он классифицировал потребности, разделив их на базисные (потребности в пище, безопасности, позитивной самооценки и т.д.) и производные, или мета-потребности (в справедливости, благополучии, порядке социальной жизни). По А. Маслоу, базисные потребности человека постоянны, а производные - изменяются. Мета-потребности ценностно равны друг другу, поэтому не имеют иерархии, а базисные потребности располагаются согласно модели иерархии, в восходящем порядке от «низших» материальных до «духовных»¹.

Иерархия Маслоу состоит из пяти уровней:

1) физиологические и сексуальные потребности (в них он включает как естественные потребности функционирования: дыхание, физические движения, воспроизводство людей, так и факторы, которые

¹ Словарь-справочник менеджера. М., 1996 с.245-246.

прирастают за счет социального целесообразного функционирования человека - одежда, жилище и т.д.);

2) экзистенциальные потребности - потребность в стабильности условий жизни, потребность в определенном постоянстве и регулировании социальной реальности, безопасности своего существования, уверенности в своем будущем (без указания на их целесообразный характер эти потребности могут быть истолкованы как простые функции);

3) социальные потребности - потребность в участии в совместной трудовой деятельности, принадлежности к коллективу, в общении, привязанности (потребности здесь взяты не со стороны их объективного содержания, а в их субъективной форме);

4) престижные потребности - в признании и желаемой оценке, в престиже, статусе, карьере, в уважении со стороны «значимых других» (здесь та же самая тенденция субъективизации потребностей без учета их социальной объективной содержательности);

5) духовные потребности - потребности в самовыражении через творчество (судя по всему, здесь речь идет о мотивированной активности по накоплению социальных ценностей).

Теория потребностей А. Маслоу умозрительна и не подтверждена эмпирически, построена без учета феномена цели - коренной категории субъективности, она объяснительна и именно благодаря объяснительным возможностям послужила основой многих современных западных моделей мотивации труда. Изучая мотивацию деятельности человека, Маслоу сформулировал понятие самоактуализирующейся личности. По его подсчетам такие личности составляют всего один процент населения (т.е. это элита среди несамоактуализирующегося большинства). На основании своего подхода к мотивации цели А. Маслоу сформулировал пятнадцать основных черт, присущих, так называемым, самоактуализирующимся личностям. Идеи Маслоу в отношении структуры потребностей человека носят по меньшей мере

дискуссионный характер, так как в них не прослежена связь ценностей, мотивов и целеполагания.

Что касается интереса, то в строгом смысле слова субъектом интереса может быть только индивид, взятый в совокупности условий жизни и социальной деятельности, хотя интерес может быть и не адекватным отражением потребности, а быть ей противоположным. К примеру, сейчас существует социальная потребность передачи земли во владение крестьянам, только это может стимулировать повышение продуктивности их труда. Эта потребность влечет за собой другую потребность - создание фермерских, арендных и других альтернативных совхозам и колхозам методов использования аграрного производства, однако эти потребности не находят адекватного отражения в интересах большинства крестьян. В этих условиях земельный рынок становится ущербным, вырождаясь в абстрактное требование превращения земли в товар, который несет свою стоимость помимо естественного интереса к земле крестьян как землепользователей.

При определении потребностей огромного количества людей, объединенных в большие социальные группы (классы, социальные слои и т.п.) подразумевается некий суммарный инвариант индивидуальных интересов, некая сущность социальной цели, выраженная в идеологических, политических и социальных программах и декларациях. Важно подчеркнуть здесь особую роль идеологического давления, без которого общественная цель существует только на периферии индивидуального интереса.

Существуют, конечно, иные способы и иные распространенные в обществе знания о наличии в нем общественных интересов без функциональной идеологии. Эти различного рода когнитивные процедуры, носителями которых в современном мире выступают различные социологические институты и службы, изучающие общественное мнение и информирующие общество о тенденциях развития общественных интересов. Таким образом, разброс целей вводится в русло типовых их аналогов. Это дает реальную картину расхождения или совпадения с теоретическими

представлениями надежд, стремлений, ожиданий, бытующих в массовом сознании. Без этого различного рода дефиниции, вроде “продовольственная корзина”, “минимальная зарплата”, становятся пропагандистскими абстракциями. Только при условии когнитивного суммирования множества индивидуальных интересов можно говорить о том, что свободное развитие каждого становится условием “свободного развития всех”.

Когнитивные процедуры, то есть познавательные операции наполняют цели людей новым содержанием, по новому структурируя их, позволяя извлекать из настроений, стремлений, убеждений и знаний индивида такой тайный смысл, который не всегда бывает ясен самому индивиду или существует только в его подсознании. Несомненно, что без детализированного изучения целей и стремлений индивида невозможно разобраться в содержании целей, являющихся общественными, родовыми.

Только определив содержание и процедуры прогноза в целесообразной деятельности людей, можно соотнести целеполагание и планирование. В большинстве случаев план представляет систему целей, ранжированную по этапам деятельности. В категориальном смысле он служит средством организации деятельности на пути целедостижения. План и планирование всегда характеризуются привязкой ко времени, и как мысленное представление будущих действий, и как ведущая к реализации совокупность взаимосвязанных целей, требуют учета наиболее существенных факторов деятельности людей.

Отсчет временных образов, эквивалентных планам, ведется от настоящего к ограниченному периоду в будущем. Чтобы соединить систему действий в рамках плана со средствами реализации целей, необходима прогностическая проработка выделенного планированием периода, и в этом смысле план представляет собой связующее звено между настоящим и будущим на основе тенденций, характерных для прошлого этапа планируемого процесса. В плане находит свое выражение итог познавательных процедур, которые дают знание потенции субъекта плана и условий их актуализации, а поскольку эта актуализация отнесена в будущее, постольку план есть вид предвидения.

Чаще всего планирование рассматривается как одна из форм управления.¹ Между тем планирование несет на себе гносеологическую функцию отражения действительности и ее форм в будущем, является одной из форм предвидения, выполняя тем самым познавательную роль. В конкретно практическом смысле план есть форма соподчинения действий отдельных людей в их единстве со средствами, направленными на получение результатов, ради которых и верстается план.

Кроме того, план - это заранее намеченная последовательность действий, проведения работ, привлечения ресурсов, система требований к квалификации исполнителей и т.д.. В этом категориальный смысл плана, а как сумма плановых заданий он совпадает с совокупностью целей, его вызывающих. Исходя из этого, можно определить план как теоретически обоснованную систему мероприятий по реализации фиксированного диапазона целей на основании экстраполяции имеющегося знания на состояние планируемого процесса в будущем, а также соединение методов и форм реализации целей со средствами целеосуществления.

Целеполагание включает в себя не только желательный итог, но и представление о путях, методах, средствах его достижения. Прогноз уже сам по себе не может быть чем-то другим, кроме знания о путях и средствах, которые должны привести к реализации предсказанного. Знание, на котором базируется прогноз, отбирается по его инструментальности, оно вытекает из анализа сущности, направления, темпов саморазвития прогнозируемого явления, на этом основывается информационная база прогнозирования. Уже сама форма отбора информации для прогнозирования требует определения этапов самореализации прогнозируемого процесса, а это уже плановые наброски. Таким образом, планирование изначально имманентно и цели и прогнозу.

Прогноз - это не само будущее, а его возможная модель, он устанавливает границы возможного и показывает также то, что планировать принципиально

¹ См. Прогнозирование в социологических исследованиях. М.: Мысль, 1978; Рабочая книга по прогнозированию. М.: Мысль, 1982; Янг Э.. Прогнозирование научно-технического прогресса. Перевод с

бесперспективно. Следовательно, прогноз или же сумма прогностических разработок содержит в себе не только возможность, но и базу научно обоснованного планирования. А поскольку желаемое будущее конкретизировано в цели, то целеполагание есть основа одновариантности планирования. Прогноз соотносится с планированием как возможное, а цель репрезентует необходимое.

Прогнозирование деятельности человека представляет собой выявление ее объективных тенденций в наличных условиях, а целеполагание выступает как выбор одной из этих тенденций, желательной для человека, поэтому целеполагание опирается на прогнозирование. Отсюда следует, что прогнозирование предшествует целеполаганию. Будучи выявлением объективных возможностей, прогнозирование носит многовариантный и в определенной степени вероятностный характер, а целеполагание одновариантно и конкретно. Отсюда следует, что по своей информационной емкости (содержательности) прогнозирование превосходит целеполагание. Прогнозирование носит обобщенный характер, но уровень обобщенности прогнозирования ограничен наличными условиями и емкостью информации. В то же время целеполагание, будучи идеализирующей деятельностью, выходит за рамки наличных условий. Следовательно, по уровню обобщенности целеполагание превосходит прогнозирование.

План представляет собой совокупность субъективной реальности, которая при помощи прогноза максимально объективизирует целеполагание: он должен рассматриваться не с позиций адекватности и истинности, а с позиций его оптимальности по отношению к желаемому будущему. План должен нести на себе критерии оптимальности, применяемые и к целеполаганию: соотнесенность со средствами, которые должны быть соизмеримы планируемому, объем необходимых трудовых ресурсов; время, необходимое для достижения результата; возможные побочные следствия деятельности по

плану; степень стабильности полученных результатов; возможность дальнейшей планирующей и реализующей деятельности.

Цель изначально имеет нормативный характер, она - некий закон деятельности, которая без ее наличия не может ни начаться, ни длиться. Прогноз как бы представляет собой свод знаний и действий, состояний средств на временном отрезке будущего. Он - аргумент в пользу целереализации по плану. В плане свободный поиск вариантов действий приобретает однонаправленность, но эмоционально-волевое напряжение цели сохраняется в полной мере, усиленное прогностическим знанием. Знание, содержащееся в прогнозе, функционально подчиняется доминантному прогностическому компоненту.

Однако если в плане начинает преобладать эмоционально-волевое напряжение, вытесняя из плана его познавательный компонент, он становится абстрактным, лишается обоснования, повисает в воздухе, отрывается от жизненных реалий. Конечно же, в плане заключен образ полезности того, что необходимо сделать, но монопольное господство чисто прагматической функции, без познавательно-сущностной, означает саморазрушение плана, делает его разновидностью “управленческой игры”, что не раз и случалось в последние годы существования советской “плановой” системы. Принимались заведомо нереализуемые плановые задания, на их выполнение тратились огромные средства, и это все вело к росту дефицитности и разбалансированности экономики. Еще больший хаос вносили волюнтаристические коррективы плана, когда одни проекты консервировались и начинались новые, ранее не планировавшиеся, поэтому выполнение плана требовало героизма, преодоления искусственно созданных трудностей.

Конечно, неудачи и провалы советской экономики не могли не породить отрицательное отношение массового сознания к планам и плановым разработкам. Сейчас это находит прямое выражение в противопоставлении рынка плану. Это неверно в принципе, так как действия людей в любой модели экономики остаются целесообразными, то есть изначально проектными, и

поэтому рынок - это не восточный базар, где господствует стихия, а ритмично работающая экономическая структура.

Рынок - это внутренне мотивированное концептуальное столкновение разнородных товарных масс, в процессе которого осуществляется динамическая гибкость выбора приоритетных товаров и услуг. Универсальная гибкость рыночных отношений дает возможность отсеивать все, не пользующееся спросом, и осуществлять ранжирование экономических приоритетов в самых оптимальных параметрах.

Рынок - гибкий инструмент регуляции экономических отношений: его реальные параметры всегда могут быть проанализированы, отдиагностированы. Эти параметры имеют постоянные факторы и поэтому могут прогнозироваться, допускают постановку целей и могут быть спланированы. Противопоставление рынка и плана искажает действительное содержание этого экономического феномена, который, напротив, требует планирования и прогнозирования.

План любого уровня должен быть прагматичным и гибким, опирающимся на прогноз. Обратная связь между его содержанием и этапами его реализации - важнейшее условие его готовности и динамичности.¹ Наибольшей гибкостью обладает приспособительное планирование, когда план непрерывно меняется, корректируется в деталях в ходе своего осуществления под воздействием многофакториальности среды его реализации. Здесь очень хорошо видна обратная связь между реализованными этапами и общим замыслом.

Менее гибкий характер присущ вероятностному планированию, когда между результатом и несколькими вероятными моделями плана нет обратной связи, а выбор между близкими и различающимися только деталями, вариантами плана, осуществляется по мере привлечения средств реализации. Это дает возможность манипулировать резервами и избегать одновариантного их расходования.

¹ См. Бестужев-Лада И.В. Окно в будущее (современные проблемы социального прогнозирования). М.: Мысль, 1970; Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979; Виноградов В.Г. Научное предвидение. М.: Высшая школа, 1973; Лисичкин В.А. Теория и практика прогностики. М.: Наука, 1972 и др.

Наименьшей гибкостью обладает так называемый детерминистский план. В советский период часто звучал призыв считать план законом. Детерминистский план - чрезвычайно жесткая конструкция, цель в нем закреплена намертво, поэтому в ходе его реализации невозможно компенсировать какие-либо флуктуации, искажающие ход его выполнения. Этот план неизменен с момента принятия и до конца реализации, поэтому потери, случающиеся в ходе его выполнения, как правило, невосполнимы, поскольку обратная связь между результатом и ходом реализации заложенных в плане целей отсутствует.

Обратная связь наиболее продуктивно действует при приспособительном планировании, поскольку именно в этой модели проявляется познавательное содержание заложенного в плане прогнозирования. Приспособительное планирование только тогда адекватно отражает действительность и опережает ее, когда информация поступает интенсивно и степень ее достоверности достаточно высока. Реализация мыслимого будущего при помощи планов требует непрерывной корректировки базовых прогнозов. Каждый этап плана, отраженный в прогнозе, по мере реализации пополняет собой наличную реальность, а этапная часть прогноза - информационную базу предвидения следующих пунктов плана.

В настоящее время, по мере усложнения социальных и экономических процессов, оформилась особая форма планирования - программирование, которое выделяется из планирования и приобретает статус функционального прогноза. Программирование изначально ориентировано на будущее, планировать прошлое - бессмысленно. Настоящее тоже целесообразно, поэтому его планирование и прогнозирование все равно есть вынесение целей в будущее. Значит, программирование есть вид прогноза целеосуществления.

Целеполагание выражает способы предстоящей деятельности человека непосредственно в понятийной, следовательно, идеальной форме. В то же время программируемые способы человеческой деятельности фиксируются в языковой, следовательно, материальной форме. Задача целеполагания как

идеализирующей деятельности, выходящей за рамки существующих условий заключается в том, чтобы сформировать новый образ способов предстоящей деятельности человека. В то же время программирование призвано зафиксировать этот идеальный образ, уже созданный целеполаганием, в языковой форме. Предваряя программирование, целеполагание инициирует его и задает его направленность и общий характер. Поскольку программирование является материальным (языковым) образом способов будущей деятельности человека, оно выступает как второй после планирования, этап целеосуществления. Вместе с тем, программирование детализирует и уточняет целеполагание с учетом имеющихся исходных условий, создаваемых в ходе практической деятельности человека. Как видно, чем существеннее программирование и гибче планирование, тем теснее их взаимосвязь с прогнозированием и целеполаганием, тем оптимальнее взаимодействие основных ступеней базового прогноза.

Уже отмечалось, что одним из онтологических оснований прогноза является типологичность, повторяемость, цикличность событий, их связь с прошлым, что позволяет использовать зафиксированный исторический опыт для предвидения будущего. Однако процесс обобщения, типологизации, чрезвычайно труден, так как каждое событие оригинально, единично и является атомарным выражением общего и повторяющегося, то есть типичное выражено в нем лишь частично, и это существенно усложняет возможность предсказания. Сюда следует добавить, что по мере ускорения темпов социального развития ацикличность общественных процессов существенно возрастает, например, никто не мог предсказать распад сверхдержавы СССР.

Феномен ацикличности поэтому не может не сказываться на целеполагании, планировании и прогнозировании, существеннейшим образом усложняя их, требуя увеличения объема информации для выявления контуров будущего. В социальных процессах поднимаются к вершине общественной жизни факторы, ранее не актуальные, вновь возникают противоречия, которые

требуют исследования эмерджентных¹ явлений, которые изменяют факторы, действовавшие ранее на цикличность социума. С одной стороны, в обществе идет процесс возвышения потребностей, с другой - возникают новые противоречия между традициями и инициированными снизу факторами, ранее не воздействовавшими на ход истории. Они-то и становятся эмерджентными факторами ацикличности, и поэтому возникает настоятельная потребность прогнозирования именно в сфере их действия.

Общество должно самопрограммироваться, и прогнозирование эмерджентных явлений служит основой диагноза последствий их воздействия на цикличность, а также выполняет интегративную роль по отношению к социальным целям и многоуровневому планированию в обществе. В нашем обществе это совершается на фоне деглобализации отношений собственности, уменьшения до разумных пределов общественной собственности на основании приоритета частной собственности.

Действительные противоречия сегодня действуют в областях управления и исполнения, господства и подчинения, централизации власти и самоуправления регионов. На нынешнем этапе истории России очень остро стоит вопрос о демократизации власти, создании предпосылок, исключающих тоталитаризм в будущем, и революции как формы разрешения социальных противоречий. Эта социальная цель является приоритетной, и ее решение существеннейшим образом окажет влияние на цикличность дальнейшего хода истории во всем мире.

Из изложенного можно сделать следующие выводы:

— цели представляют собой систему предпочтений, в целеполагании и планировании их характерная черта - инструментальное подчинение средств целям;

¹ Термин эмерджентности (от латинского *emergere* - появиться, выносить на поверхность) используется здесь для указания на актуализацию деталей социального бытия, которые ранее не играли общезначимой факториальной роли и не воздействовали на цикличность социальной жизни (национальный характер как источник деловитости, фольклор как фактор самосознания науки, равенство полов как производственный фактор и т.д.). В данном контексте эмерджентности означает также, что выносимая на поверхность власть становится в обществе настолько естественной, что как бы не фиксируется отдельным сознанием.

– любая форма социальной деятельности отличается осознанностью цели, а планирование - форма ее связи с возможностями и средствами реализации;

– в плане иерархия целей приобретает строго упорядоченный характер, а генерализированная цель выступает в качестве идеологии поэтапного решения ближайших целей;

– достоинство плана оценивается не только по научной достоверности прогноза, его обосновывающего, а формами его адекватности результату и наименьшим количеством дорогостоящих коррекций;

– выбор средств (методов, способов действия) в процессе осуществления взаимосвязи целеполагания и планирования производится только на основе оценки их эффективности для достижения социальных целей. В то же время средства содержательно независимы от целей, поскольку могут быть использованы для реализации других целей, исключающих данные;

– средства не должны иметь внутреннего подобия с целями, и в этом смысле характер средств определяется не столько целями, сколько обстоятельствами, условиями, временем, местом, возможностями;

– план содержит в себе расчетные параметры цели и средств, а средства имеют еще и моральную сторону своего использования. Планирование - это всегда принятие решений и ответственность за них. Принятие решений - это выбор способов действия, определение набора средств, предвидение побочных результатов от реализации плана, оценки альтернатив, исходя из относительной ценности результата, который может быть получен;

– план остается теоретическим феноменом, если его реализация требует или большого риска для людей, которые примут участие в его реализации, или слишком больших затрат, не компенсируемых результатом. Рациональность подхода к планированию должна толковаться как расчет целей, результатов, средств и их последовательности;

— поскольку человек является основным субъектом социального действия, своей истории, то планирование должно содержать в себе гамму представлений о человеке и его сущностных потенциях. Действуя на основании этих представлений, социальное управление тем самым формирует и поддерживает соответствующее такому представлению поведение;

— прогнозирование, целеполагание и планирование можно рассматривать как сущностно-последовательные фазы единого процесса общественного предвидения, между этими фазами нет резких границ, они взаимопроникают и взаимопересекаются. Складывающиеся сейчас формы социального программирования окажут в будущем через прогноз и планирование решающее воздействие на цикличность истории нашей страны и всего мира.

Заключение

По мере усложнения социальной жизни и ускорения развития человечества его цели становятся сложными, многофункциональными. Характер средств и материальных возможностей целеполагания приобретает сложный, многоуровневый характер, поэтому все большее значение приобретает интегральная сущность целеполагания, выраженная в планировании и программировании, все большую и большую роль играет коррекция целеполагания в соответствии с непрерывно меняющейся социальной реальностью. Все большее значение приобретает отраженная в процессах целеполагания свобода деятельности социального человека.

В исследовании проанализирована сущность целеполагания как элемента человеческой деятельности, имеющего самостоятельный статус, его объективные возможности и ограничения, ценностные функции, многоплановость и многофункциональность, а также сложный механизм в соотношении цели и целеосуществления. Целеполагание - вид духовной мотивированной активности, опирающийся на знания об объекте деятельности и методику применения средств. Человек через множественность форм индивидуального целеполагания как бы присваивает социальные программы и их объективным содержанием мотивирует свою индивидуальную активность.

Слияние необходимости с целью становится деятельностью, и эта деятельность, овеянная феноменом плюрализма выбора, становится корректирующим фактором действительности. Эта коррекция овеяна интеллектом, так как инициатива опредмечивания исходит не от необходимости, а от цели. Поскольку цель есть явление идеального характера, то все связанные с ней проблемы являются дальнейшей конкретизацией основного вопроса философии. Оптимальность материалистической точки зрения в том, что цель, понимаемая как мыслимое предвосхищение результата человеческой деятельности, является надприродным феноменом и в ней заключено коренное отличие гомодинамики от инстинктивного поведения

животных. Функциональная гармония со средой, характерная для животных, формально идентична цели деятельности человека: в том и другом случае - это достижение гармонии со средой, но содержательно реализованные цели человека становятся фактором подтверждения объективности надприродного фактора - познания. Реализованные цели есть опредмеченный аналог знания, есть его критерий, называемый практикой. Эта проблема сопряженности постановки цели как динамического результата знания и реализации знания как деятельности решена в работе. Цель человека выражает неудовлетворенность возможностью отправления только биологических функций и вместе с тем фактически означает утерю им природной коммуникации со средой, замену ее социальной формой приспособления, где гармония со средой становится не инстинктом, а целью, предварительно проходящей через интеллект и только потом вливающейся в деятельность по социальным законам, в решимость приспособить, изменить природу в соответствии со своими желаниями и тем самым реализовать себя как свободное существо. Это волевое, практическое отношение человека к среде, усиленное знанием и самосознанием. Наличие многофункционального целеполагания является специфическим и, вместе с тем, общим обязательным признаком отношения человека к окружающей действительности.

В системе категорий современного материализма категория “цель” имеет специфику и особенности, которые проанализированы в данной работе:

- она первоначально имеет сугубо идеальное содержание; отсутствие в материальной действительности того, что содержится в цели, является тем противоречием, которое выступает одним из источников мотивированной активности человека;

- она в своем содержании отражает отношения не вечные, а возникающие субъективно и объективизирующиеся деятельностью;

- в процессе опредмечивания первоначальная цель корректируется, сущностно разрастается и вливается в общий поток социальной деятельности,

создавая практическую основу для последующей содержательной коррекции целесообразной деятельности;

– цель - одна из первых категорий, начавших формироваться в сознании по мере его генезиса; она отражает такое отношение, зарождение понятия, которое по времени очень близко к возникновению самого отношения, и в этом смысле ее развитие отражает момент выделения человека из природы в качестве общественно-свободного существа.

Наличие цели является показателем активности сознания, которое содержит в себе три взаимосвязанные стороны: знание (отражательная функция), самосознание (функция отражения человеком своих отношений в объективном мире и своих потребностей), целеполагание (активная творческая функция).

Следовательно, категория “цель” в своем становлении характеризует активность сознания и способность человека апробировать существующими знаниями и навыками еще не существующий в реальном восприятии предмет или явление. Переход от мышления к практике осуществляется через цель. Цель является одним из посредствующих звеньев между познанием и практикой потому, что, кроме идеального образа объекта, она включает в себе стремление создать его, имеет ярко выраженную практическую направленность, содержит в идеальном виде весь порядок действия, выступает как внутренне присущий самой деятельности закон, определяющий способ и характер действий человека. Сознательная целенаправленная деятельность человека в материальном мире возможна потому, что человек противопоставлен природе не абсолютно, а как ее часть. “Веществу природы он сам противопоставит как сила природы”.¹

В работе автор определил свое отношение к проблеме связи цели и прогноза. Здесь главное не в том, чтобы развести понятия, а в факторах, показывающих их генетическое единство. Если цель показывает субъективно желаемое будущее, то прогноз призван дать картину возможного будущего,

которое аргументировано экстраполированными в будущее знаниями о тенденциях прогнозируемого процесса в прошлом и настоящем. Автор не счел необходимым принять участие в дискуссии по поводу нюансов содержания понятий “предсказание”, “предвидение”, “прогноз”, полагая, что понятие предвидения следует считать наиболее существенной категорией прогностики. Эта категория в качестве родовой охватывает такие понятия как “предначертание”, “идеал”, “программирование”, “прогнозирование”, “планирование”, “целеполагание” и т.д.

Автор считает, что прогноз деструктивен, если составлен без учета путей и средств движения к предполагаемому будущему, он становится игрой ума, фантастикой, пусть даже называющейся научной. В контексте исследованной проблемы речь может вестись только о научном предвидении. Целеполагание также связано с формированием представлений о возможном будущем, о путях и средствах его достижения и выступает в качестве заказчика по отношению к планированию. Таким образом, планирование как бы уже заранее содержится в прогнозе и в цели.

Ближайшим понятием, противостоящим понятию цели, является “средство”. Цель как явление идеальное противостоит материальному, как субъективное - объективному, как частный, преломленный через сознание случай причинности противостоит естественной, нечеловеченной в восприятии причинности, как отражение возможности противостоит действительности, как проявление свободы - необходимости.

В реальной жизнедеятельности человек отражает, с одной стороны, свои потребности, с другой - объективный мир, его закономерности и возможности. Это отражение не мертво, не статично. В этом целевом отражении проявляется творческий и активный характер человеческого сознания как стремления реализовать свою свободу в многофункциональном целеполагании.

Несомненно, цели порождаются самим социальным бытием человека. С другой стороны, они противостоят действительности по форме, как идеальное

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, стр. 188.

материальному, а по содержанию как то, чего еще нет в действительности. Для того, чтобы быть реальными, а не беспочвенными мечтаниями, цели должны отражать объективные закономерности предмета целеполагания и материальные возможности реализации. Только в этом случае результатом целеполагающей деятельности будет целеосуществление.

Целеполагание многофункционально, всегда опирается на систему общественных ценностей, коррелирует с сложившимися в социуме культурными универсалиями. В процессе целеосуществления проявляется динамический характер целеполагания, когда деятельность человека по реализации цели корректируется на многофакторной основе, поправки носят родовой по отношению к данной цели характер.

Свобода, как конечное состояние деятельности, выражается в возможности свободно ставить и реализовать цели, отражающие потребности людей. Сама реализация свободы в этом отношении должна быть связана с познанием природной и общественной необходимости, плюс познание и объективная оценка потребностей, а также с необходимостью коррекции целей культурными универсалиями. В традиционной метафизике свобода понимается только как совпадение сознательного желания или цели со слепой необходимостью, в данной же работе целеполагание рассматривается как объективизирующий и длящийся процесс, состоящий в том, что люди в одной и той же ситуации имеют возможность формулировать и осуществлять различные цели, корректировать их в процессе реализации в социальной среде. Эта возможность выражается в том, что в каждой конкретной ситуации имеется широкий диапазон средств для реализации. Реализация целей обусловлена не только их правильным выбором, но и социальными условиями, сложившимися в данном обществе. Целеполагание и целеосуществление, с одной стороны, зависят от очеловеченной природы, с другой - от социума, который и есть вторая реальность, в которой цель формируется, структурируется и опредмечивается.

Целеполагание является необходимым элементом управленческого процесса в обществе. Дефиниция цели присутствует в каждом акте управляющего органа. В одном случае речь идет о цели - идеале (мировоззренческий аспект управления), в другом - о цели - результате (политический и экономический аспект), в третьем - о цели - прогнозе (аспект экстраполяции прошлого и настоящего в будущее). Деятельность человека (прежде всего управленческая) всегда отличается такими чертами, как целесообразность, целенаправленность и целеустремленность. Она идет в направлении целедостижения на основе использования всех возможностей, методов и средств, имеющихся в распоряжении человека. Поэтому для характеристики управленческой деятельности имеет принципиальное значение анализ и оценка целеполагания, процесса инструментирования цели, сущностного обоснования как субъективной необходимости и предвидения положительных и негативных результатов от ее реализации для данной общественной системы.

В исследовании проанализированы проблемы социального управления под углом зрения целеполагания и выделены в нем основные элементы:

а) формирование цели; б) определение основного источника целедостижения; в) выбор средств для ее реализации; д) ресурсное обеспечение; е) обеспечение интенсивных факторов исполнения; ж) программное обеспечение; з) корректировка принятой программы и система промежуточного контроля и учета; и) прогноз результатов деятельности. На основе анализа целеполагания в сфере социального управления автором даны рекомендации по ее совершенствованию.

Определяя ту или иную цель, человек чаще всего стремится к использованию закономерностей, делающих наступление того или иного события необходимым, иначе говоря, динамические закономерности всегда предпочтительны при реализации цели. Мир представляет собой универсально взаимосвязанную во всех своих частях систему. Реализация целей давала бы стопроцентную гарантию, если бы объект, на который направлена активная

преобразующая деятельность, был автономным по отношению к другим объектам и явлениям. Существование универсального взаимодействия в объективном мире исключает по отношению к данному объекту или процессу оценку всех происходящих изменений как только необходимых, типа: “условие - причина”, “событие - следствие”. Целый ряд событий и воздействий на пути реализации цели выпадают из сферы действия закономерностей данного объекта и на этом основании оцениваются как случайные.

Следовательно, динамические закономерности, применение которых дает при реализации наивысший процент гарантии, должны быть дополнены закономерностями, заключающимися в том, что некоторые события при тех или иных заданных условиях имеют вероятностное содержание, называемое статистической закономерностью. Такие закономерности представляют собой своеобразную форму проявления причинной связи объекта целесообразной деятельности с предшествующими условиями. Эта форма связи является более гибкой, чем та, которая приводит к возникновению динамических закономерностей.

Статистические закономерности играют большую роль при проверке с помощью прогноза, например, темпов и пропорций расширенного воспроизводства. Таким образом, через прогноз происходит превращение статистических закономерностей экономических процессов в динамические закономерности деятельности, по своему существу являющиеся производством. Когда при помощи прогноза изучены условия, которые могут привести к нежелательным отклонениям в будущем, тогда определяется цель функционирования производства на данный отрезок времени.

В наше время только то общество заслуживает наименования свободного, общественное производство которого не зависит от тотального планирования, функционирует на основе рыночных законов, а тенденции рыночной стихии прогнозируемы. Без ступенчатых методов научного прогнозирования общество неизбежно теряет перспективу, и его законы проявляются через массу случайных явлений, каждое из которых может быть принято за тенденцию. В

этих условиях неизбежен разрыв между целевой культурой и культурой деятельности, что ведет к значительным материальным потерям, теоретически непредсказуемым в условиях, когда существующие методики прогноза не обеспечивают нужной в соответствии с общественно-хозяйственной концепцией временной глубины. В этом случае могут прийти на помощь целевые установки, т.е. постановки определенных задач без расчетов, исходя только из тенденции развития многоуровневых экономических процессов.

В рамках целевого планирования по мере возрастания масштабов и усложнения социальных процессов постепенно оформилась особая форма систематизации деятельности - программирование. В настоящее время, взяв на вооружение компьютер, оно отделяется от планирования в качестве особого вида информационного предвидения. Программирование ориентировано в будущее - нет никакого смысла программировать (как и планировать) прошлое. Следовательно, в наше время программирование есть вид предвидения, а с учетом его значимости - один из основных

Глобализируя свои цели и интересы, общество стремится к долгосрочным прогнозам. Долгосрочный прогноз - это, прежде всего, качественное и количественное обоснование стратегии социально-экономического и технического развития, целей и основных принципов внутривозрастной и внешнеэкономической политики. Он отражает перспективы развития общества и реализацию свободы. И, естественно, главное в прогнозе - научность и глубина разработки проблем общественного развития, а не детализация расчетов. Первым примером обоснования долгосрочного прогноза путем постановки научно-обоснованных целей без детализации был план ГОЭЛРО.

“Мы должны сосредоточить внимание на самом основном, существенном и не смущаться грубой наброской остальных контуров, - говорилось в докладе о плане ГОЭЛРО, - Таким путем мы сможем подойти к действительно жизненному, единому плану нашего народного хозяйства и избежать той

опасности, которая нам угрожает при излишней детализации плана потерей основной дороги”.¹

При научном анализе общественных процессов весьма важно различать и разграничивать процессы функционирования и развития общества. Воспроизводство структурных компонентов (людей, форм общения, материальных средств) относится к сфере функционирования, так как в значительной степени цель ставится опосредованно для любой социальной системы. Процесс развития предполагает не только экстенсивные формы, но и повышение уровня организации общества, сформулированного как многофункциональная цель. Достигнутый уровень предполагает формирование новых общественных потребностей и новых средств их удовлетворения. Над старыми регулятивными системами надстраиваются новые, возникают новые критерии членения и оценки действительности в общественном сознании и т.д. В совокупности это ведет к переходу от простого функционирования к развитию общественных систем, где главным показателем является системное целеполагание как условие эффективности индивидуального.

Это важно еще и потому, что процесс достижения общественной свободы предполагает познание необходимости и построение всей системы целей и потребностей в соответствии с объективными закономерностями среды деятельности. Только таким путем достигается совпадение целей деятельности с объективным развитием среды, взаимосвязь целеполагания и планирования.

Следовательно, общественная цель объективна в том смысле, что имеет объективный характер, а не объективно существует, точно так же, как истина объективна, но объективно не существует. Она, как и общественное сознание, есть отражение действительности, но отражение не настоящего или прошлого, а будущего и отличается от инвариантности прогноза тем, что содержит в самой своей сущности стремление к осуществлению, выраженное в плане деятельности. А объективность цели определяется ее содержанием, которое исходит из многократно проверенных методов и средств деятельности.

¹ План электрификации России. М.: 1955, стр. 66.

К. Маркс писал, что “...потребление создает потребность в новом производстве, стало быть, идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, которое есть его предпосылка. Потребление создает побуждение к производству, оно создает также и предмет, который в качестве цели определяющим образом воздействует на производство. И если ясно, что производство предоставляет потреблению предмет в его внешней форме, то точно также ясно, что потребление полагает предмет производства идеально, как побуждение и как цель. Оно создает предметы производства в их еще субъективной форме”.¹ Предшественником рассмотрения целеполагания с диалектических позиций был Гегель, для которого цель была внутренним содержанием саморазвития абсолютного духа. Марксизм усвоил и развил лучшие достижения как старого материализма, так и идеалистической диалектики по данному вопросу.

Рассматриваемая нами проблема относится к большому кругу вопросов сферы взаимодействия субъекта и объекта и взаимосвязи категорий этой сферы. В наше время изучение характера, стимулов и побудительных мотивов человеческой деятельности имеет огромное практическое значение. В этом смысле механизм реализации целей как одна из сторон и путей достижения свободы заслуживает пристального внимания. Без этого целеполагание не может быть оценено в категориях и будет выглядеть как отклонение от обыденности повторяющихся моделей. Цель и свобода как категории диалектики теснейшим образом связаны между собой. Можно сказать, что категория свободы конкретизирует целевое отношение в смысле выбора и реализации цели, а их связь есть важнейшее условие превращения рутинного функционирования в совершенствующийся творческий процесс, даже сама возможность коррекции цели в процессе реализации принимает форму свободы.

Безусловно, в своем целеполагании субъект детерминирован природной и общественной средой, но эта детерминированность целей субъекта еще не

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.12, стр. 717-718.

говорит о его несвободе, непосредственной причиной цели является потребность и желание, собственно, в действиях субъекта в соответствии с желанием и проявляется его свобода и то, что это желание детерминировано, ничего не меняет, поскольку человек есть объект не вне природы лежащий, а частица ее. В данном случае внешние факторы, будучи субъективизированы, выступают как внутренние побуждения человека.

Существуют и факторы, ограничивающие свободу целеполагания, например, когда цели навязаны извне и не опосредованы собственными мотивами. В реализации разумных целей человек выступает как мера всех ценностей, а удовлетворение интересов всех и каждого превращается в мерило свободы и исторического прогресса. Действительная свобода состоит не в манипулировании целями, а в их реализации. Для этого необходима, если можно так выразиться, целевая культура, проявляющаяся в правильном понимании своих целей и возможностей, умении отличать цели по важности и неотложности. Структура и ступенчатость целей имеет громадное значение в достижении баланса между факторами нейтральными по отношению к деятельности, имеющими объективный характер, и субъективными стимулами мотивированной активности, имеющими целесообразный характер.

Создавая соответствующие условия и ситуации, субъект использует и случайные проявления объективных законов, которые служат реализации его целей. Поскольку человек произвольно не изменяет законов действительности, то открытие этих законов часто принимает форму случайности (т.е. человек для открытия пользуется случайными проявлениями данного закона). Опираясь на природную необходимость, субъект создает необходимость совершенно другого порядка, которая содержит в себе потенции, явления, отвечающие цели.

В этом смысле, в границах необходимости человек может ставить и реализовать столько разнообразных целей, сколько случайных форм может проявить необходимость. Кроме того, случайность является не только формой проявления необходимости, но и дополнением ее. А это означает, что человек

свободен реализовать бесконечное количество целей, которые не связаны с данной необходимостью, но и не противоречат ей.

В работе дана оценка значения целевого многообразия как фактора сознания. Общество должно предоставить индивиду целевой ассортимент и право выбора, осознаваемое как многофункциональность целеполагания. Ведь цели могут диктоваться извне чисто идеологически как разумные дефиниции того, что не приведет данного человека к конфликту с другим человеком на основании отсутствия материальных возможностей реализации индивидуальных целей всех без исключения. Можно воспитывать в человеке целевой аскетизм на том основании, что реализация глобальной цели предпочтительнее права на индивидуальную, так как обеспечивает всеобщее благо. В этом случае функциональное регулирование целей извне разрастается, поглощая ролевой статус человека, загоняя индивидуальные цели человека в подполье, заставляя его стыдиться цели, содержательно являющейся частной, личной.

При всех своих недостатках стихия рынка имеет целевую оптимальность, так как необходимость не носит декларативного характера, а выступает как знание о возможностях, это бесконечный процесс вычитания из необходимости, когда в итоге остается только невозможность. Без деятельности необходимость идентична невозможности, а через деятельность между ними возникает противоречие: с одной стороны, очеловечивание природы, естества, с другой - превращение законов деятельности в естественно-историческую необходимость.

Человек, будучи частицей своей собственной среды, которая в нем, и он в ней, представляет собой диалектическое единство необходимого и случайного, существенного и несущественного. Осуществление случайного и несущественного, порожденного временной ситуацией или переходным моментом, играет большую роль в субъективном ощущении человеком возможности рациональной коррекции целей по мере их осуществления. Осуществление случайных и несущественных целей возможно потому, что оно

не идет вразрез с необходимостью, дополняет свободу и не противоречит существенным целям.

Далее, если в правильном выборе целей главную роль играет познание, то их реализация обуславливается не только выбором, но и, главным образом, общественными условиями. Поэтому гносеологическое исследование многофункциональности целеполагания должно дополняться исследованием тех социальных условий, которые необходимы для реализации целей. Иллюзорная свобода при произвольном выборе целей превращается в свою противоположность, когда они оказываются нереальными.

Для реализации целей как самореализации человека необходимо:

- чтобы они были выбраны добровольно;
- чтобы внешняя необходимость была субъективизирована и превратилась в мотив субъекта;
- чтобы цели реализовывались, а не были мыслительным поиском;
- чтобы реализованные цели соответствовали коренным потребностям субъекта и были моментом общественной значимости и ценности его деятельности;
- чтобы реализация сегодняшних целей становилась основой для постановки и реализации более сложных и отдаленных целей;
- чтобы отдаленные последствия целесообразной деятельности тщательно исследовались при помощи существующих оптимальных методик прогноза.

Поэтому многофункциональность целеполагания связана с познанием потребности, с одной стороны, и объективной необходимости, с другой. В одной и той же ситуации субъект может ставить и реализовать много целей, контролируя случайные формы проявления необходимости. Для этого необходима многоступенчатая практика планирования. Каждая новая масштабная задача в каждый новый исторический период требует своей особой программы, прошлый опыт не является законодателем новых методов

действий. Примером может служить программа информатизации и компьютеризации России.

Кроме того, механизм реализации сходных целей может в каждом отдельном случае отличаться методами и средствами, а также уровнем мотивированной активности в зависимости от целевого стимула. Всякая реализованная цель включается в систему факторов, обуславливающих последующие действия и события, поэтому субъект может в какой-то мере предопределять будущую необходимость и свою собственную жизненную линию. Отсюда берет исток проблема свободы и ответственности, которая в наше время стала одним из критериев гуманизма политических доктрин и юридической ответственности за содеянное.

Многофункциональность целеполагания неизбежно порождает вопрос, насколько поведение человека совпадает с определенными общественными интересами или противоречит им. Здесь преобладают две позиции, и они рассмотрены в работе:

1. Свобода целеполагания декларированная, провозглашенная и реализованная, проявленная в модели поведения, в поступках и действиях. Цели человека как проявления мыслительного процесса могут находиться в статическом состоянии, и тогда их произвол ничем не стиснут, их бытие сродни воображению как таковому, целеполагание здесь не ограничено чисто информационно. Здесь действует ницшеанская этическая максима: пока человек молчит и моргает, невозможно определить, морален он или аморален.

2. Целеполагание - модель действия, основанная на знании и мотивированной активности. Здесь цель стиснута возможностями реализации, выбором средств, ступенчатостью движения к результату, неизбежными препятствиями, действием случайных факторов, уровнем самооценности и т.д. Поставив цели, человек всего лишь в какой-то мере свободен в выборе методов и средств реализации. Он находится перед полосой препятствий, состоящей из бесчисленных социальных табу: правовых, моральных, технических. Активность его зависит от напряжения его воли, которая и вызывает такие

качества, как настойчивость, самостоятельность, рассудительность, дисциплинированность, выдержку и самообладание. Кроме того, отдельные цели и результаты могут быть социальной мимикрией, служат средствами драпировки действительных стремлений.

В работе выстроено решение этой проблемы через определения аспектов самореализации человека в деятельности, совпадающей с возможностью удовлетворить в результате собственной мотивированной активности свои действительно человеческие потребности, а также наиболее рационально скорректировать их с моральными и правовыми нормами. Эта возможность должна быть гарантирована обществом через социальные институты, и только в этом случае реализация целей есть самореализация человека через многофункциональность целеполагания. Правильно подчеркивая внешнюю обусловленность поведения людей общественной и природной средой и не уделяя должного внимания выбору цели, который осуществляется человеком, мы вольно или невольно недооцениваем проблему ответственности личности, значение волевых усилий в поступках и деяниях человека.

Если целеполагание предполагает ответственность, то ответственность, в свою очередь является условием целеполагания. Истинно свободная деятельность всегда целеустремленна и всегда происходит в рамках закона. И, следовательно, каждый акт целеполагания есть, вместе с тем, и ответственность. Необходимость богата по содержанию и предоставляет человеку возможность выбора. Лишь зная детерминанту, человек в состоянии ориентироваться в своем решении, определить в правильности или неправильности его. Иначе говоря, в любой ситуации человек выбирает любую цель из ряда возможных, и этот выбор определяется главным образом его социальной ценностью, позициями и интересами. Таким образом, если многофункциональность целеполагания означает возможность выбора цели, а реализация ее, вместе с тем, и материальное выражение целеполагания, то ответственность - это оценка выбора, поступка, оценка его пользы или вреда для общества. Таким образом, изучение многофункциональности

целеполагания входит в большой круг проблем, связанных с местом человека в общественной и природной среде.

Цель всегда есть субъективная устремленность на несуществующее, опирающаяся на существующее как факт познания, объективные законы и наличные средства, действия, в соответствии с которыми есть одновременно и закон деятельности. Побочным результатом целедостижения является формирование общественных закономерностей, которые складываются сначала через целесообразные процедуры, потом оказывают обратное воздействие на формирование “лестницы целей” как их внутренней сущности.

Полученные результаты могут быть использованы для обоснования коррекции и уточнения методик социологических исследований интересов населения, рейтинга социальных ценностей, представления о желаемом будущем. Они имеют ценность и в планировании избирательных компаний, так как знание структуры целей населения региона, страны дает возможность гуманизировать избирательные платформы и программы.

Сформулированные в монографии закономерности целеполагания могут быть использованы при изучении культурных интересов, потребительского спроса, жизненных ценностей, при ранжировании интересов людей во временной перспективе, а также позволяют определить значимость внутренних мотиваций человека при управленческом воздействии на него.

Данные о ступенчатости целеполагания и целеосуществления, сформулированные в исследовании, могут быть использованы для изучения и определения тенденции изменения содержания ролевого статуса личности в обществе, а также при чтении лекций по проблемам социального детерминизма, взаимоотношений общества и личности, государства и социальных слоев социума, по теории интересов. Выводы о содержании познавательных целей могут быть использованы при проектировании образовательных инноваций, в процессах реформирования современных образовательных систем и структур.

Сформулированные в работе закономерности целеполагания как творчества могут найти свое применение при определении форм

государственного регулирования, социальных процессов, при разработке государственной, региональной, муниципальной политики активизации гражданского общества, в разработке методик разрешения конфликтов между личностью и структурами управления.

Сформулированные в исследовании закономерности и модели использования категории цели в технизированных системах, моделирующих человека и его интеллект, могут быть использованы в проектировании нового поколения информационных систем, в которых социальная цель сопряжена с целью функционирования искусственного интеллекта. Нарботанный в монографии материал может быть использован при чтении лекций по социальной философии, теории управления и теории организации, а также по теории организационного поведения.

Проблемы, решаемые в исследовании, требуют дальнейшей работы, так как процесс содержательного изменения культуры целей в соответствии с изменяющимися условиями реализации целей должен сопровождаться культурой реализации в ее содержательно очеловеченном виде, исключающем трагический распад целей и средств, целей и результатов.

Целый ряд проблем, вытекающих из данной монографии, не рассмотрен в ее рамках, например, проблема интереса как субъективного образа объективной потребности, взятой в единстве ее эмоциональных и рациональных компонентов. Не рассмотрен феномен принятия решений, хотя на уровне управления социальными процессами разной степени сложности целеполагание чаще всего приобретает именно форму принятия решений. Цели как форма реализации потребностей не рассмотрены с эмоциональных, эстетических и психологических позиций, а ограничены автором только философскими и частично экономическими аспектами. Исследование этих и других проблем, вытекающих из данной работы, автор считает своей задачей на ближайшее будущее.

Литература

1. Агафонова Н. В. О различных формах кумулятивистской интерпритации развития научного знания.// Философские науки. 1990, №2.
2. Агафонова Н. В. Философско-методологические проблемы современной психологии.// Философия и социология науки и техники. М., 1983.
3. Агеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации, Б., 1994.
4. Адамсон Дж. Моя беспокойная жизнь. Перев. с англ. М.: Прогресс, 1982.
5. Акофф Р. Эмери Ф. О целеустремленных системах. М. Сов. радио, 1974.
6. Александров Д.А. Еще раз о деятельной сущности человека. // Вопросы философии, 1968, №7.
7. Алексеев П. В. Наука и мировоззрение. М. ,1983
8. Алексеев П. В. Причина ее сущность и // Вестник МГУ. Серия философия. 1988, №3.
9. Амосов Н.М. Искусственный разум. Киев, 1969.
- 10.Ананьев Б.Г. Комплексное изучение человека как очередная задача современной науки. // Вестник ЛГУ, сер. Экон., филос., право, вып. 4, 1962.
- 11.Андреев В.М. Человек как объект социологического исследования. // Личность при социализме. М.: 1968.
- 12.Андреева Г.М. Принцип деятельности и исследования общения // Общение и деятельность. На русск. и чеш. языках. Прага, 1985.
- 13.Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1997.
- 14.Андрющенко М.Н. Некоторые философские вопросы кибернетики. // Философские науки, 1959, №3
- 15.Анисимов С. Ф. Духовные ценности: производство и потребление. М., 1988.
- 16.Аничкин А., Ершов Э. Методологические вопросы народно-хозяйственного прогнозирования. // Вопросы экономики, 1967, №5
- 17.Анохин П.К. Биология и физиология условного рефлекса. М.: Медицина, 1968.

- 18.Анохин П.К. Опережающее отражение действительности // Вопросы философии, 1962, №5.
- 19.Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. М., 1971.
- 20.Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1970.
- 21.Анохин П.К. Химический континуум мозга как механизм отражения действительности // Вопросы философии, 1970, №6.
- 22.Апинис Р.Л. Предпосылки логико-методологического подхода к целеполаганию. // Методологические вопросы социального познания. Калинин, 1986., с. 150-156.
- 23.Аптекер. Г. В лабиринте пророчеств. М., 1973.
- 24.Аптекер. Г. О сущности свободы. М.: 1961.
- 25.Араб-Оглы Э.А. Обозримое будущее. М.: 1986.
- 26.Аристотель. Физика. М.: 1937.
- 27.Аръес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
- 28.Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 1976.
- 29.Афанасьев В.Г. Об управлении высшими организмами // Вопросы философии, 1969, №5.
- 30.Афанасьев В.Г. Социальная информация в управлении обществом. М.: 1975.
- 31.Барбасов А.В. Понимание в футурологическом мышлении - объяснение и понимание в социальном познании. М.: 1990.
- 32.Бассин Ф.В. О подлинном значении нейрофизиологических концепций Н.А. Бернштейна // Вопросы философии, 1961, №6.
- 33.Бауэр А., Эйхгорн В. и др. Философия и прогностика. М.: 1971.
- 34.Белых А.К. Управление и самоуправление. Л.: 1972.
- 35.Берг А., В. Бирюков, И. Новик. Методологические аспекты кибернетики. // Коммунист. М.: 1971, №8.
- 36.Берг А.И. Кибернетика - наука об оптимальном управлении. М.: 1964.
- 37.Бергсон А. Время и свобода воли. М.: 1911.

- 38.Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998.
- 39.Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
- 40.Бернштейн Н.А. Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой // Вопросы философии, 1962, №8.
- 41.Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движения и физиологии активности. М.: Медицина, 1966.
- 42.Бернштейн Н.А. Пути и задачи физиологии активности // Вопросы философии, 1961, №6.
- 43.Бестужев-Лада И.В. Окно в будущее (современные проблемы социального прогнозирования). М.: Мысль, 1970.
- 44.Бестужев-Лада И.В. Социология и футурология: социальное прогнозирование в деятельности международной социологической ассоциации. // Социологические исследования. М.: 1992, №4.
- 45.Бестужев-Лада И.В. Теоретико-методологические проблемы нормативного социального прогнозирования. // Теоретико-методологические проблемы социального прогнозирования и социального проектирования в условиях научно-технического прогресса. М.: 1986.
- 46.Бестужев-Лада И.В. Трагедия без триумфа // Наука в СССР. М.: 1991, №6.
- 47.Бжалова И.Т. Психология установки и кибернетика. М.: Наука, 1966.
- 48.Бир С. Кибернетика и управление производством. М.: 1965.
- 49.Блабуберг И. В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
- 50.Богомолов А.С. Англо-американская буржуазная философия эпохи империализма. М.: ИЛ, 1955.
- 51.Борзенко А. Проблема цели в общественном развитии. М.: 1963.
- 52.Бражник В. Марксистская теория оценок. М., 1982.
- 53.Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.
- 54.Буева Л. П. Развитие личности как объект социального планирования и управления.// Социальная структура социалистического общества и всестороннее развитие личности. М., 1983.

- 55.Буюва Л.П. Диалектика социального и индивидуального в развитии личности// Философия и социология науки и техники. М., 1990.
- 56.Буюва Л.П. Социальная среда и сознание личности. М., 1968.
- 57.Буюва Л.П. Человек и общественный прогресс// Вопросы философии, 1988, №3.
- 58.Буюва Л.П. Человек как высшая ценность и главное богатство общества. М., 1991.
- 59.Буюва Л.П. Человек: деятельность и общение.М.,1978.
- 60.Бунге М. Причинность. М.: 1962.
- 61.Бухалов Ю.Ф., Е.А. Якуба. Общественная активность ее содержание и критерии. // Философские науки. М.: 1968, №4.
- 62.Бьярнсон Б. Философские этюды. М.: 1955.
- 63.Валлон А. От действия к мысли. пер. с фран. М.: 1956.
- 64.Ван Лавик-Гуддол Дж. В тени человека. пер. с англ. М.: Мир, 1974.
- 65.Василенко В. А. Ценность и оценка. Киев, 1964.
- 66.Васильев И.А., Магомед-Эминов М.Ш. Мотивация и контроль за действием. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1991.
- 67.Васильев Ю.А. В.И. Ленин и социальное предвидение. Минск, Изд-во Белорусского гос. университета, 1978.
- 68.Василюк В.Ф. Психология переживания. М.: 1984.
- 69.Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
- 70.Вероятностное прогнозирование в деятельности человека: Сб. статей. М.: Наука, 1977.
- 71.Вильчек В.М. Прощание с Марксом. М.: 1991.
- 72.Виндельбанд В. О свободе воли. Спб., 1905.
- 73.Виндельбанд В. От Канта до Ницше. М., 1998.
- 74.Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958.
- 75.Винер Н. Новые главы кибернетики. Управление и связь в животном и машине. М.: 1963.

- 76.Винер Н. Творец и робот. Пер. с англ. М., 1966.
- 77.Виннер Н. Кибернетика. Пер. с англ. М.: Мысль, 1968.
- 78.Виноградов В.Г. Гончарук С.И. Законы общества и научное предвидение. М.: Политиздат, 1972.
- 79.Виноградов В.Г. Научное предвидение. М.: Высшая школа, 1973.
- 80.Вишнев С.М. Основы комплексного прогнозирования М.: Наука, 1977.
- 81.Водзинская В.В. Понятие установки отношения и ценностной ориентации в социологическом исследовании. // Философские науки. М.: 1968.
- 82.Волков А. М., Миладзе Ю. В., Солнцева Г. Н. Деятельность: структура и регуляция. Психологический анализ.М., 1987.
- 83.Волков И.П., Емельянов Ю. Руководство научным коллективом. М., 1972.
- 84.Вольд Е. М. Функциональная оценок. М., 1985.
- 85.Вопросы целенаправленного функционирования социально-экономических подсистем. М.,ЦЭМИ АН СССР, 1976.
- 86.Воронина Т. П. Информационное общество: сущность, черты проблемы. М., 1995.
- 87.Воронович Б.А. Философский анализ структуры практики. М.: 1972.
- 88.Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. Санкт-Петербург, 1996.
- 89.Гаазе-Раппорт. Автоматы и живые организмы. М.: 1961.
- 90.Габичева Р.М. Человек и общество в немецком экзистенциализме. М.: 1972.
- 91.Гвишиани Д.М., В.И. Лисичкин. Система прогнозирования в планировании и управлении научными исследованиями и разработками. М.: 1968.
- 92.Гегель Г.В.Ф. Наука логики., тт. 1-3. М.: 1970-1972.
- 93.Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет., тт. 1-2. М.: 1970.
- 94.Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Соч., т. 4., М.: 1959.
- 95.Гегель Г.В.Ф. Философия истории., т. 8. М.: 1935.
- 96.Гендин А.М. Предвидение и цель в развитии общества. (Философско-социологический аспект социального прогнозирования). Красноярск, 1970.
- 97.Герцен А.И. Письма об изучении природы. Соч. т. 3. М., 1959.
- 98.Гесслер К. О сущности жизни. М.:1968.

- 99.Гирусов Э. В. Актуальные проблемы разработки теории взаимодействия общества и природы.// Философия науки, 1976, №4.
- 100.Гирусов Э. В. Диалектика взаимодействия живой и неживой природы. М., 1971.
- 101.Гирусов Э. В. Философский и социальный смысл понятия «ноосфера»./ Учения В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу. Т.2. М., 1991.
- 102.Глушков В.М. Мышление и кибернетика. - “Вопросы философии”, 1963.
- 103.Гольбах П. Здравый смысл. М.:1941.
- 104.Гольбах П. Система природы. М.: 1940.
- 105.Гражданников Е.Д. Прогностические эффекты. // Изв. Сиб. Отд. АН СССР. Серия общ. науки, вып. 2, № 6. Новосибирск, 1971.
- 106.Грамши А. Избранные произведения. М.: 1959
- 107.Грегори Р.А. Открытия, цели и значение науки. Пер. с англ., Изд. М. и С. Сабашникова, Петроград, 1923.
- 108.Гремяцкий М. Все ли целесообразно в природе. М.,1933.
- 109.Гречко П. К. К вопросу о диалектике теории и практики.//Философские науки. 1991, №2.
- 110.Гречко П. К. Практика человека: Опыт философско-методологического анализа. М., 1988.
- 111.Гречко П. К. Эксплуатация: социально-антропологический анализ.// Вестник МГУ. Серия философия. 1992, №4.
- 112.Григорьян Б.Т. Человек. Его положение и призвание в современном мире. М. Мысль, 1986.
- 113.Гришин И.И. Понятие информации. М.: 1973.
- 114.Грэхэм Л.Р. Естествознание и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Юрист, 1994
- 115.Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.,1972.
- 116.Гусерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, Агенство Сагуни, 1994.
- 117.Давидович В.Е. Грани свободы. М.:1969.

118. Давидович В.Е. Знание в философии. Ростов на-Дону, 1997.
119. Давидович В.Е. Проблемы человеческой свободы. Львов, 1967.
120. Давыдов Ю.Н. Труд и свобода. М.: 1961.
121. Дайсон и Картер Ш. Будущее свободы. М.: 1963.
122. Дельгадо Х. Мозг и сознание: Пер. с англ. М.: Мир, 1971.
123. Джеймс У. Прагматизм. Спб., 1910
124. Джемс У. Вселенная с плюралистической точки зрения. М.: 1911.
125. Джемс У. Зависимость веры от воли. Спб.: 1904
126. Джемс У. Многообразие религиозного опыта. М.: 1910.
127. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах. // Новые идеи в философии №1, Спб.: 1912.
128. Дингельштедт Ф. Причинность и целесообразность. Ростов Н/Д., 1925.
129. Добров Г.М. Прогнозирование науки и техники. М.: Наука, 1977.
130. Добрянков В.И. Концепция человека у Э. Фромма // Вестник МГУ, серия Философия. М.: 1968, №4.
131. Додонов В. И. Эмоции как ценность. М., 1978.
132. Дробницкий О.Г. Мир отживших предметов: проблема ценности и морали - системная философия. М., 1967.
133. Дробницкий О.Г. Понятие морали: Историко-критический очерк. М.: Наука, 1974.
134. Дубинин Н.П. Некоторые методологические проблемы генетики. М.: Наука, 1968.
135. Дубинин Н.П. Социальное и биологическое в современной проблеме человека // Вопросы философии, 1972, №10.
136. Дубинин Н.П., Корнец И.И., Кудрявцев В.И. Генетика, поведение, ответственность. М.: Политиздат, 1989
137. Егоршин А.П. Управление персоналом. М., 1997.
138. Ермоленко Д.В. Современная буржуазная философия США. М., 1965.
139. Ерясов А. Социальная культурология. М., Аспект Пресс, 1996.

140. Загороднюк В.П. Целеполагание в практике, культуре, познании. Киев., Наук. думка, 1991.
141. Зак З.В. Значение категорий “Потребность”, “Интерес”, “Цель” в раскрытии механизма действия общественных законов. Кривой Рог. Криворож. Государственный пед. ин-т., 1987.
142. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.
143. Зеленовский Я. Организация трудовых коллективов. Введение в теорию организационного управления. Пер. с польск. М.:1971.
144. Земан И. Познание и информация. Пер. с чешск. М.:1966.
145. Иванов В. В. Некоторые проблемы современной лингвистики.// Народы Азии и Африки, 1963, №4.
146. Ивин А. А. Основная логика оценок. М., 1970.
147. Ионин Л.Г. Социология культуры. М., Логос, 1996.
148. Исаев А. К вопросу об опережающем отражении как предпосылке целеполагающей деятельности. // Межвузовская научно-теоретическая конференция аспирантов. Ростов-на-Дону., 1972.
149. Исторический материализм как методология познания и преобразования общественной жизни. М. ,Наука ,1987.
150. Каган М.С. Философия культуры. Санкт-Петербург, 1996.
151. Каган М.С. Философская теория ценности. Санкт-Петербург, 1997.
152. Каган М.С. Человеческая деятельность: опыт системного анализа. М.,1974.
153. Казакевич Т.А. К вопросу о классификации целей (возможность, действительность, цель). // Вестник ЛГУ, вып. 2, 1965, №1.
154. Казакевич Т.А. Целесообразность и цель в общественном развитии. Л., 1969.
155. Казакевич Т.А. Цель и свобода. // Вестник ЛГУ, серия философия, вып. 4., 1968, № 23.
156. Казакевич Т.А., Куртышев А.В. Проблема органической целесообразности. // Вестник ЛГУ, вып. 2, 1965, №11.

157. Казарян В. П. Новая познавательная ситуация в исследовании сложных систем. М., 1990.
158. Камаева К.И. Социальная активность как один из аспектов социологического исследования студенческой молодежи. // Учен. зап. Лат. ун-ва. Рига, 1972, т. 158.
159. Кант И. Критика практического разума. Соч., т. 4(I), М.:1965.
160. Кант И. Критика способности суждения. Спб, 1898.
161. Кант И. О применении телеологических принципов в философии. Соч., т. 5, М.:1966.
162. Кардашева А.С. "Опережающее отражение" в контексте проблемы времени // Ленинская теория отражения в свете развития науки и техники. В 2-х томах. София: Наука и искусство, 1981.
163. Картава В. В. К вопросу о ценностной детерминации сознания. Тбилиси, 1987.
164. Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Инст. нац. модели экономики, 1994..
165. Категории философии и категории культуры. Киев, Политиздат, 1983.
166. Керимов Д.А. Категории цели в современном праве. // Изв. выс. учебн. завед. Серия правоведение, Л., 1964, № 3.
167. Керимов Д.А. Свобода, право и законность. М.:1960.
168. Клаус Г. Кибернетика и общество. М.:1967.
169. Клаус Г. Кибернетика и философия. М.:1963.
170. Клизовский А. Основы миропонимания новой эпохи. Магнитогорск, 1994.
171. Клименкова Т.А. Методологические подходы к анализу будущего в современной западной философии // Философия о будущем человечества. М.: 1990.
172. Кнорринг В. И. Искусство управления. М.,1997.
173. Козин В.Н. К проблеме определения понятия "цель". // Вестник МГУ, серия Философия, М.:1968, № 1.

- 174.Козначеев В.П., Спирин Е.А. Космопланетарный феномен человека. Проблемы комплексного изучения. Новосибирск, Наука. Сибирское отдел., 1991.
- 175.Колмогоров А.Н. Теория передачи информации., М.: 1965.
- 176.Комаров В. Загадка будущего. М.: 1971.
- 177.Кон И. С. Открытие «Я». М., 1978.
- 178.Кондель П.Е. "Путь к Европе" и его ухабы (футурологические фантазии на восточноевропейскую тему). // Социально-политические науки. М.: 1991, №5.
- 179.Копнин П.В. Гипотеза и познание действительности. Киев, Изд-во КГУ, 1962.
- 180.Копнин П.В. Диалектика как логика. Киев, Изд-во КГУ, 1961.
- 181.Коршунов А. М. Диалектика субъекта и объекта в познании. М., 1982.
- 182.Коршунов А. М. Отражение, деятельность и познание. М., 1979.
- 183.Коршунов А. М. Познание и деятельность. М., 1967.
- 184.Косса П. Кибернетика. М.: 1958.
- 185.Кочергин А. Н. Моделирование мышления. М.,1969.
- 186.Кочергин А. Н. Философский анализ моделирования функций мозга. Новосибирск, 1973.
- 187.Кочергин А. Н. Экология и техносфера. М., 1995.
- 188.Кребер Г. Философские категории в свете теории систем. // Философские науки. М.: 1966, № 1.
- 189.Кронрод Я.А. Производительные силы и общественная ответственность. М.: Наука, 1987.
- 190.Кронфорт М. Открытая философия и открытое общество. М.: 1972.
- 191.Крушинский Л.В. Формулирование поведения животных в норме и патологии. М.: Изд-во МГУ, 1960.
- 192.Кузнецов Б.Г. Философия оптимизма. М.: 1972.
- 193.Кузнецов Б.Г. Ценность познания: Очерки современной теории науки. М., 1975.
- 194.Курс практической психологии. Екатеринбург, АРД, АТД, 1986.

- 195.Кутергин Н.Цель и целесообразность как категория детерминизма. Автор. канд. дисс.,Свердловск, 1972.
- 196.Куценко В.И. Социальные законы и социальное предвидение.// Философская мысль, Киев, 1972, № 1.
- 197.Кьеркегор С. Единичный.//Быховский Б.Е. Кьеркегор. М.,1972.
- 198.Ладенко И.С. Интеллектуальные системы в целевом управлении. Новосибирск,1987.
- 199.Ладенко И.С., Тульчинский Г.Л. Логика целевого управления. Новосибирск. Наука, Сибирское отдел., 1988.
- 200.Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1994.
- 201.Лапин Н.И., Наумова Н. Ф. Коржова Э.М. Теория и практика социального планирования. М., Политиздат,1975.
- 202.Лебединский Н. Перспективные планы и прогнозы.//Коммунист, 1968,№9.
- 203.Левада Ю.А. Сознание и управление в общественных системах. Амित्रа-Урал, 1 // Вопросы философии. М.: 1966, № 5.
- 204.Левонтин Р. Человеческая индивидуальность: наследственность и среда. пер.с англ. М., Прогресс, 1993.
- 205.Лейбин В.М., Фрейд. Психоанализ и современная западная философия. М., 1990.
- 206.Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание. М.,1980.
- 207.Ленашвили П.Р. Ценность как категория аксиологии. Тбилиси: Изд-во Тбил. Ун-та, 1990.
- 208.Ленин В.И. Государство и революция. Полн. Собр. соч., т. 33. М.: Госполитиздат, 1963.
- 209.Ленин В.И. Догматизм и “свобода критики”. ПСС., т. 6. М., 1963.
- 210.Ленин В.И. К вопросу о задачах земской статистики. ПСС., т. 24. М., 1963.
- 211.Ленин В.И. Конспект "Науки логики". ПСС. т. 29. М., 1963.
- 212.Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. ПСС., т. 18. М., 1963.
- 213.Ленин В.И. Студенческое движение и современное политическое положение.ПСС., т. 17.М., 1963.

214. Ленин В.И. Что делать? ПСС., т. 6. М., 1963.
215. Ленин В.И. Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов? ПСС., т. 1. М., 1963.
216. Леонтьев Л.М. Проблемы развития психологии. М.: Мысль, 1965.
217. Лики культуры. Альманах. М., 1995
218. Лисичкин В.А. Отраслевое научно-техническое прогнозирование. М.: 1971.
219. Лисичкин В.А. Теория и практика прогностики. М.: Наука, 1972.
220. Лобовиков В. О. Модельная логика оценок и норм. Красноярск, 1984.
221. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. Соч.: В 3-х томах, т. 1. М.: Мысль, 1985.
222. Ломов Б.Ф. Соотношение социального и биологического как методологическая проблема психологии. // Вопросы философии, 1976, №4.
223. Лоренц К. Человек находит друга. пер. с англ. М., Мир, 1977.
224. Лосев А.Ф. История античной эстетики. М., Искусство, 1968-1990.
225. Лунин В.М. Модели индустриальной и постиндустриальной цивилизации в западной футурологии // Вестник С-Петербур. университета, Серия 6, 1993, вып. 1.
226. Лурия А.Р., Юдович Ф.Я. Речь и развитие психических процессов у ребенка. М., Высшая школа, 1966.
227. Льюис Д. Социализм и личность. М.: 1969.
228. Льюис Д. Человек и эволюция. М.: 1964.
229. Лямин В. С. Философские вопросы географии. М., 1989.
230. Макаров М.Г. Категория "цель" в домарксистской философии. Л.: Наука, Ленин. отдел., 1974.
231. Макаров М.Г. Категория "цель" в марксистской философии. Л.: Наука, Ленинградское отдел., 1974.
232. Макаров М.Г. Некоторые аспекты категории “цель” в связи с развитием кибернетики. // “Учен. зап. Тарт. государственного ун-та. “Труды по философии”, г. Тарту, 1965, т. 8.

- 233.Макаров М.Г. О проблеме цели в понимании природы. // Изв. АН Эст. ССР, серия Общ. наука, т. 10, Тарту, 1961, № 1.
- 234.Макаров М.Г. Развитие категории “цель” в философских учениях древности. // Учен. Зап. Тарт. государственного унив. Вып. 187, Тарту, 1966.
- 235.Макаровский А.А. Общественный прогресс. М.: 1970.
- 236.Мальков Б. Н. Методологические проблемы исследования технических знаний.// Вопросы философии. 1985, №11.
- 237.Мальков Б. Н. Человек и техника.// Советское военное образование, 1982, №3
- 238.Мамардашвили М. К. Стрела познания. набросок естественноисторической гносеологии. М.: 1996.
- 239.Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. М.: 1997.
- 240.Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. М.: 1968.
- 241.Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
- 242.Маркс К. и Энгельс Ф. Введение (из экономических рукописей 1857-1858 гг.). Собр. соч.т. 12.
- 243.Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология, т. 3.
- 244.Маркс К. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 23.
- 245.Маркс К. Письмо Людвигу Кугельману от 11 июля 1868 г., т. 32.
- 246.Маркс К. Письмо П.В. Анненкову от 28 декабря 1846 г., т. 27.
- 247.Маркс К. Письмо Фердинанду Лассалю от 16 июня 1861 г., т. 30.
- 248.Маркс К. Тезисы о Фейербахе. Т. 3.
- 249.Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г.// К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М.: 1956.
- 250.Мартынюк И.О. Жизненные цели личности: понятие, структура, механизмы формирования. АН УССР. Ин-т философии. Киев: Наук. Думка, 1990. С. 121.
- 251.Маслоу А. Психология бытия. М., 1997.
- 252.Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986.
- 253.Мелюхин И.С. Информационные системы в процессах управления.// Проблемы информатизации, 1993, №1.

- 254.Мелюхин С.Т. Можно ли предвидеть будущее? М.: 1966.
- 255.Мелюхин С.Т. Философские проблемы естествознания. М., 1985.
- 256.Методологические проблемы социального прогнозирования. Изд-во ЛГУ, Л., 1975.
- 257.Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975.
- 258.Мехонцева Д.М., Кухар Л.В. К теории целей. Краснояр. политехн. ин-т., Красноярск, 1988.
- 259.Микешина Л. А. Методология в контексте культуры.М., 1992.
- 260.Микешина Л. А. Ценностные ориентации субъекта и формы их отражения в научном знании.// Философские науки. 1982, №6.
- 261.Микешина Л. А. Ценностные предпосылки в структуре научного знания. М., 1990.
- 262.Миллс Р. Властвующая элита. М.: ИЛ, 1959.
- 263.Мильнер-Ирвинг Я.А. Этика или наука об истинной человечности. М.: 1962.
- 264.Михайлова И.Б. Методы и формы научного познания. М.: 1968.
- 265.Мишин В.И. Объективные законы истории и социальная активность // Философские науки. М.: 1968, №3.
- 266.Моисеев В.Д. Центральные идеи и философские основы кибернетики. М.: 1965.
- 267.Мордвинцева Л.П. "Феномен человека": эволюционно-биологический подход к теории познания // Философское понимание человека. Вып. 1. М.: ИНИОН АН СССР, 1988.
- 268.Морукович В.Г. Общественная активность - проблемы и решения. // Молодой коммунист. М.: 1965.
- 269.Москаленко А.Т., Сержантов В.Ф. Смысл жизни и личность. Новосибирск, 1989.
- 270.Мотрошилова Н.В. Познание и общество. М.: 1969.
- 271.Мстиславский П.С. К полному благосостоянию и всестороннему развитию человека. М.: 1969.

- 272.Мысливченко А.Г. Философские проблемы человека // Ленинизм и философские проблемы современности. М.: 1970.
- 273.Мысливченко А.Г. Человек как предмет философского познания. М.: 1972.
- 274.Напалков А.В. Некоторые принципы работы головного мозга. // Проблемы кибернетики, вып. 4., М.: 1960.
- 275.Наука и культура. М., Наука, 1984.
- 276.Наука и ценности. Л., 1990.
- 277.Наука и ценности. Новосибирск, 1987.
- 278.Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М., 1988.
- 279.Научные основы экономического прогноза. М.: Мысль, 1971.
- 280.Некоторые проблемы исследования социальной активности молодежи. Свердловск, 1970.
- 281.Никитина А.Г. Предвидение как человеческая способность. М.: Мысль, 1975.
- 282.Николаев Д.М. Футурология науки: проблемы теоретического обоснования // Прогностическая функция марксистско-ленинской философии. Свердловск, 1990.
- 283.Ниринг И. Кибернетика. Философские и социологические проблемы. М.: 1963.
- 284.Ницше Ф. Человеческое слишком человеческое. Книга для свободных умов. Соч. в 2-х томах, т.1. М. Мысль, 1996.
- 285.Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж-П. Сумерки богов. М., 1989.
- 286.Новиков И.И. Все ли целесообразно в природе. Л., 1961.
- 287.Новиков Н.В. Критика современной буржуазной “науки о социальном поведении”. М.: 1966.
- 288.О сущности жизни. Сб. ст. М.: 1964.
- 289.Обозов Н. Н. Межличностные отношения. Л., 1979.

- 290.Обуховская К. Психологическая теория строения и развития личности // Психология формирования и развития личности. М.: 1981.
- 291.Общественно-политическая активность трудящихся. Свердловск, 1970.
- 292.Общество и сознание. пер. с нем. М.: Прогресс, 1984.
- 293.Овчинников Г. К. Противоречия между базисом и надстройкой и способы их разрешения. М., 1990.
- 294.Оганов А. А. Логика художественного отражения. М., 1972.
- 295.Оганов А. А. Национальный аспект художественной культуры. Вильнюс, 1989.
- 296.Огурцов А.П., Юдин Э.Г. Деятельность // БСЭ т. 8. М.: 1962.
- 297.Орлов Б. В., Эйнгорн Н. К.Духовные ценности: проблема отчуждения. Екатеринбург, 1993.
- 298.Павлов Т.Д. Автоматы, жизнь, сознание. // Философские науки, 1963, № 1.
- 299.Павлов Т.Д. Информация, отражение, творчество. М.: 1967.
- 300.Павлюченко В.И. Экономические проблемы управления научно-техническим прогрессом. М.: Наука, 1973.
- 301.Пекелис В. Кибернетическая смесь. М.: 1973.
- 302.Пеньков Е.М. Социальные нормы-регуляторы поведения личности. Некоторые вопросы методологии и теории. М.: 1972.
- 303.Перегудов Ф.И., Сагатовский В.Н., Ямпольский В.З. Принципы декомпозиции целей и методика построения дерева целей в системах организованного управления.// Кибернетика и вуз. Томск, 1975, вып. 8.
- 304.Першинов В. Я. Проблема причинности в философии и естествознании. М., 1979.
- 305.Першинов В. Я. Рациональный смысл кантовского априоризма.//Кантовский сборник. Вып. 13. Калининград, 1988.
- 306.Петрушенко Л.А. Принцип обратной связи. М.: 1967.
- 307.Петрушенко Л.А. Самодвижение материи в свете кибернетики. М.: 1971.
- 308.Печчеи А. Человеческие качества. М.: Мысль, 1980.

- 309.План электрификации России. М., 1955.
- 310.Платонов Г.В. Жизнь, наследственность, изменчивость. Методологические аспекты. М., 1978.
- 311.Платонов Г.В. Картина мира, мировоззрение и идеология. М., 1972.
- 312.Платонов К.К. Проблемы способностей. М.: Наука, 1972.
- 313.Плеханов Г.В. Критика наших критиков. Избр. соч. в 6 т., т. 2, М., 1954.
- 314.Подольская Т.Я. Политическая футурология о социализме как альтернативе общественного развития // Комплексный характер научных исследований проблем общественного развития. М., 1990.
- 315.Поликанова Е.П. Общественно-политическая активность личности и ее место в историческом процессе. // Вестник МГУ. Серия философия, 1972, № 2.
- 316.Померанц Г. Выход из транса. М.: Юрист, 1995.
- 317.Попов Б.Ф., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. М.: 1980.
- 318.Приспосабливающиеся автоматические системы. Сб. ст. пер. с англ. М.: Наука, 1963.
- 319.Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969.
- 320.Проблемы причинности в современной биологии. Сб. ст. М.. 1972.
- 321.Проблемы социального планирования (под. ред. З.И. Файнбурга). Пермь. Политех. инст., 1974.
- 322.Прогнозирование в социологических исследованиях. М.: Мысль, 1978.
- 323.Психоанализ и культура. М., Юрист, 1995.
- 324.Пушкин В.Н. Психология и кибернетика. М.: 1971.
- 325.Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. Пер. с франц. М.: 1972.
- 326.Пятигорский А.М. Избранные труды. М. 1996.
- 327.Рабочая книга по прогнозированию. М.: Мысль, 1982.
- 328.Равен Х. Онтогенез. М.: 1963.
- 329.Раздумья о будущем. М.,1987.
- 330.Разумовский О.С. Бихевиоральные системы. Новосибирск. Наука, Сибирское отдел., 1993.
- 331.Рассел Б. История западной философии. М.: 1959.

332. Роль общественности в управлении производством. Сб. ст. Харьков, 1968.
333. Ропиков Н.И. Категория “цель”: проблемы исследований. М.: 1980.
334. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Политиздат, 1940.
335. Руденский Е.В. Социальная психология. Моск.-Новосиб., 1997.
336. Румянцева Т.М. Интервью с будущим. Л.: Лениздат, 1971.
337. Самоорганизация науки. Опыт философского осмысления. Сб. ст. М.: Арго, 1994.
338. Семенов Ю. Н. Научное познание и ценности техногенной цивилизации// Вопросы философии 1989, №10.
339. Семенов Ю.Н. Объективный критерий социального прогресса // Вопросы философии. М.: 1968, №9.
340. Семенов Ю.Н. Системность теоретических знаний и процедуры конструктивного обновления теории// Теория и метод, М., 1977.
341. Сеченов И.М., Павлов И.П., Введенский Н.Е. Физиология нервной системы // Избр. Труд., вып. 3, М.: 1952.
342. Сивоконь П. Е. О гуманизации в науке и культуре. М., 1982.
343. Симонов П. В. Высшая нервная деятельность человека: Мотивационно-эмоциональные аспекты. М., 1975.
344. Симонов П. В. Мотивированный мозг. Высшая нервная деятельность и естественно-научные основы общей психологии. М., 1987.
345. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. М., 1981.
346. Смирнов С.Н. Диалектика отражения и взаимодействия в эволюции материи. М.: Наука, 1974.
347. Смолян Г. Л. Человек и ЭВМ - три аспекта проблемы// Вопросы философии 1973, №3
348. Смолян Г.Л. Концепция взаимодействия человека и машины: истоки, значения, развитие// там же 1978, №4.
349. Современное управление. В 2-х томах. М., 1997.
350. Согомонов Ю.Г. Добро и зло. М.: 1965.

351. Сознание как категория материалистической диалектики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
352. Соколов В.В. Европейская философия 15-17 веков. М.: Мысль, 1984.
353. Социальные ценности и нормы. Киев, 1976.
354. Спиноза Б. Избранные произведения. М.: ч. 1, 1957.
355. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М. Политиздат, 1972.
356. Станкевич Л.П. Активность как мера деятельности личности // Вестник МГУ. Серия философия. М., 1970, №6.
357. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М., Высшая школа, 1992.
358. Стефанов Н., Яхиел Н. Управление, моделирование, прогнозирование. М.: Экономика, 1972.
359. Судаков К. В. Биологические мотивации. М., 1971.
360. Супрун В.И. Современная буржуазная футурология: проблемы, тенденции. Новосибирск, 1986.
361. Сэв Л. Марксизм и теория личности. М.: 1972.
362. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995.
363. Тинберген Н. Поведение животных: Пер. с англ. М.: Мир, 1969.
364. Тоффлер А. Футурошок. Санкт-Петербург, 1997.
365. Традиции в истории культуры. М., 1978.
366. Трельч Э. Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1995.
367. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994.
368. Трубников Н.Н. О категориях "цель", "средство", "результат", М.: Высшая школа, 1967.
369. Труды I-го Международного конгресса Международной федерации по автоматическому управлению. М.: 1961, т. 1-3.
370. Тугаринов В. П. О ценности жизни и культуры. Л., 1960.
371. Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. М., 1968.
372. Тугаринов В.П., Румянцева Т.М. Предвидение и современность. Л.: Лениздат, 1976.

373. Тульчинский Г.Л. Проблема осмысления действительности. Лог.-филос. анализ. Л. ЛГУ, 1986.
374. Турбовский М.Б. Труд и мышление. М.: 1987.
375. Уайтхед А. Н. Избр. работы по философии. М., 1990.
376. Украинцев Б.С. Выбор поведения в процессе целеосуществления. // Методологические проблемы биокibernетики. М., 1974.
377. Украинцев Б.С. Категории “активность” и “цель” в свете основных понятий кибернетики: // Вопросы философии, 1967, № 7.
378. Украинцев Б.С. Самоуправляемые системы и причинность. М.: 1972.
379. Управление организацией. М., 1998.
380. Управление персоналом в условиях социальной рыночной экономики (под науч. ред. Р. Марра и Г. Шмидта). М., 1997.
381. Урсул А.Д. Информатика, кибернетика, интеллект. Кишинев, 1988.
382. Урсул А.Д. Информация. М.: 1972.
383. Урсул А.Д. Информация. Методологические аспекты науки. М., 1961.
384. Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке. М., 1975.
385. Уснадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Мысль, 1966.
386. Уэллис Г. Прагматизм - философия империализма. М.: ИЛ, 1955.
387. Философия и культура. М., Наука, 1977.
388. Философия и прогностика: Пер с нем. М.: Прогресс, 1971.
389. Философия и ценностные формы сознания. М., 1978.
390. Философские проблемы современного естествознания. М.: 1959.
391. Флейшман В.С. Технический прогресс и теория сложных систем. // Материалы к симпозиуму "Исследование операций и анализ развития науки" ч. II. М.: 1997.
392. Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1995.
393. Франк С. Л. Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд. Спб., 1900.
394. Франк Ф. Философия науки. пер. с нем. М., 1960.
395. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

- 396.Фрейд Э. Психология бессознательного. М., Просвещение, 1989.
- 397.Фролов И.Т. О причинности и целесообразности в живой природе. М.: 1951.
- 398.Фролов И.Т. Существует ли целесообразность в живой природе (дарвинизм и телеология). М.: 1957.
- 399.Фромм Э. Человеческая ситуация. М., 1995.
- 400.Фурсов А. У конца "третьей эпохи" (к практической теории социальной эсхатологии). // Социум. М.: 1997, № 2.
- 401.Харро фон Зенгер. Стратегемы. О китайском искусстве жечь и выживать. М.: Прогресс, 1995.
- 402.Хилл Т.И. Современные теории познания. пер. с англ. М., 1965.
- 403.Холличер В. Человек в научной картине мира. пер. с нем. М., 1971.
- 404.Хорни К., Фромм Э. Психоанализ и культура. М., Юрист, 1995.
- 405.Худушин Ф.С. Человек и природа. М., 1966.
- 406.Целищева И.В. О некоторых тенденциях в методологии предвидения и футурологии // Социальные факторы гуманизации общественных отношений. Харьков, 1990.
- 407.Ценности и оценки. М., 1972.
- 408.Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1996.
- 409.Ценностные аспекты развития науки. М., 1990.
- 410.Ценностные ориентации в гуманитарном познании: Научно аналитический обзор. Киев, 1989.
- 411.Чагин Б.А. Субъективный фактор. Структура и закономерности. М., 1968.
- 412.Человек и эпоха. М.,1964.
- 413.Человеческие способности машин. Пер. с англ. Сб. ст. М.: 1971.
- 414.Черри К. Человек и информация. М.: 1972.
- 415.Човчадзе Н.З. Культура и ценности. Тбилиси, 1984.
- 416.Шарден. Т. Феномен человека. М.: Наука, 1987.
- 417.Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М.,1984.

- 418.Шеллинг Ф.В. О сущности человеческой свободы. Спб, 1908.
- 419.Шенон К.Э. Работы по теории информации и кибернетике. М.: 1963.
- 420.Шепель В.М. Имиджеология. Секреты личного обаяния. М.: Культура и спорт, 1997.
- 421.Шепель В.М. Ортобиотика. Слагаемые оптимизма. М.: Авицена, 1996.
- 422.Шептулин А.П. Категории диалектики. М.: 1971.
- 423.Ширяев Н. Концепция производства в основном экономическом законе формации. // Экономические науки. М.: 1958, №6.
- 424.Шовен Р. Поведение животных: Пер. с франц. М.: Мир, 1972.
- 425.Шопенгауэр А. О свободе воли, Минск, 1977.
- 426.Шопенгауэр А. Свобода воли и основы морали. Спб, 1896.
- 427.Шпенглер О. Закат Европы: очерки мифологии мировой истории. М., 1993.
- 428.Щедровицкий Г.П. Человек как предмет исследования.// Избранные труды. М.: 1995.
- 429.Эделинг Г. Прогнозирование и социализм: Пер с нем. М.: Прогресс, 1970.
- 430.Эйрес Р. Научно-техническое прогнозирование и долгосрочное планирование. М.: 1971.
- 431.Эмери Ф. О целеустремленных системах. М.: 1974.
- 432.Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Собр. соч. т. 20.
- 433.Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса “Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850”, Собр. соч. т. 22.
- 434.Энгельс Ф. Диалектика природы. Собр. соч., т. 20.
- 435.Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Собр. соч. т. 21.
- 436.Эрикссон Э. Идентичность: Юность и кризис. М., 1996.
- 437.Эшби У.Р. Введение в кибернетику. (пер. с англ.) М.: 1959.
- 438.Эшби У.Р. Конструкция мозга: Пер. с англ. М.: Мысль, 1962.
- 439.Юдин Б. Г. Методологический анализ как направление изучения науки. М., 1986.

- 440.Юдин Б. Г. Научное знание как культурный объект.// Наука и культура. М., 1984.
- 441.Юдин Э.Н. Отношение философии и науки как методологическая проблема// Философия в современном мире. М.,Наука ,1972.
- 442.Юм. Д. Исследование о человеческом уме. Спб., 1916.
- 443.Юровицкий О.Г. К рассмотрению структуры целеполагания. //Проблемы диалектики научного познания. Куйбышев, 1986.
- 444.Язык и наука конца 20-го века. Сб. ст. М.: 1995.
- 445.Яковлев Г.С. Аппарат управления: принципы организации. М.: Юрид. лит., 1974.
- 446.Ямпольский С., Хилюк Ф., Лисичкин В. Проблемы научно-технического прогнозирования. М.: Экономика, 1969.
- 447.Янагида. Философия свободы. пер. с япон. М.: 1958.
- 448.Янг Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. Пер. с англ. 2-е изд. М.: Прогресс, 1974.
- 449.Янков М. Материя и информация. М.: 1979.
- 450.Ярошевский М.Г. История психологии. М.: Мысль, 1976.
- 451.Ярошевский Т.М. Личность и общество. М.: 1973.
- 452.Ярская В.Н. Научное предвидение. Саратов Изд-во Саратов. ун-та, 1980.
- 453.Яхонтов Б.А. Предвидение как способность и деятельность. М.: Изд-во МГТУ, 1993.
- 454.Яценко А.И. Цель и проблема свободы (на укр.языке) // Проблемы философии. Изд. КГУ, вып. 1,1976.

Литература на иностранных языках

1. Allport G. W., Venion P. E. and UiMbey G. A Study of Values. Boston, 1960.
2. Atwell J.E. Ends and principles in kant's moral thought - Dordreccht etc.: Nijhoff, 1986. -XIII.
3. Baier K. and Rescher N. (Ed.) Values and the Future: The impact of technological

- change on american values (содержит большую библиографию проблемы).
4. Barrow J.D., Tipler F.J. The anthropic cosmological principle. -Oxford, 1990: Claredon press, 1989. -XX.
 5. Becker E. The structure of Evil: An Essay on the Unification of the Science of Man. N.-Y., 1968.
 6. Bedau M. Against mentalism in teleology. Amer. philos. quart. -Oxford, 1990. - Vol. 27, ¹1.
 7. Bedau M. Can biological teleology be naturalized? J of philosophy. -N.Y., 1991. - Vol. 88, ¹11.
 8. Bethel D. M. Makiguchi - the Value Creator: Revolutionary Japanese Educator and Foudrer of of Soka Gakkai. N.-Y.-Tokyo, 1973.
 9. Binswanger H. Life-based teleology and the foundation of ethics. Monist. La Salle (Ind.), 1992. - Vol. 75, ¹1., p. 84-103.
 10. Blais M. L'echelle des valeurs humaines. - Montreal, 1974.
 11. Brown N.O. Appocalypse and / or metamorphosis. -Berkley etc.: Univ. of California press, 1991., IX.
 12. Cowell E. R. Values in Human Society. The Contributions of Pitirim A. Sorokin to Sociology. Boston, 1970.
 13. Den Uyl D.J. Teleology and agent-centeredness. Monist. - La Salle (Ind.), 1992. - Vol. 75, ¹1., p. 14-33.
 14. Doob L.W. Inevitability: Determinism, fstsism, A. destiny -N.Y. etc.: Greenwood press, 1988. -IX.
 15. Drabek T. An Assessing Organizational Priorities: Concept and Method- Sociological Quart, 1973.
 16. Edwards S.A. Interior acts: teleology, justice, A. Friendship in the religious ethics of Thomes Aquinas - Lanham etc.: Univ. Press of America, 1986. - XI, p. 171.
 17. EiscBberg N., Reykowski J., Staub E. (Ed.) Social and moral Values: Individual and societal perspectives. Hilisdale, 1989 (содержит библиографию проблемы).
 18. Engelmann E. Aristotelian teleology, presocratic hylozoizm, and 20th century interpretation.

- 19.Folse H.J. Complementarity and the description of nature in biological science. Biology A. Philosophy. Dordrecht etc., 1990. - Vol. 5, №2.
- 20.Fraasen B.C. Van. Aim and structure of scientific theories. Logic, Metodology and Philosophy of science. - Amsterdam ets., 1986, p. 307-308.
- 21.Franfcel M. S. (Ed.) Values and Bthics in Organization and Human Systems Development. An Annotated Bibliography. USA, 1987.
- 22.Frankl V. Logotherapie unol Existenztanalyse Muchen. 1987.
- 23.Fried Ch. An Anatomy of Values: Problems of Personal and Social Choice. Cambridge—Mass., 1970.
- 24.Frondizi R. What is Value? An Introduction to Axiology. 2 ed. Illionois, 1971.
- 25.Garret M.J. National 21st century studies: model for an effective approach. Futures. -Guilford, 1990, -Vol. 22, ¹⁴.
- 26.Godry I. De la valeur. Bruxelle-Louvin-Paris, 1986.
- 27.Graham A. The Problem of Value. L., 1961
- 28.Hague, 1972.
- 29.Hankinson R.J. A Kindom of ends. Biology A. Phylosophy. -Dordrecht etc.: 1990, Vol. 5, ¹¹
- 30.Hayden M. Rediscovering eudaimonistic teleology. Monist. - La Salle (Ind.), 1992. - Vol 75 ¹¹., p. 71-83.
- 31.Hayek F. A. The Three Sources of Human Values. L., 1978
- 32.Higgins R. The Seventh Enemy. The human factor in the global crisis. L, 1978.
- 33.Husserl E. Vorlesungen uber Ethik und Wertlehre. 1908-1914. Hrsg. von U. Melle. Dordrecht-Boston-London, 1988.
- 34.Irundsätze zur Erarbeitung von Prognosen auf den Lebten von Naturwiss enschaft und Technik, Wissenschaftsprognostik,B.,1981.
- 35.Irving J. A. Science and Values. Toronto, 1952.
- 36.Joshi H. M. (Ed.) Recent Approaches to Axiology. -Bharatiya -
- 37.Keleti P. From action to interaction: values, methods and goals in philosophy, culture and education. -N.Y. etc.: Lang, 1988. -XIV.
- 38.Kenney R. L. Value-focused Thinking: A Path to Creative Decisionmak-ing.

- Cambridg. L., 1992.
- 39.Klaus I., Schulze H., Sic lesetz und Fortschrett in der Leschiche. Ditz Verlong, Berlin, 1967.
 - 40.Kuypers K. (ed.) Human Sciences and the Problem of Values. The Laird J. The Idea of Value. N.-Y., 1969.
 - 41.Laslo E. A. Systems philosophy of Humas Values.// Behavioral Science. 1972, vol.18,№4. p.250-259.
 - 42.Laudan L. Science and values. The aims of sciance. A. Their role in scientific debate - Berkley etc. Univ of california press., 1984 - XIV, p. 149.
 - 43.Lepley R, (Ed.) Value: A cooperative Inquiry. Westport, 1970.
 - 44.Lin Dinguyi. On the aim model of scientific progress. Social sciences in china. Beijing, 1991. - Vol. 12, №4.
 - 45.Lo Ping-Cheung Treating persons as ends: an essay on kant's moral philosophy - Lanham etc.: Univ press of America, 1987. -XX.
 - 46.Macintyre A. Individual and socialmorality in Japan the united states: Rival conceptions of the self. Philosophy east A. West. - Honolulu, 1990. - Vol. 50, №4, p. 489-497.
 - 47.Makiguchi Ts. The Philosophy of Value. Tokyo, 1964.
 - 48.Maslow A. H. (Ed.) New Knowledge of Human Values. N.-Y., 1959.
 - 49.Maslow A. H. Motivation and Personality. N.-Y., 1954.
 - 50.Mayr E. The idea of teleology. J. Of the history of ideas. - Philadelphia, 1992. - Vol. 53, №1, p. 117-135.
 - 51.McLean F., Pegoraro O. (Ed.) The Social Context and Values: Perspectives of the Americas. Washington D. C., 1989 (содержит библиографию проблемы).
 - 52.Montagu A. and Matson F. The Dehumanisation of Man. N.-Y., 1983. Les valeurs culturelles: dimension cultur. lle du developpement. — Cultures. Vol. Yl. № 1. Paris, 1979.
 - 53.Morris Ch. Signification and Significance: A Stady of the Relations of Signs and Values. Cambridge, 1964.
 - 54.Morris Ch. The Language ofValue. N.-Y., 1957.

55. Murphey M. G. and Berg J. (Ed.) *Values and Value Theory in Twentieth-Century America. Essays in Honor of Elizabeth Flower.* — Philadelphia, 1988.
56. Norton D.L. On recovering the telos in teleology, or, “Where’s the beef?” *Monist.* -La Salle (Ind.), 1992. -Vol. 75, ¹ 1.
57. Parsons T. and Shib E. A. (Ed.) *Toward a general theory of action.* — Cambridge, 1952.
58. Peirce Ch. S. *Values in a Universe of Chance.* N.-Y., 1958.
59. Perrow Ch. *The short and Glorious of organizational.* - *Organizational dynamics*, 1973.
60. *Philosophy in the Mid-Sentry. Firmness*, 1959. Vol. 4, p. 24.
61. Pruett G.E. *The Meaning and end of suffering for freud and the buddhist tradition* - Lanham etc.: Univ. press of America, 1987. - XI, p. 511.
62. Redner H. *The ends of science: an essay in sci. authority* - boulder; L.: Westview press, 1987. - XIV, p. 344.
63. Rescher N. *Introduction to Value Theory.* —New Jersey, 1969.
64. Rescher N. *The limits of science* - Berkley etc.: univ. of California press, 1984. - XII, p. 255.
65. Rescher N. *The Nature of Human Values.* N.-Y., 1973.
66. Rintelen F.-J., von. Der Baier K. and Rescher N. (Ed.) *Values and the Future: The impact of technological change on american values.* N.-Y.—L., 1971.
67. Rintlen F. *Philosophie der Endlichkeit als Spiegel der Gegenwart/* Bonn., 1951.
68. Rohrlich F. *From paradox to reality: our basic concepts of the physycal world* - Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1989. - X, p. 227.
69. Rokcach M. *The Nature of Human Values.* N.-Y.—L., 1973.
70. Rokeach M, *The Nature of Human Values.* N.-Y.—L., 1973 (содержит обширную библиографию работ на английском языке).
71. Shardlow St. (Ed.) *The Values of Change in Social Work.* L.— N.-Y., 1989.
72. Shibutani T. *Society and Personality.* N.-Y., 1961.
73. *Sistem Thinkinng.* Emery S. (eol). N.Y., 1978.
74. Smelser N. *Theory of collective behavior.* NY.: Free press, 1963.

75. Smith T. Why a teleological defense of rights needn't yield welfare rights. J. of social philosophy. - Villanova, 1992. - Vol. 23, ¹ 3., p. 35-50.
76. Soontiens F.J.K. Evolution teleology or chance? Ztschr. fur allgem. wissenschaftstheorie = j. for gen. philosophy of science. - Stuttgart, 1991. - BD 22, H. 2.
77. Sorenson L. Natural Inequality and Rousseau's political philosophy in his "Discourse on inequality". Western polit. quart. - Salt Lake City, 1990. - Vol. 43, ¹ 4.
78. Sorokin P. Social and Cultural Dynamics. Vol. 1—2. N.-Y., 1962.
79. Tiles M. A science of Mars or of Venus? Philosophy. - Cambridge; N.Y., 1987. - vol. 62, N 241. - p. 293-306.
80. Veatch H.B. Modern ethics, teleology, and love of self. Monist. - La Salle (Ind.), 1992. - Vol. 75, ¹ 1., p. 52-70.
81. Vidya - Prakashan., 1991.
82. Wittgenstein L. Culture and value. Oxford: Blackwell, 1980.
83. Yaspers K. Philosophie. Berlin, 1932, p. 181.
84. Yaspers K. Vom Ursprung und
85. Zeit der Geschichte, Munchen, 1952.